

Институт Наследия

Мониторинг
археологического
наследия
и
Земельный
кадастр

Министерство культуры Российской Федерации
Российская Академия наук
Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д.С.Лихачёва

Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр

Сборник статей
(по материалам семинара 1998-1999 гг.)

Москва
2000

ББК 63.4 (2)

Научные редакторы: *Ю.А.Веденин, С.В.Гусев*

Составители: *С.В.Гусев, А.В.Загорюлько,*

С.З.Чернов

**МОНИТОРИНГ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ КАДАСТР.**

Сборник статей по материалам семинара
1998-1999 гг. М.: Институт Наследия, 2000.

233 с., с илл.

Рассматривается опыт проведения мониторинга археологического наследия, анализируются принципы и методы мониторинга на федеральном, региональном и микрорегиональном уровнях с учетом особенностей памятников различных эпох и ландшафтов. Участники семинара "Мониторинг археологического наследия" предлагают пути сохранения археологического наследия в регионах России. Рассматриваются проблемы учета археологического фактора в системе современной земельной политики в России. Материалы адресованы специалистам в области сохранения культурного и природного наследия и всем, кто обеспокоен состоянием наследия народов России.

ISBN 5-86443-054-4

© Российский НИИ культурного
и природного наследия имени
Д.С.Лихачёва, 2000

Содержание

<i>Ю.А.Веденин</i>	Предисловие	8
Раздел I.	Мониторинг археологического наследия	11
	<i>СТАТЬИ</i>	
<i>С.В.Гусев</i>	Археологическое наследие России: опыт анализа состояния памятников в 1996, 1997, 1998 гг.	12
<i>А.В.Субботин</i>	К вопросу о перспективах археологического мониторинга	26
<i>А.В.Чернышев</i>	Некоторые особенности организации картографического мониторинга памятников археологического наследия	31
<i>С.З.Чернов</i>	Мониторинг археологических памятников средневекового Радонежа по данным исторических источников, натурным наблюдениям и инвентаризации 1997 года (Московская область)	35
<i>А.А.Кудрявцев</i>	Опыт исследования, мониторинга и музеефикации объектов культурного и природного наследия (по материалам Татарского городища)	80
<i>В.А.Буров</i>	О сохранности памятников археологии Верхнешлинского микрорегиона (Валдай)	96
<i>В..Я.Шумкин</i>	Проблема сохранения памятников наскального творчества на севере Европейской России	101
<i>С.В.Гусев, А.В.Чернышев</i>	Создание корпоративных информационных систем мониторинга археологического наследия (на примере Чукотки)	106

<i>О.В.Бочкарева</i>	Археологический фактор в музеефикации наследия Соловецких островов117
<i>И.В.Волков.</i>	Эволюция оценок состояния золотоордынских городищ Нижней Волги120
<i>Н.И.Завьялова</i>	Мониторинг историко-культурных ландшафтов (на примере зон охраны памятников истории и культуры Подмосковья)140
	КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
<i>О.А.Новоселова</i>	Экологический мониторинг: проблемы и перспективы, опыт работ территориальных подсистем ЕГСЭМ161
<i>А.М.Амирханов, В.Б.Степаницкий, А.К.Благовидов</i>	Принципы и методы организации мониторинга биоразнообразия на особо охраняемых территориях162
<i>С.В.Чистов</i>	Мониторинг территории на основе дешифрирования аэрокосмических снимков163
<i>О.В.Софейков</i>	О некоторых принципах организации системы мониторинга за состоянием археологических объектов164
<i>Ю.Соболев</i>	Мониторинг памятников культуры и “детская археология”165
<i>А.С.Смирнов</i>	О принципах и критериях археологического мониторинга166
<i>А.В.Энговатова</i>	Информационно-справочные системы археологических памятников и возможности их применения в мониторинге (на примере памятников Павлово-Посадского р-на Московской области)166

<i>А.В. Старков,</i> <i>С.Е. Чаиркин</i>	Археологическое наследие Свердловской области	168
<i>В.И. Гордеев,</i> <i>Ю.А. Зеленева,</i> <i>А.И. Михеева</i>	Мониторинг археологического наследия в Республике Марий Эл	169
<i>Г.С. Лебедев</i>	Археология Петербурга и региона и мониторинг культурно-исторического наследия Северо-Запада России	171
<i>А.Г. Векслер,</i> <i>Л.В. Кондрашев</i>	Система мониторинга памятников археологии в г.Москве	172
* <i>Н.Б. Леонова</i>	Археологический мониторинг — необходимое условие в системе охраны памятников	173
<i>М.В. Климов</i>	Археологический мониторинг памятников административного района	174
<i>А.М. Илюшин</i>	О разрушении археологических памятников на территории Кемеровской области	175
<i>С.В. Колонцов</i>	Инвентаризация и проект зон охраны как основа организации мониторинга археологических памятников	176
<i>А.В. Поротов</i>	Вопросы оценки эрозионного риска археологических памятников побережья Юго-Восточной Чукотки	177
<i>Ю.В. Горлов</i>	К проблеме сохранения археологичес- ких памятников Азовского побережья Таманского полуострова	178
<i>К.Ю. Ефимов</i>	Охрана археологических памятников в Воронежской области	178

<i>В.Н.Ковалевский</i>	Мониторинг памятников археологии на примере Семилукского р-на Воронежской области	179
<i>Л.В.Лбова, Ю.А.Анисимова</i>	Перспективы и возможности создания системы археологического мониторинга в Бурятии	180
<i>А.Д.Пряхин, Ю.Д.Разуваев, М.В.Цыбин</i>	Микрорегион археологических памятников "Вантит" на северной окраине г.Воронежа	181
<i>Б.Е.Янишевский</i>	Археологические карты и мониторинг памятников	181
<i>Н.А.Кренке</i>	Наблюдение за памятниками железного века и древнерусского времени на территории Москвы за 200 лет	182
<i>В.Л.Ивченко</i>	Ретроспективный мониторинг как метод охраны археологических памятников	183
<i>М.И.Гоняный</i>	Предварительные результаты мониторинга археологических памятников в Подольском р-не Московской области	184
<i>В.Я.Конецкий, Е.В.Торопова</i>	Формирование информационной базы для системы охраны памятников археологии Новгородской области	185
<i>Г.А.Зайцева, А.В.Есенин</i>	Комплексный мониторинг культурного и природного наследия в музеях-заповедниках	186
<i>М.И.Гоняный, В.П.Гриценко, А.К.Зайцев</i>	Специфика контроля за состоянием и использованием памятников археологии на территории военно-исторического и природного музея-заповедника "Куликово поле"	187

<i>Г.С.Мартынова</i>	Опыт музеефикации археологических памятников на примере “Томской писаницы”	188
<i>Л.И.Погодин</i>	Сохранение и мониторинг уникальных археологических ландшафтов	189
<i>А.И.Мартынов</i>	О концепции современного отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири	190
Раздел II.	Земельный кадастр и археологическое наследие	191
<i>В.Ф.Приходько</i>	Земельный кадастр и охрана археологического наследия	192
<i>С.В.Гусев</i>	Проблемы составления Кадастра земель историко-культурного назначения	198
Материалы 2-го научно-практического семинара “Мониторинг археологического наследия” (Москва, 12-13 мая 1999 г.)		205
Обращение государственных органов по охране историко-культурного наследия субъектов Федерации и специалистов по охране и изучению историко-культурного наследия “О неотложных мерах по охране историко-культурного наследия в связи с созданием Земельного кадастра”		209
Раздел III.	Российский и зарубежный опыт охраны памятников археологии	211
<i>А.В.Загорулько</i>	Эволюция государственной политики сохранения и изучения археологического наследия в США	212
Сведения об авторах		226
Список сокращений		232

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семинары, посвященные проблеме сохранения и использования археологического наследия, стали традиционными в Институте Наследия. На этих семинарах обсуждаются актуальные вопросы, связанные с самыми различными аспектами данной проблемы. Целью работы семинаров является обобщение опыта совместной работы археологов и широкого круга специалистов, связанных с организацией деятельности на исторических территориях, разработка на этой основе новых методик и подходов к сохранению археологического наследия. Вышедший из печати в 1997 г. коллективный труд “Археологический фактор в планировочной организации территории” подвел итоги семинара, на котором рассматривалась роль археологических данных в культурноохранном проектировании в России и некоторых зарубежных странах.

С 1997 г. Российский НИИ культурного и природного наследия (Институт Наследия) совместно с Минкультуры РФ организует и проводит семинар “Мониторинг археологического наследия”. На семинаре, состоявшемся 30 апреля 1997 г., обсуждались проблемы слежения и контроля за состоянием археологического наследия на федеральном и региональном уровнях, на особо охраняемых историко-культурных и природных территориях.

Мониторинг — важнейшее звено в цепочке мероприятий, обеспечивающих сохранение археологических памятников. Основными требованиями к мониторингу археологического наследия являются его надежность, непрерывность и комплексность. Только при выполнении этих требований можно обеспечить нормальные условия для контроля за состоянием памятника и своевременного принятия управленческих решений, препятствующих его разрушению. Поставленные под охрану или вновь выявленные памятники нередко оказываются в поле зрения органов охраны памятников только тогда, когда разрушения стали уже весьма значительны, а для исправле-

ния сложившегося положения необходимы значительные финансовые, технические и организационные усилия. А нередки случаи и полной потери памятника. Для того, чтобы исключить вероятность возникновения подобных ситуаций, необходима организация разветвленной системы мониторинга — важное условие создания федеральной и региональной систем контроля за состоянием и использованием памятников археологии и выработки управленческих решений с учетом культурной, социально-экономической и природной ситуации, сложившейся в различных регионах России.

За два десятилетия, прошедших со времени начала массовой паспортизации памятников археологии, на территории многих регионов России неоднократно проводилось обследование состояния памятников, соответствующее (в большей или меньшей степени) начальному этапу формирования системы мониторинга. Цель семинара — обобщение этого опыта и выработка принципов и приемов мониторинга с учетом особенностей памятников различных эпох, ландшафтов и регионов.

На семинаре, прошедшем 12 мая 1999 г., акцент был сделан на проблемах сохранения археологического наследия в условиях изменения характера землепользования в России и в контексте современной земельной политики в стране. Это связано, прежде всего, с активной работой Госкомзема по составлению Земельного кадастра, в котором, по моему мнению, должны быть учтены объекты археологического наследия в качестве отдельного ресурса.

Сборник состоит из трех разделов. Первый раздел “Мониторинг археологического наследия” включает статьи и краткие сообщения участников семинара 1997 г. Второй раздел “Земельный кадастр и археологическое наследие” наряду со статьями содержит материалы семинара 1999 г. Третий раздел посвящен зарубежному опыту в охране наследия. Такая структура сборника позволяет не только отразить результаты, достигнутые конкретными специалистами и авторскими коллективами, но и увидеть их место в контексте культуроохранной практики.

В материалах сборника приведены результаты работ, в той или иной степени касающихся опыта организации и ведения мониторинга объектов археологического наследия на федеральном уровне, а также представлен широкий спектр мнений авторов об организации и проведении мониторинга археологического наследия в ряде регионов России.

Сборник адресован специалистам в области сохранения и использования археологического наследия: сотрудникам государственных органов по охране памятников истории и культуры, археологам, архитекторам, специалистам в области охраны окружающей среды и земельной политики, а также всем, кто обеспокоен состоянием культурного наследия народов России.

Ю.А.Веденин

Публикации материалов семинаров

Археологический фактор в планировочной организации территории. Материалы семинара. Ответственный редактор Ю.А.Веденин. Редакторы-составители: С.В.Гусев, С.З.Чернов, А.В.Загоруйко, В.К.Голенко. М.: Институт Наследия. 1997.

Мониторинг археологического наследия. Научно-практический семинар. 30 марта - 1 апреля 1998 г. Тезисы докладов. Редакторы-составители: Ю.А.Веденин, С.В.Гусев. М.: Институт Наследия. 1998.

Раздел I.

Мониторинг археологического наследия

№ п/п	Наименование объекта	Адрес	Содержание	Сроки проведения работ	Исполнитель
1	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
2	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
3	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
4	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
5	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
6	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
7	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
8	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
9	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник
10	Археологический памятник «Селищенское городище»	г. Селищи, ул. Мира, д. 10	Исследования, раскопки, реставрация	2023-2024 гг.	Иркутский археологический музей-заповедник

С.В.Гусев

Археологическое наследие России: опыт анализа состояния памятников в 1996, 1997, 1998 гг.

В настоящее время в Российской Федерации научными исследованиями выявлено более 100 тыс. памятников археологии, включающих в себя стоянки, городища, селища, могильники, святилища, памятники наскальной живописи, шахты, мастерские, участки культурного слоя в исторических городах. Из них только немногим более 18 тыс. объектов взяты на учет и поставлены под охрану государством.

Информация о состоянии археологического наследия России представлена в 1996, 1997, 1998 гг. соответственно 48, 49 и 43 субъектами Федерации и различается по полноте и точности. Органам по охране памятников истории и культуры в субъектах РФ было предложено провести мониторинг памятников археологии по следующим позициям:

Таблица 1

Негативное воздействие естественных и антропогенно обусловленных факторов на памятники археологии

Регион	Антропогенные процессы, Уничтожено/разрушается					Естественные процессы	Всего
	Всего	Гидротехническое стр-во	Распашка земель	Промышленное и дорожное стр-во	Прочие антропогенные процессы		

Кроме того, было предложено указать, на землях каких ведомств находятся памятники.

Среди важнейших причин, не позволивших всем регионам представить информацию, а представившим ее — помешавшим достичь требуемого качества, отметим, прежде всего, отсутствие финансирования из Федерального бюджета подпрограммы Минкультуры Рос-

сии “Сохранение археологического наследия народов РФ”. Ряд региональных органов охраны памятников, научных учреждений, ВУЗов и музеев провели обследования памятников археологии и охранные раскопки в соответствии с утвержденной Минкультуры РФ программой “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации”. Несмотря на то, что все эти работы Минфином РФ так и не были профинансированы, их выполнение позволило получить основную долю информации о состоянии археологического наследия народов России. Реальным источником финансирования для выполнения охранных работ (разведок и охранных раскопок) стали различные проекты, связанные с землепреобразованием. В ряде случаев работы проводились за счет средств субъектов Федерации.

В подавляющем большинстве субъектов Федерации мониторинг выявленного археологического наследия осуществляется слабо либо полностью отсутствует. Такое положение обусловлено как отсутствием археологов в регионах, так и отсутствием контакта между органами по охране памятников с археологами, работающими в регионе. Если в первом случае ситуацию можно объяснить объективным обстоятельством — отсутствием научных учреждений в регионе и отсутствием финансирования для приглашения специалистов, то во втором — только неумением и нежеланием работать как сотрудников региональных органов по охране памятников, так и местных археологов.

Несмотря на все сложности, получена статистическая информация о состоянии археологического наследия народов России, об основных формах негативного воздействия внешней среды: естественных и антропогенно обусловленных. Данные часто носят оценочный характер и порой далеки от реальных. Поэтому при анализе цифровых показателей важно в каждом конкретном случае сопоставлять данные из смежных регионов.

На современном этапе, этапе выживания российской культуры, важно продолжать работу по сохранению археологического наследия России как базисного элемента культурного наследия, лежащего в основе культурного пространства государства и являющегося одним из элементов каркаса, сохраняющего общее культурное пространство Российской Федерации.

Информационное поле неоднородно и несет на себе печать всех субъективных факторов, связанных с процессом сбора информации. В ряде случаев количественные показатели получены субъектами Федерации по разным методикам, что свойственно современному

информационному пространству России. Однако такое положение не умаляет проделанной работы, а требует понимания оценочного характера представленных данных.

Анализ оценочных данных о состоянии археологического наследия народов России за скупыми колонками цифр позволяет увидеть основные тенденции в развитии ситуации с антропогенной агрессией в отношении памятников археологии.

В 1996-1998 гг. были утрачены (полностью уничтожены) 1299 памятников в результате антропогенного воздействия и 12 — в результате естественных процессов (Рис 1). Большинство памятников утрачено в результате гидротехнического строительства — 373. В результате распашки утрачены 420 памятников. Промышленным и гражданским строительством полностью уничтожены 146 памятников. Всего за 1996-1998 гг. утрачено соответственно 1400 памятников археологии (Рис 2).

По полученным сведениям, в 1996-1998 гг. в России 69973 памятника археологии (кроме утраченных) подверглись негативному воздействию окружающей среды (Рис 3). Разрушение происходит в результате антропогенных (64355 памятников) и естественных (5157 памятников) процессов. Наибольшее количество памятников уничтожается в результате распашки — 49897 памятников. Эти процессы характерны прежде всего для Южного и Центрально-Черноземного регионов. В результате гидротехнического строительства, включая деятельность гидроузлов, разрушается 7244 памятника, но это воздействие гораздо мощнее распашки и процессы разрушения идут быстрее. Прямому физическому воздействию в результате промышленного и гражданского строительства подверглось 3192 памятника археологии (Рис 4).

Среди ведомств, на территории которых находятся разрушаемые или находились разрушенные памятники археологии (Табл. 2, Рис 5-7) в 1996-1998 гг. лидирует Минсельхозпрод — 30069 объектов. Распашка курганов ведет к изменению исторически сложившихся антропогенных ландшафтов. При этом прослеживается тенденция по увеличению количества разрушаемых памятников на частных землях — 8124 объекта, с 2789 в 1996 г. до 3904 объектов в 1998 г. В связи с начавшимся процессом купли-продажи земли основной задачей по сохранению археологического наследия в Южном и Центрально-Черноземном регионах, в Южной Сибири является запрещение совершения сделок по купле-продаже и перевода земель в разряд частных без согласования с государственными органами по охране памятников.

Далее следует Минтопэнерго, на землях которого 8754 уничто-

женных и разрушаемых памятников археологии. Практика согласования с Минкультуры России отсутствует даже при осуществлении грандиозных международных и межрегиональных проектов. В то же время активную работу по научному спасению памятников археологии, попадающих под проектируемые линии коммуникаций и здания проводят в регионах. Так, в 1998 г. в Краснодарском крае для науки спасено (полностью раскопано) 18 памятников археологии по трассе строящихся трубопроводов.

На земли Госкомэкологии России, в пределах особо охраняемых природных территорий, приходится 1720 утраченных и разрушаемых памятников археологии. К сожалению, не всегда в составе администрации парков, заповедников, заказников имеются археологи. Более того, в ряде регионов (например, в Республике Хакасия) местные органы по охране окружающей среды упорно игнорируют призывы служб по охране археологического наследия о проведении совместных работ по созданию природно-исторических зон в рамках особо охраняемых территорий.

На землях Рослесхоза в настоящее время утрачено и разрушается 4120 памятников археологии, на землях Рослеспрома — 1479, Минтранса — 985, Минстроя — 707, Минобороны — 2066, МПС — 532, Роскомзема — 2256, ФПС — 67, МПР — 262, Минатома России — 24.

Даже эти первые, далеко не полные по России сведения, позволяют наметить пути взаимодействия Минкультуры РФ с конкретными министерствами и ведомствами. В связи с этим актуально проведение совещания с участием представителей всех перечисленных министерств и ведомств для выработки совместных решений по сохранению археологического наследия народов Российской Федерации.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что 117 памятников археологии утрачено и разрушается на муниципальных землях (прежде всего — в Псковской области). Это подрывает веру в возможности местных органов культуры и общественности воздействовать на местную администрацию.

Среди естественных процессов отметим интенсивное разрушение памятников археологии в приморских районах. К сожалению, в проекте Государственной целевой программы “Мировой океан” задачи сохранения археологического наследия не поставлены. Такое положение должно быть исправлено. Единственно эффективным средством по сохранению археологического наследия в этих райо-

нах является разработка и осуществление эффективной программы по мониторингу археологического наследия и проведение неотложных спасательных работ на наиболее важных объектах.

В различных регионах России разрастаются масштабы грабительских раскопок памятников археологии с целью наживы. Опасной тенденцией следует считать расширение масштабов противозаконных действий и дерзкое поведение представителей незаконных группировок по раскопкам древностей и их сбыту. Грабительские раскопки широко распространяются в Причерноморье, южнорусских степях, на Алтае, Чукотке, в Московской, Смоленской и Оренбургской областях, в Удмуртии. Разрушение грабителями отдельных объектов и ансамблей памятников серьезно нарушает почвенный баланс, усиливает береговую абразию, оползневые и эрозионные процессы.

Особой проблемой является физическое уничтожение культурного слоя в исторических городах. В крупных городах оно перешло в новую фазу, когда инвесторы готовы оплатить раскопки и выполнить все научные нормативы в целях получения земельных участков в центре города. Такие раскопки, однако, далеко не всегда согласуются с задачами по сохранению и использованию археологического наследия. Физическое уничтожение археологического культурного слоя в исторических городах не всегда удается предотвратить. Нередко строители пытаются проводить работы без специального археологического исследования. Особенно удручающим выглядит ситуация в малых городах России на фоне относительно благополучной Москвы.

Вызывает серьезные нарекания позиция ряда субъектов Федерации, не имеющих сведений о пользователях (владельцах) участков (по ведомственной принадлежности), в границах которых расположены памятники археологии.

Требованием дня становится переход от системы учета памятников археологии к мониторингу археологического наследия. Ряд регионов уже созрел для этой работы и проводит мониторинг на части своих территорий (Ставропольский край, Волгоградская, Иркутская, Челябинская, Московская области).

Затянувшийся процесс принятия Федерального Закона "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" оказывает прямое негативное воздействие на охрану и использование археологического наследия.

Сегодня идет процесс составления Земельного кадастра России. В эту работу необходимо безотлагательное включение органов по охране памятников. Составление Реестра археологических

земель — одна из наиболее актуальных задач. Минкультуры РФ и Госкомитет по земельной политике РФ начинают согласование позиций и подходов. Началась эта работа и в регионах России (особенно удачно она ведётся в Тульской области). На этом фоне вызывает серьезные нарекания позиция ряда субъектов Федерации, не имеющих сведений о пользователях (владельцах) участков, в границах которых расположены памятники археологии.

В сложившейся ситуации в числе наиболее важных мер по сохранению археологического наследия народов России в настоящее время представляются:

- создание законодательной базы, способной обеспечить сохранение археологического наследия в современных социально-экономических условиях;

- координация деятельности Минкультуры России со всеми министерствами и ведомствами, на территории которых находятся разрушаемые памятники археологии;

- возобновление и развитие Федеральной подпрограммы по сохранению археологического наследия, важнейшими направлениями которой должны быть мониторинг выявленных объектов, выявление археологических памятников и включение их в систему мониторинга, разработка проектов охранных зон, музеефикация;

- координация в действиях Минкультуры России и Госкомэкологии России по проведению археологической экспертизы в рамках общей экологической экспертизы;

- разработка и проведение археологического мониторинга на Федеральном и региональном уровнях;

- участие госорганов по охране недвижимых памятников истории и культуры всех уровней в подготовке Земельного Кадастра России;

Литература

Гусев С.В. Подраздел “Археологическое наследие” в разделе “Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия” // Государственный доклад “О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1996 г.”. М. 1997.

Гусев С.В. Подраздел “Археологическое наследие” в разделе “Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия” // Государственный доклад “О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1997 г.”. М. 1998.

Гусев С.В. Подраздел “Археологическое наследие” в разделе “Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия” // Государственный доклад “О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1998 г.”. М. 1999.

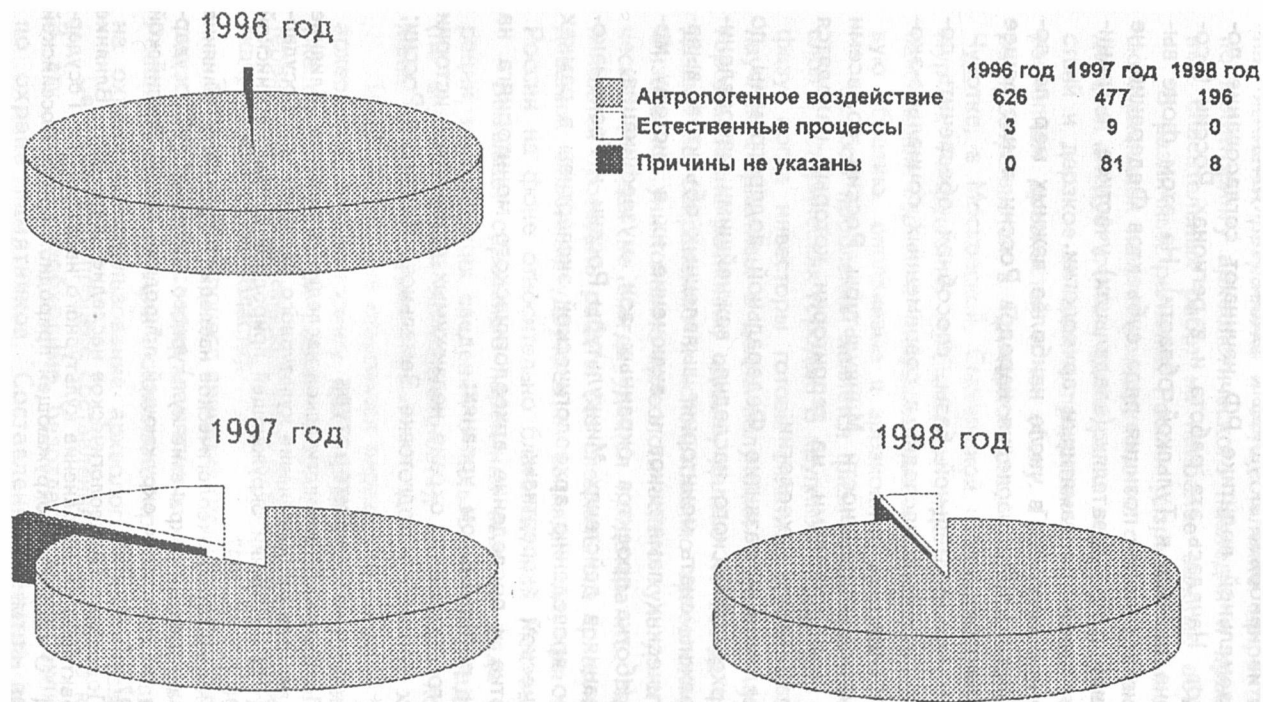

Рис. 1

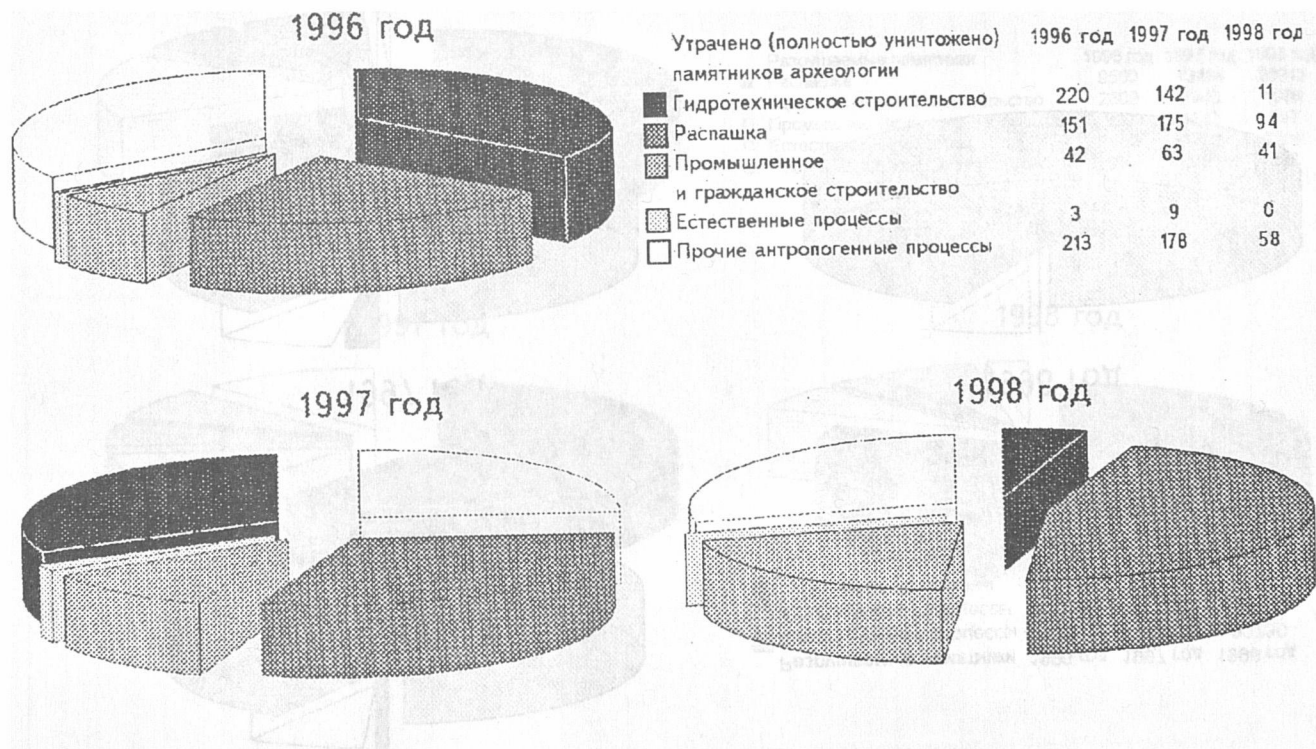
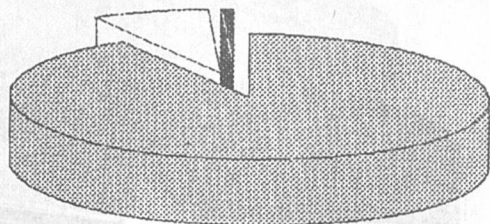

Рис. 2

1996 год

БИС 1.5

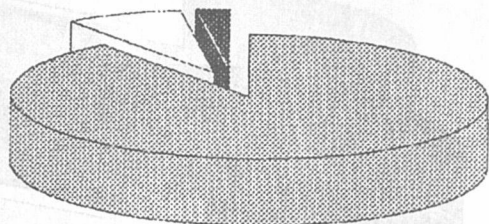
	1996 год	1997 год	1998 год
Антропогенное воздействие	620	477	188
Естественные процессы	3	3	0
Причины не указаны	0	81	0

1996 год 1997 год 1998 год

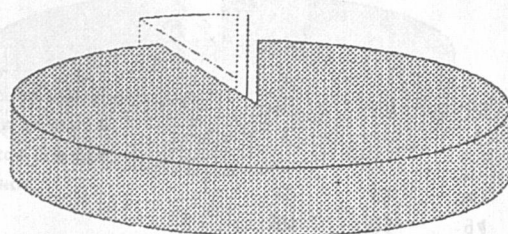
	1996 год	1997 год	1998 год
Разрушаемые памятники	13745	19880	30730
Антропогенные процессы	1159	1792	2206
Естественные процессы	123	484	0
Причины не указаны			

1997 год

1997 год

1998 год

	1996 год	1997 год	1998 год
Антропогенное воздействие	550	484	11
Естественные процессы	3	3	0
Причины не указаны	0	81	0

1996 год 1997 год 1998 год

Рис. 3

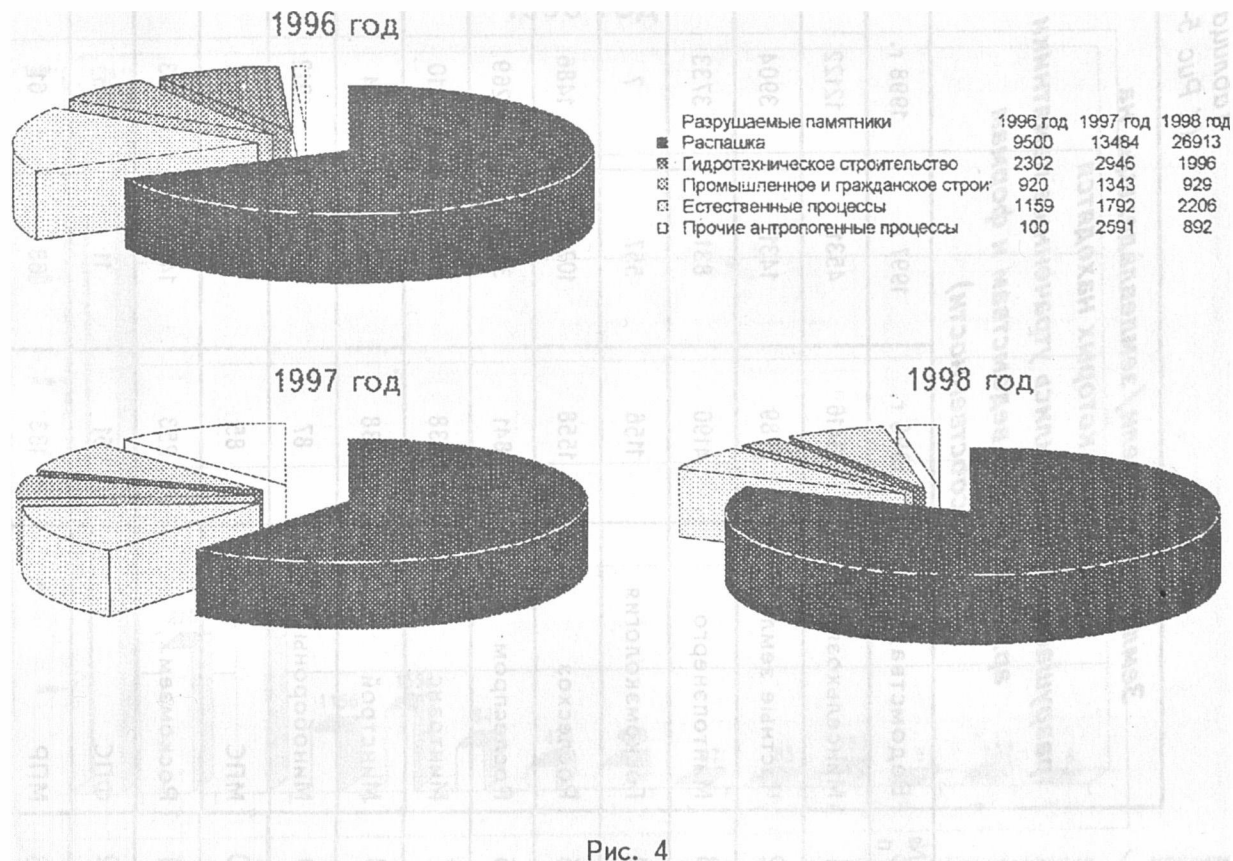

Рис. 4

Таблица 2
(К Рис 5-7)

Землепользователи/землевладельцы, на территории которых находятся разрушаемые/находились утраченные памятники археологии (по ведомствам и формам собственности)

№ № п/п	Ведомства/годы	1996 г.	1997 г.	1998 г.
1	Минсельхозпрод	13416	4531	12122
2	Частные земли	2789	1431	3904
3	Минтопэнерго	4190	831	3733
4	Госкомэкология	1156	557	7
5	Рослесхоз	1558	1076	1486
6	Рослеспром	841	369	269
7	Минтранс	438	337	210
8	Минстрой	438	265	4
9	Минобороны	87	67	1912
10	МПС	85	46	401
11	Роскомзем	253	1410	593
12	ФПС	51	11	5
13	МПР	133	68	61
14	Минатом	6	12	6

1996 год

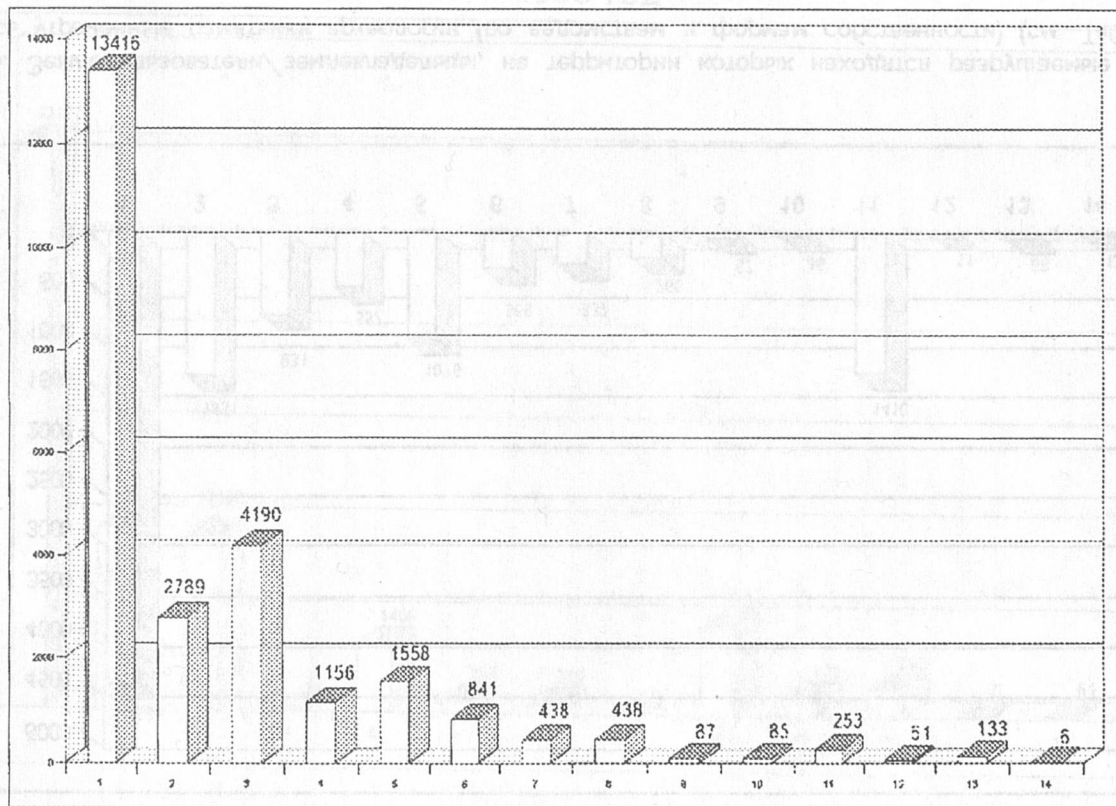

Рис. 5. Землепользователи/землевладельцы, на территории которых находятся разрушаемые / находились утраченные памятники археологии (по ведомствам и формам собственности) (см. Таблицу 2)

1997 год

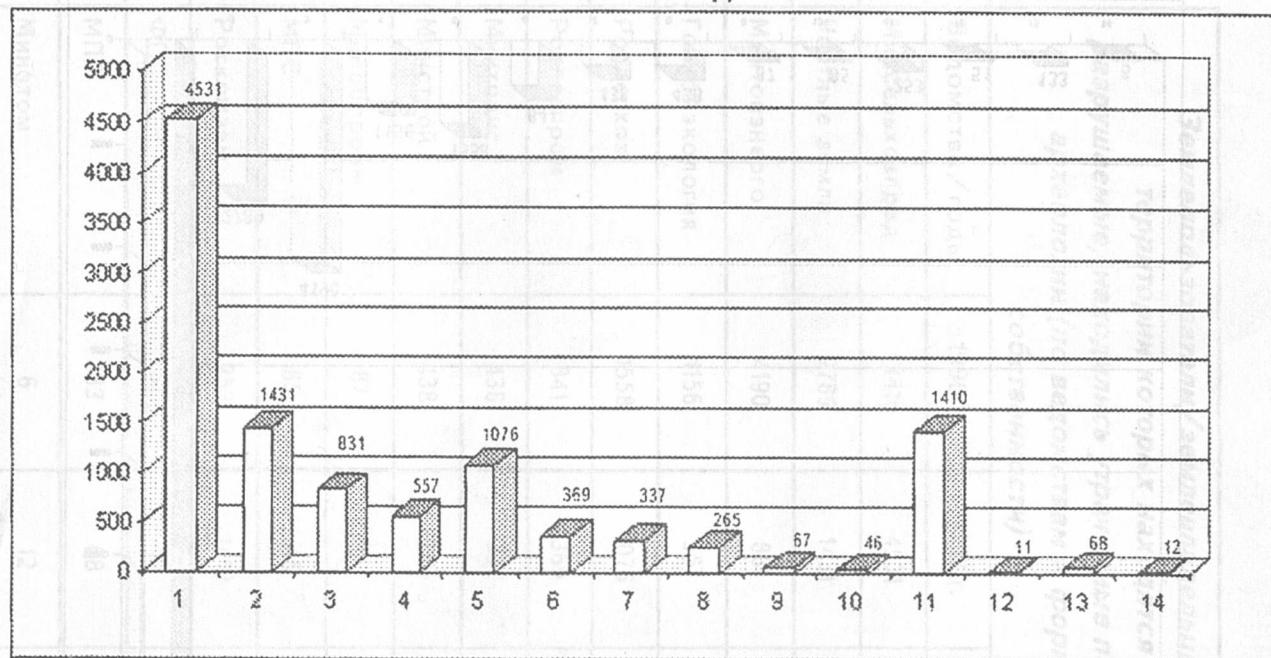

Рис. 6. Землепользователи/землевладельцы, на территории которых находятся разрушаемые / находились утраченные памятники археологии (по ведомствам и формам собственности) (см. Таблицу 2)

1998 год

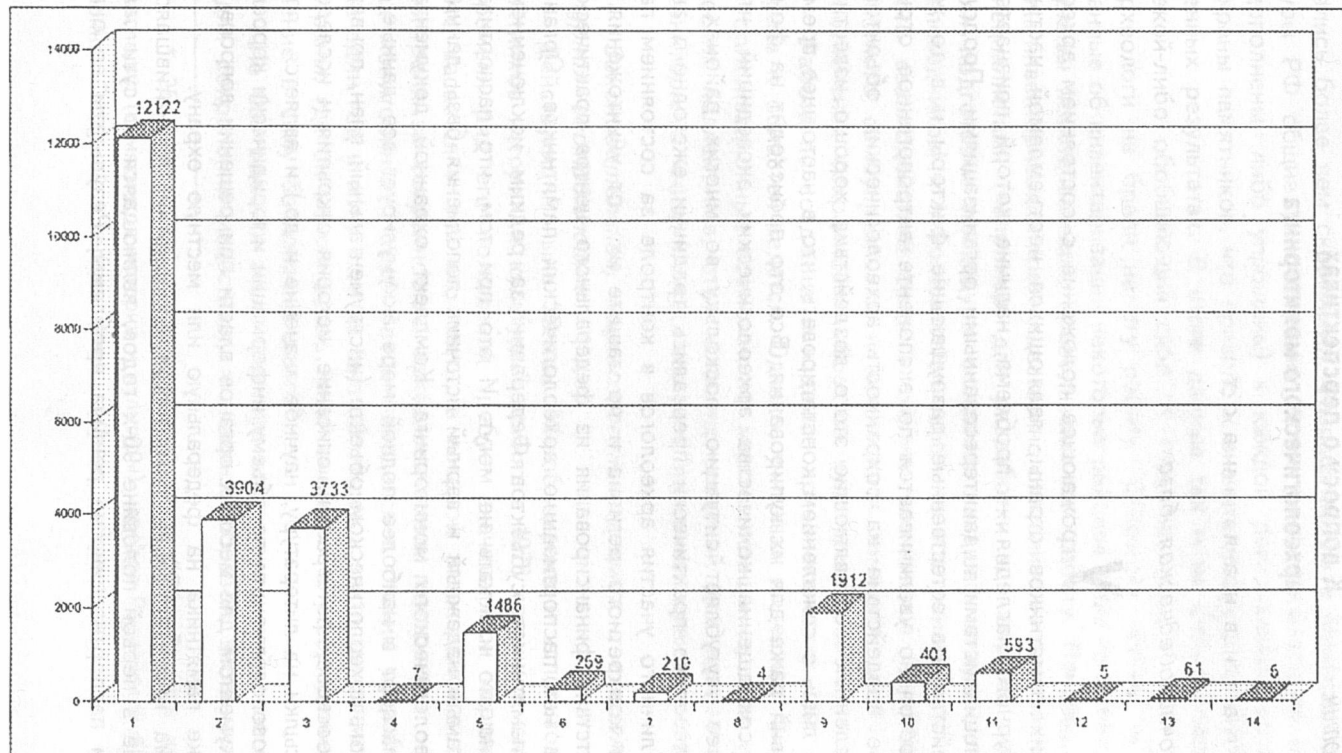

Рис. 7. Землепользователи/землевладельцы, на территории которых находятся разрушаемые / находились утраченные памятники археологии (по ведомствам и формам собственности) (см. Таблицу 2)

Негативная часть

Источниковедческая база

Угрожающее положение с состоянием археологических памятников страны, являющихся неотъемлемой частью ее культурного наследия — проблема, наличие которой признается всеми специалистами и заинтересованными организациями. Продолжают действовать естественные разрушающие факторы и в то же время постоянно увеличивается по экспоненте антропогенное отрицательное воздействие на сохранность археологических объектов. Многочисленные составляющие этого воздействия хорошо известны и можно лишь с сожалением констатировать, что в настоящее время нет условий даже для их купирования. Все это происходит на фоне резкого сокращения количества археологических экспедиций, что еще более усугубляет ситуацию, поскольку во многих районах в результате этого практически прервались традиции ежегодного активного личного участия археологов в контроле за состоянием памятников конкретного региона и по защите их от уничтожения.

Отсутствие финансирования из федерального центра практически свело на нет паспортизацию археологических памятников. Органы охраны памятников субъектов Федерации за редким исключением, средств на это изыскать не могут. И это при том, что паспортизация — самый надежный и верный источник пополнения базы данных для археологического мониторинга. Комплект охранной документации — паспорт в наиболее полной мере аккумулирует все данные о конкретном археологическом объекте (инструментальный план, привязка к топооснове, фотографии, описание, история открытия и исследования, ссылки на литературу, научное значение и др.) и является при этом основополагающим по объему информации и юридически корректным документом для местных органов власти при решении вопроса о постановке памятника на федеральную или местную охрану.

Волна инвентаризации памятников археологии, прокатившаяся по стране в первой половине 90-х годов, являющаяся по сути паллиативом паспортизации, не решила проблемы. Результаты ее ока-

зались более чем скромными. Разработанные в Министерстве культуры РФ общие рекомендации затем были произвольно изменены (дополнены, либо упрощены) в каждой региональной организации охраны памятников, что привело к значительному разному в полученных результатах. В итоге данные так и не были объединены в какой-либо обобщающий свод. К тому же известно, что зачастую археологи не брали на эту работу “Открытых листов” и поэтому данные об инвентаризации некоторых районов лишь дополнили личные архивы исследователей, проводивших там работу. Наконец, материалы инвентаризации преимущественно оказались востребованы только специалистами (например, для разработки зон охраны памятников или подготовки процедуры создания ландшафтно-археологических заповедников) и в большинстве своем не послужили базой для тесного взаимодействия органов охраны памятников с учреждениями местного самоуправления и комитетами землеустройства с целью обеспечения сохранности объектов культурного наследия.

Работа по созданию и изданию археологических карт районов, краев и областей ведется. Однако, учитывая нынешние финансовые и организационные возможности малочисленных авторов или творческих коллективов, этот источник сведений для археологического мониторинга считать повсеместным явлением преждевременно.

Законодательная, научно-организационная и социально-культурная составляющие

Действующий ныне “Закон РФ об охране и использовании памятников истории и культуры” принят в 1978 году и к настоящему времени ряд его положений требует значительной корректировки. Это касается и той его части, в которой затрагиваются проблемы контроля за сохранностью археологических памятников — то есть их мониторинга. Новый Закон находится в стадии разработки уже не один год и пока еще не был обсужден в законодательном органе страны, где он может ждать своей очереди на утверждение и вступление в силу бесконечно долго*.

Не без влияния этого фактора отсутствует крайне необходимая (для сохранения известных, а главным образом вновь выявленных

* 25 апреля 2000 г. Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации” принят Госдумой в первом чтении. (Прим. редактора)

археологических объектов) координация действий и обмен информацией между профессиональными археологами, органами охраны памятников и комитетами по землеустройству во многих субъектах Федерации. Отсюда происходит игнорирование районными отделами по землеустройству сведений по археологическому наследию, что нередко приводит к гибели памятников при решениях о землеотво-дах, принимаемых без учета данных по наличию на тех или иных территориях объектов древней истории.

Следует также отметить низкую активность археологов в культурно-просветительской деятельности, пренебрежение пропагандой археологических знаний, что на фоне слабости и однообразия провинциальной музейной сети, ущербности социальной культуры и индифферентного отношения к культурно-историческому наследию отнюдь не способствует сохранению последнего.

П о з и т и в н а я ч а с т ь

Уже само по себе появление проблемы сохранения культурно-исторического наследия, ее обсуждение даже в кругу профессиональных археологов и специалистов по охране памятников играет весьма положительную роль и может помочь сформулировать, а затем выработать программу, цели и задачи археологического мониторинга памятников, земель историко-культурного назначения.

При всей относительной малочисленности изданных или пока подготовленных к изданию археологических карт регионов этот процесс, тем не менее, имеет динамику и в будущем может служить основой для создания достаточно полной и унифицированной источниковедческой базы и принятия комплекса управленческих решений, способствующих сохранению и рачительному использованию объектов культурного наследия.

Позитивное значение имеют также начатые рядом исследователей работы по созданию электронных археологических карт регионов; а также музеефикация наиболее ценных и известных археологических памятников, которая помимо сохранения данных, как правило, уникальных объектов древней истории, преследует культурно-просветительские цели.

В одном ряду с вышеперечисленными явлениями стоят уже отнюдь не единичные примеры создания в местах концентрации памятников археологии всевозможных ландшафтно-археологических (культурно-исторических) заповедников или зон ограничения актив-

ной хозяйственной деятельности, территорий, где мониторинг археологического наследия может быть осуществлен с максимально возможным на сегодняшний день коэффициентом полезного действия. В перспективе этот процесс может способствовать созданию важного, а вероятно и основополагающего звена в цепи мероприятий, обеспечивающих охрану культурно-исторического наследия.

Бесспорно перспективным следует признать обращение археологов и специалистов по охране памятников к опыту экологов, которые уже в 1993 году создали “единую государственную систему экологического мониторинга”, а в настоящее время успешно разворачивают сеть территориальных систем Единой государственной системы экологического мониторинга (ЕГСЭМ) и информационно-аналитические центры с ГИС-технологиями обработки данных.

Наконец нельзя не отметить активную позицию части профессиональных археологов и ряда региональных органов охраны памятников, усилиями которых в ряде субъектов федерации принимаются местные законы об охране памятников, разрабатываются нормативные акты и законы, регулирующие вопросы выявления, сохранения и использования памятников историко-культурного наследия.

В о з м о ж н ы е п е р с п е к т и в ы

Успешному становлению института археологического мониторинга наряду с развитием того положительного опыта, примеры которого были приведены выше, будут способствовать еще некоторые обязательные шаги.

На федеральном уровне необходимо решить проблемы:

- а) признания археологических памятников не только объектами культурного наследия, представляющих неоценимую сокровищницу нашей истории, но также в качестве археологических ресурсов, которые можно использовать как источники для научных, культурно-просветительских (музеи, выставки), туристических и других целей;
- б) обязательной археологической экспертизы любого землеотвода и проекта строительства, тех действий, в результате которых возникает угроза нарушения целостности земляного покрова.

На уровне субъектов федерации следует:

- а) ввести обязательную для владельцев и пользователей земель, на которых находятся археологические объекты, арендную плату. Подобная практика имеет место при аренде памятников архитектуры во многих городах. Часть получаемых средств можно

направлять непосредственно в органы охраны памятников на мероприятия по обеспечению сохранности памятников, а другую часть перечислять в страховые компании в качестве страховки от порчи и разрушения ценных объектов культурного наследия. В момент наступления страхового случая страховая компания оперативно выплатит оговоренную в договоре страхования сумму, которая может быть направлена на его консервацию, реставрацию или раскопки уцелевшей части памятника, а сама тем временем будет требовать от виновника возмещения своих убытков. Органы охраны благодаря этому будут избавлены от неприятных и требующих немалых затрат финансов и времени судебных процедур.

В то же время органы охраны, получая процент от арендной платы, будут заинтересованы в расширении своей налогооблагаемой базы. Им станет выгодно постоянно увеличивать объемы работ по выявлению и постановке на охрану новых археологических памятников, жестко следить за состоянием уже охраняемых объектов. Тем самым появятся средства на почти угасшую паспортизацию и на введение обязательной должности районного инспектора по археологическому мониторингу. Имеется в виду специалист с историческим или музееведческим образованием, который будет действовать в тесном контакте с местными районными властями, с отделом культуры, с органами охраны памятников области или края и профессиональными археологами, ведущими полевые работы в регионе. Безусловно, для успешного осуществления мероприятий по археологическому мониторингу своего района инспектор должен быть наделен некоторыми властными полномочиями.

Некоторые особенности организации картографического мониторинга памятников археологического наследия

Мониторинг памятников археологического наследия предусматривает всесторонний анализ разнообразных факторов, которые, как правило, имеют пространственно-определенные составляющие в своей локализации, динамике и взаимодействии. В целях анализа совокупности подобных факторов целесообразно использовать картографические модели. Карта по своим специфическим свойствам предоставляет возможность пространственного отображения любых качественных и количественных показателей, характеризующих структуру и динамику картографируемых элементов. Создание серий карт, отображающих территориальные особенности локализации памятников, факторы воздействия на них, а также результаты их системного и всестороннего оперативного анализа может заключать в себе процесс картографического мониторинга.

В то же время картографический мониторинг предусматривает оперативную обратную связь между набором исходных данных и их пространственным отображением в виде картографической модели, что предполагает возможность быстрого и точного определения исходных параметров с последующим “быстрым” их картографированием. Последнее возможно, например, при использовании цифровых технологий создания карт.

В качестве элементов содержания карт мониторинга могут выступать как собственно археологические памятники, так и элементы окружающей среды, включая те из них, которые представляют реальную угрозу существованию памятников (эрозионные процессы, антропогенная нагрузка, совокупность экологических параметров и т.п.). Важно, что угроза нежелательного воздействия на памятники может быть выявлена, в том числе и при разномасштабном региональном анализе (например, в результате вычисления картометрических показателей, определяющих тенденцию эрозионных процессов в региональном масштабе). Кроме того, эффективный мониторинг, очевидно, невозможен без всестороннего анализа данных по

химизму среды локализации памятников, ее биоценозу и т.п. Подобные сведения могут содержаться в специализированных базах данных, территориальная привязка и картографическая интерпретация которых должны способствовать объективности мониторинга.

Важным является и то, что любой мониторинг эффективен, если существует возможность оперативного обмена информацией, возможность ее получения в нужном формате, виде, количестве в любой момент времени и независимо от ее территориальной локализации. В этом смысле представляется необходимым предусмотреть в процессе организации мониторинга использование оперативных средств коммуникации, в особенности глобальных телекоммуникационных сетей (например, Интернет), позволяющих выполнять обмен данными разнообразных форматов, в том числе и на основе картографической формы представления информации.

Таким образом, организация картографического мониторинга памятников археологического наследия, по нашему мнению, предусматривает решение следующих основных задач:

- оперативную пространственную локализацию информации о местонахождении памятника, его границах и “соседях” в необходимых форматах и масштабах;

- интегрирование фактографической информации о факторах, влияющих на сохранность памятников, ее анализ и отображение в виде электронных карт и баз данных;

- разработку методов использования электронных карт и баз данных посредством телекоммуникационных сетей.

Для решения первых двух задач представляется актуальным использование современных средств регистрации геодезических данных, а также количественной и качественной информации о памятниках (например, посредством спутниковых систем местоопределения GPS или ГЛОНАСС, сканерных космических снимков высокого разрешения, специализированных баз данных и др.) во взаимосвязи с электронными картами. Комплексирование массивов исходной пространственной информации, тематических баз данных и результирующих электронных карт в единой системе на базе ЭВМ (в, так называемой, геоинформационной системе (ГИС)) позволяет осуществлять локальный оператив-

ный картографический мониторинг памятников археологического наследия. При этом появляется возможность математического и математико-картографического анализа и синтеза информации адекватно различным уровням запросов пользователей, например, согласно схеме представленной на Рис 1

Важно отметить, что в деле создания подобных ГИС накоплен определенный, в том числе и отечественный, опыт (Афанасьев, Чернышев; Чернышев).

В то же время современная технология создания электронных карт в сочетании с ГИС не является открытой для ее применения в глобальных телекоммуникационных сетях, хотя эксперименты и исследования в этой области активно проводятся (www.geogr.msu.ru/archeoprotection).

Таким образом, для комплексного решения задачи, необходимы дополнительные усилия по созданию технологических предпосылок использования ГИС и связанных с ними электронных карт в среде Интернет, что даст возможность наиболее оперативного доступа как к источникам для создания Интернет-ГИС мониторинга, так и для ее пользователей.

Литература

Афанасьев Г.Е., Чернышев А.В. Применение ГИС-технологий в археологических исследованиях. Тезисы доклада. // Картография на рубеже тысячелетий: Доклады 1 Всероссийской научной конференции по картографии. (Москва, 7-10 октября 1997 г.). М., 1997. С.442-445

Чернышев А.В. Оперативное электронное картографирование для целей мониторинга памятников археологического наследия. // Мониторинг археологического наследия. Научно-практический семинар. 30 марта - 1 апреля 1998 г. Тезисы докладов. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия. 1998. С.11-12.

www.geogr.msu.ru/Archeoprotection

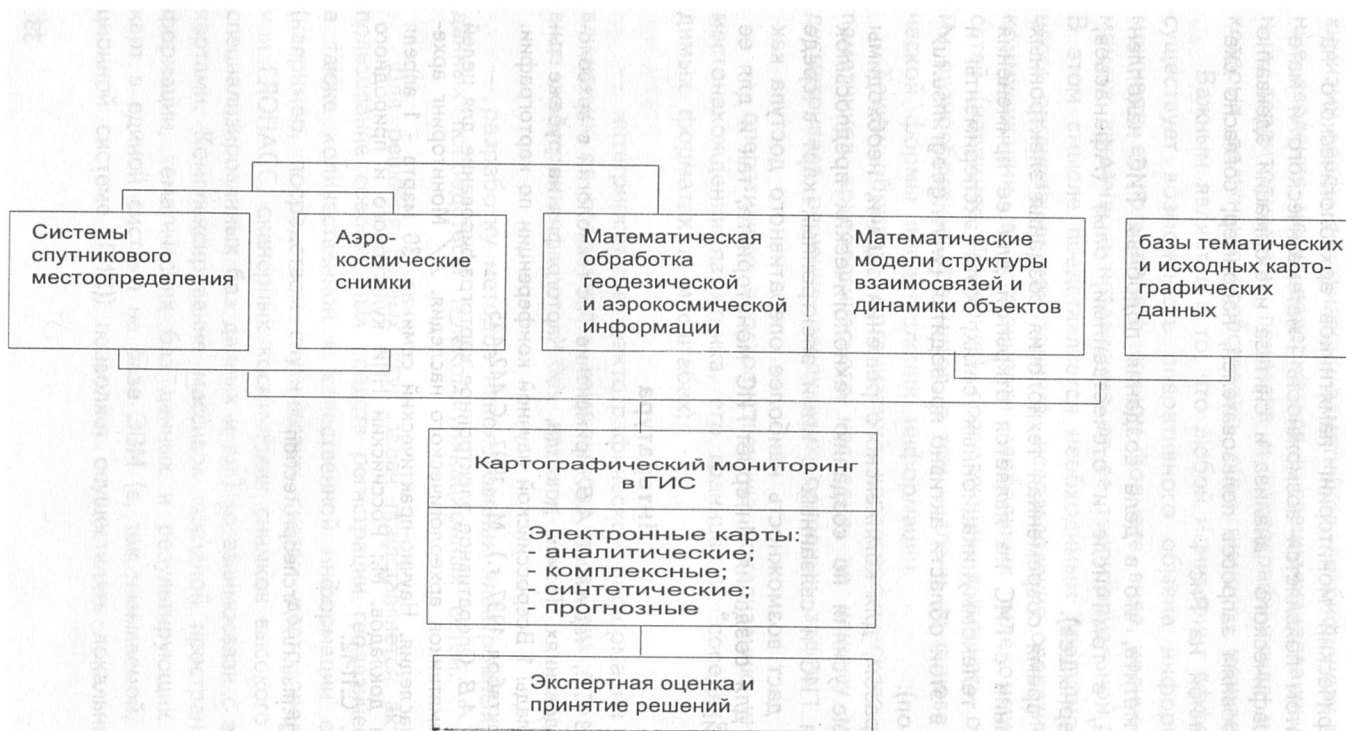

Рис. 1. Схема картографического мониторинга памятников археологического наследия в ГИС

**Мониторинг археологических памятников
средневекового Радонежа по данным
исторических источников, натурным
наблюдениям и инвентаризации 1997 года
(Московская область)**

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современные представления об охране культурного наследия предполагают организацию системы регулярных наблюдений за состоянием объектов (мониторинга). В области охраны памятников археологии в нашей стране делаются лишь первые шаги к формированию подобной системы. Отставание в этой сфере особенно наглядно по сравнению с успехами, достигнутыми в 1970-е годы в области охранных раскопок и во второй половине 1980-х годов — в области градостроительной охраны археологических памятников (Археологический фактор..., 1997).

Вплоть до 1980-х годов поселение или могильник рассматривались археологами почти исключительно как источник исторической информации, а разведки велись главным образом для выявления памятников, пригодных для раскопок. Даже в тех случаях, когда сплошное изучение микрорегиона имело целью получение широкого спектра сопоставимой информации по многочисленным объектам, исследователи практически никогда не вели на памятниках многолетних наблюдений. Службы по охране памятников, ставя тот или иной объект на охрану, в лучшем случае производили разовый осмотр при приемке его паспорта. Таким образом между моментом выявления памятника и моментом принятия мер по его охране зияла временная пропасть. Археологи оставались в уверенности, что они уже закончили свое дело, а сотрудники управлений охраны памятников не представляли себе, по какой процедуре они должны действовать. Следующее посещение памятника сотрудниками служб охраны памятников происходило по большей части тогда, когда на его территории начинались работы по землеотводу или строительству, т.е. тогда, когда было поздно принимать своевременные меры.

Если наблюдения и велось, то это происходило по инициативе тех археологов, которые были небезразличны к судьбе памятника.

В 1980-е годы по мере развития ландшафтной археологии положение изменилось. Ряд экспедиций обратились к многопрофильным исследованиям природного окружения археологических объектов. Сами методы таких исследований, в которых участвовал широкий круг специалистов-естественников, предполагали многократное посещение памятника. Это способствовало смене парадигмы. Памятник стал рассматриваться в качестве почти неисчерпаемого источника информации о прошлом человека и среды его обитания. Одновременно пришло понимание того, что приращение этой информации происходит по мере совершенствования методов исследования. Работа исследователей на памятнике стала мыслиться как процесс, порой довольно длительный (Макаров, Кренке, Чернов, 1990). Подобное отношение делало необходимым разработку методов мониторинга археологических объектов.

В 1990-е годы археологами был накоплен некоторый опыт сотрудничества со сложившимися в этот период археологическими службами областных органов охраны памятников (комитетов по культуре, НПЦ и др.) в области охраны памятников тех микрорайонов, где с 1980-х годов были развернуты многопрофильные поселенческие и ландшафтные исследования. Подобное сотрудничество позволило специалистам "войти в проблему". Однако далеко не по всем направлениям были достигнуты заметные результаты. Представляется своевременным проанализировать этот опыт и предложить некоторые подходы к разработке методов мониторинга археологических памятников.

Для того, чтобы разработать любую систему мониторинга, прежде всего, посредством специальных исследований необходимо установить:

- какие именно параметры должны стать предметом наблюдений;
- какими методами и способами подобные наблюдения необходимо вести;
- через какие промежутки времени должны проводиться наблюдения.

Как подступиться к этим вопросам применительно к археологическим памятникам? Ведь ни в археологических публикациях, ни в отчетах подобные вопросы специально не рассматриваются. Между тем речь идет о том пласте информации о памятниках, который хорошо известен исследователям. Это влияние на состояние памят-

ников археологии таких факторов, как многолетняя распашка, рубки и посадки леса и целый ряд других форм природопользования. Это и воздействие таких форм хозяйственной деятельности человека, как строительство, прокладка дорог и иных коммуникаций, добыча полезных ископаемых. Как же все это в отдельности и хозяйственный механизм в целом сказывалось на судьбе памятников на протяжении последних столетий? Как именно памятники археологии отражаются в сознании населения, ведущего традиционное землепользование, и населения, утратившего связи с землей?

Ответы на эти вопросы могут быть весьма различными для памятников разных культур и периодов и для разных ландшафтных зон. Поэтому имеет смысл систематизировать данные по указанным вопросам применительно к памятникам определенного культурного круга и ландшафтной зоны. При этом нет необходимости обобщать материал по обширным территориям той или иной археологической культуры. Достаточно проанализировать материалы по нескольким, детально исследованным микрорайонам, которые отражают основные типы памятников данной культуры и типичные ландшафты, свойственные области распространения данной культуры. Особенно важны статистические подсчеты (с учетом ландшафтных зон и конкретных ландшафтов) по микрорайонам, подвергавшимся неоднократным сплошным разведкам. Не менее интересны живые факты и конкретные судьбы памятников, демонстрирующие наиболее типичные сценарии и механизмы разрушения памятников или, напротив, их консервации.

МЕТОДЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПАМЯТНИКОВ

Статья подготовлена по материалам полевых обследований территории Сергиево-Посадского района Московской области, которые проводились Загорским отрядом Кафедры археологии МГУ, а позднее Московской областной археологической экспедицией Института археологии РАН в 1976-1997 гг. В ходе этих исследований на территории бывшей Радонежской волости было выявлено 208 памятников археологии. Наиболее крупные разведочные исследования были проведены в 1977, 1978, 1980, 1984, 1992 и 1994 гг. Многолетний характер обследования позволил периодически осматривать памятники и наблюдать за их состоянием. Наблюдения эти, однако, носили нерегулярный характер. Большая часть памятников осматривалась не более двух-трех раз.

На протяжении двух десятилетий (1980-1999 гг.) через Центральный совет ВООПИК и Комитет по культуре Московской области проводился постоянный градостроительный контроль за состоянием памятников археологии и исторического ландшафта района и сопредельных территорий. За эти годы автором, при участии других специалистов, было подготовлено более 200 заключений по землеотводам, проектам застройки, генеральным планам городов и поселков, коммуникаций и других объектов, которые затрагивают территорию памятников и их охранных зон. На основании этих заключений органами охраны памятников было выпущено не менее 500 документов (предписаний, писем, согласований, обращений в прокуратуру и др.). Анализ этой деятельности заслуживает специальной публикации. Здесь следует указать лишь на два обстоятельства. Эта работа позволила сохранить целый ряд древних поселений и могильников, пресечь попытки их разрушения. Кроме того, она дала возможность обновлять фонд данных о состоянии памятников. В частности, фиксировались изменения организации-землепользователя, типа землепользования, объема разрушений, вызванных строительством и другими работами. Натурные наблюдения удавалось провести только в тех случаях, когда рассмотрение дел сопровождалось выездом на место.

В 1997 г. появилась возможность одновременно зафиксировать состояние всех археологических объектов. По заданию Комитета по культуре Московской области было проведено рекогносцированное обследование 208 памятников археологии и разработана "Археологическая карта (инвентаризация памятников археологии) Сергиево-Посадского района" (Рис 1).

Данная работа проводилась по программе, которая предполагает получение более развернутой информации, чем та, которая традиционно заносится в паспорт памятника (описание, план, фотофиксация). Работа включала два этапа. На первом, подготовительном, этапе, который осуществлялся автором, на основе отчетов прежних лет был сформирован свод памятников. Каждый памятник зафиксирован на инструментальном плане масштаба 1:500, 1:1000 или 1:2000 (Рис 3-6)¹, а также на карте масштаба 1:25000 (Рис 2). Это позволило точно определить его местоположение, что чрезвычайно важно для любых практических мероприятий по охране. Кроме того, по каждому памятнику проверялась информация об организации-землепользователе. С землеустроительных планов (1:100000) на планы

памятников были вынесены границы землепользований (кварталов гослесфонда, населенных пунктов, земель акционерных обществ, садовых товариществ, городской черты и др.). В тех случаях, когда после выявления памятник подвергся застройке, составлялся его новый план с использованием геосъемки, выполненный под указанную застройку (садовое товарищество, коттеджный поселок и др.).

Второй, натурный, этап обследования предполагал практически одновременный (за один полевой сезон) осмотр всех памятников района. Он был проведен геодезистом Московской областной археологической экспедиции В.В.Петровым, который фиксировал изменения, произошедших на территории памятника со времени его выявления (или последнего обследования) и проводил фотофиксацию. Оказалось, что наиболее эффективным транспортным средством для такого обследования является велосипед. Осмотр 200 памятников, которые располагались на площади 300 кв. км, занял 20 дней, причем общая длина маршрута составила 650 км. Разумеется, относительно высокая скорость обследования (10 памятников в день) стала возможной потому, что оно велось на основе ранее снятых инструментальных планов, которые корректировались по мере градостроительного контроля за состоянием памятников.

Особым разделом инвентаризации стала разработка предложений по границам территорий памятников археологии. Эти границы охватывают территорию несколько большую, чем та, на которой располагаются культурный слой и иные археологически фиксируемые объекты. Они были проведены с учетом естественных форм рельефа, имеющих в науке представлений о внешних контурах древних поселений, могильников, дорог, а также с учетом современных границ землепользования. Границы территории памятника показаны на плане памятника (Рис 3-6) и археологической карте (1:25000) (Рис 2). Кроме того, был составлен алфавитный указатель и перечень памятников археологии района с указанием названия памятника, его местоположения, датировки, наличия паспорта и номеров страниц теста, на которых можно найти его полное описание, план и фотофиксацию.

В перспективе инвентаризация (которая выполнена в электронной форме) будет пополняться новыми данными, что позволит получать свежую информацию о состоянии объекта, его юридическом статусе, землепользователе, о стадии проектирования тех или иных мероприятий на территории памятника и его охранной зоны.

Таким образом, есть основания полагать, что инвентаризация (в сочетании со списками памятников археологии, паспортами на памятники археологии и проектами зон охраны памятников) может стать основой для проведения полноценного мониторинга памятников археологии.

МЕТОДЫ ФИКСАЦИИ СОСТОЯНИЯ ПАМЯТНИКОВ В ПРОШЛОМ ПО ДАННЫМ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ, ОПИСАНИЙ И АЭРОФОТОСЪЕМКИ

Параллельно с натурными наблюдениями, проводившимися в ходе исследования и инвентаризации памятников археологии, автором велась камеральная работа, целью которой была фиксация состояния памятников в прошлом, то есть до начала его натуральных археологических исследований. Источниками для проведения этой работы были карты и аэрофотосъемка. Наиболее полные данные имеются по трем хронологическим срезам. Первый из них относится к 1760-1770-м гг., когда проводилось генеральное межевание. Он отражен на Планах Богородского уезда, планах земельных дач и в их описаниях. Следующий срез датируется 1850-ми гг., когда проводилась съемка Военно-топографического депо, отразившаяся на Топографической карте Московской губернии 1860 г. Данные этой съемки хорошо дополняются архивными материалами, связанными с проведением реформы 1861 г. (уставные грамоты, владельческие записи и др.)². Третий хронологический срез относится к 1900-1930 гг. Этим временем датируются сведения, почерпнутые в ходе сплошного опроса старожилов, проведенного в Сергиево-Посадском районе Московской областной археологической экспедицией. Сведения эти были нанесены на Планшеты мензульной съемки Загорского района 1930 г. (масштаб 1:25 000), на которых детально зафиксированы сельскохозяйственные угодья, существовавшие к началу коллективизации³.

Анализ свидетельств письменных и картографических источников XVIII-XX вв., аэросъемок 1970 и 1990 гг.⁴ и данные натурных обследований позволяют судить о сохранности памятников на протяжении последних трех столетий и установить основные причины их разрушения или нарушения как в период 1700-1930 гг., когда преобладало традиционное природопользование, так и в 1930-1997 гг., когда традиционное природопользование было серьезно деформировано и район подвергнулся интенсивному индустриальному освоению.

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Анализ данных, полученных в ходе натуральных и камеральных исследований, проводился, исходя из следующих положений.

Исторически южная часть Сергиево-Посадского района Московской области, подвергаясь исследованию, соответствует древней Радонежской волости (Рис 1, микрорегионы № 1-9). Она расположена на Клинско-Дмитровской гряде, пересекающей северное Подмосковье. В XIV-XV вв. Радонежская волость располагалась на окраине Московского княжества. Освоение ее началось во второй половине XIII в. и продолжалось до середины XVI в. в рамках раннемосковской культурной традиции. Здесь ярко представлены основные типы археологических памятников раннемосковского времени XIII-XVI вв. и практически отсутствуют памятники иных культур. Это обстоятельство делает данный район весьма перспективным для изучения процессов, влияющих на позднесредневековые поселения в зоне моренных возвышенностей и моренных равнин. Подобные процессы протекают на обширных пространствах Волго-Окского междуречья, освоение которых пришлось на XIII-XVI вв.

В период после разорения “смутного” времени (1606-1612 гг.) восстановление хозяйственных структур, систем расселения и угодий протекало таким образом, что возобновлено было менее половины поселений, а сами поселения значительно выросли. Сформированная в этот период система расселения сохранилась до 1920-х гг. без сколько-нибудь существенных изменений.

Изменение состояния памятника археологии является результатом действия двух типов процессов. На определенных этапах преобладают процессы, обусловленные хозяйственной деятельностью человека. Затем, с ослаблением или прекращением этой деятельности более интенсивными оказываются процессы, связанные с восстановлениями природной среды. Применительно к исследуемой территории смена подобных этапов может быть схематически представлена так (См. Табл 1).

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПАМЯТНИКОВ РАННЕМОСКОВСКОЙ ЭПОХИ И ОЦЕНКА ИХ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Древний город Радонеж как система археологических памятников (117-122)⁵ дошел до наших дней в весьма удовлетворительном состоянии. Как показали многочисленные раскопы и шурфы,

Таблица 1.
Изменение состояния памятника археологии

Периодизация	Период до начала деятельности человека	Период деятельности человека, создавшей памятники данного культурного круга	Период традиционного земледользования	Период нарушения традиционного земледользования (индустриальное развитие)	Период, регенерации исторической среды на отдельных участках
Датировки		1238 - 1612	1612 - 1900	1900-1986	1986 - 2000
Археологическая характеристика участка территории	Отсутствие следов деятельности человека	Вырубка леса, создание поселения, функционирование поселения (могильника) - накопление следов деятельности человека	Археологизация объекта	Нарушение или разрушение памятника археологии (частичное, полное) - частичная деархеологизация памятника	Исследование, реархеологизация и музеефикация памятника археологии
Ландшафтная характеристика участка территории	Природный территориальный комплекс (ПТК), практически не испытывавший воздействия человека	Частичное нарушение ПТК в ходе создания поселения (могильника)	Возникновение устойчивого измененного человеком ПТК	Нарушение измененного человеком ПТК, в ходе которого он теряет свою устойчивость	Восстановление измененного человеком ПТК и его поддержание в устойчивом состоянии

на большей части территории посада (118-120) под слоем распашки XVII-XX вв. (он содержит большое количество вещевого и керамического материала XIV-XVI вв. в переотложенном состоянии) залегают фрагменты нижнего горизонта культурного слоя древнего города, а в материке — следы древних сооружений. В центральной своей части культурные отложения посада потревожены усадебной застройкой XVII-XX вв. Однако полностью слой разрушен лишь подвалами, которые размещаются непосредственно под избами и не превышают размеров 5х5 м. Даже в самом селе удается проследить участки, где культурные отложения сохранились *in situ*⁶. Укрепления Радонежского городища (117) сохранились хорошо, чего нельзя сказать о его площадке, на которой фиксируется незначительный по мощности культурный слой. В XIX в. она распаивалась, что привело к нарушению стратифицированных отложений. С 1900 г. по решению земства здесь было устроено кладбище, которое с 1970-х гг. начало активно расширяться. Несколько лучше сохранились могильники древнего города. Могильник к западу от церкви Преображения Господня, идентифицируемый с кладбищем древнего храма Рождества Богородицы, близ которого, по “Житию Сергия Радонежского”, поселилась семья Варфоломея около 1337 г., в XVIII-XIX вв. использовался в качестве церковного погоста. Здесь совершались единичные захоронения и одновременно сохранялось значительное количество средневековых погребений, которые сегодня фиксируются в виде валунных надгробий. В 1990-е годы через некрополь был проложен подъезд к строению Радонежского подворья, возведенного в нарушение законодательства об охране памятников (Чернов, 1997). Могильник на селище Радонеж-2, идентифицируемый с погостом церкви Афанасия и Кирилла Александрийских, распашан. Как показали специальные охранные исследования, глубина распашки, активизировавшейся с 1930-х гг. достигает 30 см. Распашка затронула как заполнения могильных ям некрополя, датируемых 1570-ми - 1610-ми гг., так и участки, на которых сохранялись отложения, отражающие жилую застройку первой четверти XV - 1560-х гг. В настоящее время *in situ* фиксируются лишь нижний горизонт этих отложений, а также погребения, сделанные глубже 0,4 м (Чернов, 2000-б).

Культурный слой и некрополи монастырей, обратившихся в XVII-XIX вв. в крупные архитектурные ансамбли (Троице-Сергиев, Хотьков, Подольный), претерпел серьезные разрушения. Эта тема

заслуживает специального исследования. В данной публикации можно указать лишь на выводы, которые были получены в 1989 г. в ходе комплексного инженерно-геологического и археологического исследования Троице-Сергиева монастыря, которое велось Советом Троице-Сергиевой лавры, организованным Троице-Сергиевым монастырем, Духовной академией и Загорским историко-художественным музеем заповедником под эгидой Министерства культуры РФ. В результате закладки серии шурфов удалось установить, что непотревоженные отложения второй половины XIV-XVI вв., отражающие деревянную застройку монастыря, существовавшую до его перепланировки в середине XVI в., сохраняются на весьма небольших пространствах. Западный и южный склоны холма Маковца заняты в настоящее время квадратным каре келий, возведенных в XVII в. Здесь культурный слой более раннего времени практически полностью разрушен. Центральная часть холма, между Успенским собором на севере, Троицким собором на юго-западе и Сергиевской церковью на юге занята монастырским некрополем XV-XVII вв. Здесь культурные слои практически полностью переотложены. Непотревоженные участки слоя сохраняются между кельями и зоной некрополя, и лежат узкой полосой, прерывающейся в ряде мест. Один из таких участков раннего слоя был прослежен у входа в Митрополичьи покои к югу от Троицкого собора (Чернов, 1990-а).

Значительно лучше сохранились культурные отложения Подсошенского монастыря и его некрополя (175, 176). Судя по изображению на одном из чертежей 1660-х гг. из фонда Тайного приказа, в XVII в. застройка села была спланирована в форме каре (Чертеж). Эта планировка дошла до нашего времени, благодаря чему место монастыря (близ церкви Успения 1827 г.) пришлось на свободную от застройки задернованную площадь.

Древние села. Из 20 древних радонежских сел 12 располагаются сегодня под усадебной застройкой современных сел и исторических кварталов Сергиева Посада. Среди них лишь в селе Благовещенье культурные напластования селища и могильника второй половины XIV-XVI вв. сохранились в непереотложенном состоянии (48, 49 - Рис 3). Подобно селу Подсосенью, здесь в XVII в. также была создана регулярная планировка в форме каре домов. Незастроенной осталась и территория государева путевого дворца в с. Воздвиженском (157). Однако подобные примеры являются исключениями, а не правилом. По большей части планировка древних сел

не претерпела в XVII-XVIII вв. столь радикальных изменений. Поэтому культурный слой большинства селищ данной группы серьезно нарушен жилыми и хозяйственными постройками. Примером может послужить селище в с.Деулино. Впрочем, как показали раскопки, в Клементьевской и Ильинской слободах, получивших новую планировку по генеральному плану Сергиева Посада 1798 г., имеются значительные внутриквартальные пространства, занятые огородами, где культурный слой древних сел Клементьева и Панина XIV-XVI вв. сохранился удовлетворительно (16, 18).

Группа древних сел, сохранившихся в виде распахиваемых селищ, состоит всего из четырех памятников. Наиболее ценным из них является комплекс памятников у д. Зубачево (25-27). Село Зубачево (Юрьевское) было оставлено жителями в начале XVIII в., в связи с переносом поселения на близлежащий тракт из Сергиева Посада в Переяславль. В результате распашки, которая велась здесь на протяжении почти 300 лет, культурный слой памятника был переотложен вплоть до материка. Площадные сборы, проведенные на одном из селищ (Зубачево-2 — 27) показали, что содержащийся в слое керамический материал, хотя и не содержит крупных обломков сосудов, является ценным источником. Сохранявшийся на селище Зубачево-1 могильник (25) был практически полностью утрачен в ходе рытья выемки под полотно Ярославской железной дороги в 1855 г. Древнее село Морозово также сохранилось на пашне близ перенесенной на новое место одноименной деревни. Однако в 1950-е гг. оно частично попало под застройку вновь возведенной 3-й слободы деревни (110).

Избежали распашки лишь три древних села — Никольское Поддубское (60), Копнино (62), и Кесово (99). Жизнь на их территории окончательно прекратилась на протяжении XVIII в. В XIX в. на месте этих древних поселений сформировались лесные поляны-осёлки, на которых культурный слой сохранялся *in situ*. До середины XX в. они сохранялись в качестве полноценных археологических памятников. В 1945-1950-е гг. место древнего села Никольского-Поддубского было застроено поселком Семхоз (Чернов, 1996), а место древнего Кесова — включено в ограду промзоны завода 67-й километр и частично застроено. Сегодня лишь селище у Копнинского пруда представляет собой эталонный памятник данной группы.

Селища — древние деревни образуют наиболее многочисленную группу памятников. Всего их 144 или 69% от общего количества памятников археологии XIII-XVI вв. К 1930 г. 30% этих памят-

ников сохранились на месте функционирующих деревень, 34% — распаивались, 24% — сохранялись на лесных полянах-осёлках, и 12% — заросли лесом. Приведенные цифры свидетельствуют, что именно эта, наиболее многочисленная группа памятников археологии особенно сильно пострадала от распашки, которая проводилась на их территории от 200 до 350 лет. Распашка — этот бич позднесредневековых памятников — привела к тому, что 2/3 древних селений имели полностью переотложенный верхний культурный слой при сохранившихся *in situ* сооружениях в материке.

Анализ картографических материалов и степени “выпаханности” культурного слоя памятника показал, что степень разрушения селищ в результате распашки различна. В качестве примера можно привести небольшое селище “У центральной усадьбы совхоза Конкурский”. Культурный слой этого поселения претерпел многочисленные метаморфозы. На протяжении XVII-XVIII вв. он распаивался. В XIX в. и первой трети XX в. поле сократилось в размерах, заросло лесом и на территории памятника начали формироваться луговые, а возможно и лесные почвы. К 1930 г. в районе селища была произведена небольшая вырубка. В 1941 г. окружающие леса были использованы для создания заградительного рубежа наступающим немецким войскам, а незадолго до 1945 г. вырублены и на их месте устроены поля вновь созданного колхоза им. Ворошилова (позднее совхоз “Конкурский”) (см. Приложение 3).

На протяжении 1930-1990-х гг. селища на территории функционирующих деревень не понесли значительных утрат, так как в исследуемом районе, расположенном вблизи столицы, кампания по ликвидации неперспективных деревень почти не велась. В рамках этой кампании было распашано лишь 4 из 43 селищ данной группы (177, 178, 182, 183). Три селища были разрушены (на 50-90%) в ходе прокладки новой трассы Ярославского шоссе в 1970-1972 гг., проектирование которой велось без предварительных археологических исследований (153, 170, 171).

Селища на пашне в этот период понесли дополнительные утраты. Из 49 памятников 8 были застроены в процессе расширения индивидуальной застройки г. Хотькова в 1950-е годы (90, 91), в ходе строительства садовых товариществ в 1950-е - 1990-е гг. (56, 57, 81, 83, 131) и коттеджной застройки (39).

Особую ценность представляет тип селищ на полянах-осёлках, которые сохраняют непо потревоженный культурный слой и историко-

природное окружение. Эта группа памятников, выявленная в 1977-1980 г. и впервые описанная в 1984 г., представляет собой уникальный объект для комплексных исследований (Чернов, 1984-а). Сохранность культурных отложений дает возможность проведения полноценных археологических раскопок. В свою очередь в лесах и лугах, прилегающих к селищам, сохраняются следы хозяйственной деятельности Средневековья — остатки древних пашен, лугов, дорог, промыслов, которые являются объектами палеоландшафтных исследований, ведущихся в Радонеже с участием почвоведов, ботаников, палинологов, специалистов по физическим методам датирования (Александровский, Кренке, Чернов, 1990-6; Бызова, Кренке, Спиридонова, Чернов, 1993)

Из 35 селищ данной группы, которые существовали к 1930 г., до наших дней дошло в непо потревоженном виде лишь 23 или 2/3. 12 памятников потерпели серьезные утраты. В 1940-е годы одно из селищ было застроено в ходе индивидуальной застройки г. Загорска (28). В 1950-е годы распахано было селище Бориски близ Хотьково (87). Наибольший урон памятники этой группы понесли в ходе второй волны строительства садовых товариществ (1979-1985 гг.), когда, несмотря на активные противодействие органов охраны памятников, было застроено 7 селищ на осёлках, в том числе селище Бориски, которое ранее было распахано (55, 76, 87, 88, 106, 163, 166 — см. Рис. 4). Кроме того два селища серьезно пострадали от лесопосадок (31, 145), одно было частично разрушено в результате строительства Ярославского шоссе (186) и одно полностью уничтожено при несанкционированных карьеро-разработках совхоза Зубцовский (160 — Рис 6).

Селища, которые к 1930 г. находились под лесом (их было 17), сохраняли непереотложеными верхние слои, несущие следы хозяйственной деятельности периода Средневековья как на территории поселений, так и в прилегающей зоне. Пять селищ этого типа попали в зону прокладки первых линий электропередач, которые сооружались в этом районе — Москва - Сергиев Посад (1930-е гг.) и Москва - Рыбинск (1950-е гг.) (66, 133-134, 136-137 — Рис 5). На территории двух селищ в 1950-60-е годы лес был вырублен и произведена дачная застройка (67, 89). Еще одним видом хозяйственной деятельности, который оказывает губительное воздействие на селища данного типа являются лесопосадки, которые сопровождаются прокладкой глубоких канав и приводят к коренному разрушению культурного слоя, который смешивается с нижележащими ма-

териковыми отложениями. В результате лесопосадок пострадали селища Северный поселок — 2 и Скиты — 2 (29, 32).

Обрисовав ситуацию по каждой группе памятников, можно проследить динамику процессов, которые приводили (в рамках сменяющихся систем природопользования) к консервации памятников археологии или их деградации.

ДИНАМИКА ПРОЦЕССОВ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИХ НА ПАМЯТНИКИ

Период традиционного сельскохозяйственного землепользования (1612-1930 гг.). Перестройка системы землепользования, произошедшая в XVII в., привела к тому, что территории селений, могильников, дорог и других хозяйственных объектов XIII-XVI вв. (то, что сегодня мы рассматриваем в качестве археологических памятников) оказались в трех зонах: селитебной, пахотной, луговой и лесной. От того, в какой именно зоне оказывался тот или иной объект, зависела его дальнейшая судьба. Соотношение памятников соответствующих групп видно на графике (Рис 7). Характер землепользования в этот период был весьма стабильным. Поэтому границы указанных зон были довольно устойчивыми, хотя и не строго заданными.

В селитебной зоне к середине — второй половине XVII в. оказалось около 40% древних поселений и других объектов. К концу рассматриваемого периода (1930 г.) 38% памятников археологии XIII-XVI вв. находилось под функционирующими поселениями. Эта группа памятников подверглась наиболее активному разрушению и деградации.

В результате широкой распашки, которая велась в 1612-1800 гг. около трети памятников археологии (30%) лишились стратифицированных отложений. На селищах культурный слой был практически полностью переотложен. Сохранились лишь сооружения, залегающие в материке. Могильники, оказавшиеся в зоне распашки, утратили белокаменные, валунные и земляные надгробия.

Однако параллельно с активной распашкой одних районов, другие районы, вышедшие из сельскохозяйственного оборота, зарастали лесом. Порой это были владения отдельных малодворных деревень на периферии земельного владения села, которые не были восстановлены (28, 31, 33, 38, 41, 55, 76, 87, 88, 106, 116, 154, 158, 161, 163, 165-167, 169, 184-186, 191, 207), порой — группы таких деревень

(северо-восточная часть округа Радонежа — 138-140, 145, 146, 148, 154), а порой — целые земельные владения вместе с селом, игравшим некогда роль центрального поселения (Никольское-Поддубское — 60, 61; Копнино — 62-65; Кесово — 99-101). На этих территориях процессы археологизации и консервации следов хозяйственной деятельности Средневековья протекали особенно интенсивно, что привело к формированию группы селищ на лесных полянах-осёлках.

В первой половине XIX в. в связи с оттоком населения в южные губернии и сокращением пахотных площадей восстановление лесов охватило дополнительные территории. Сравнение планов 1760-х и 1850-х гг. показывает, что в этот период лес окончательно сомкнулся над древними полями сел Копнина и Кесова и деревнями Воздвиженской волости в низовьях р. Пажи (158, 161, 163). Можно предполагать, что некоторые селища на осёлках, зафиксированные в ходе археологических исследований, окончательно сложились именно в этот период. К такому выводу удастся прийти в результате сравнительного анализа картографических материалов и натуральных наблюдений. В качестве примера можно привести селище у завода “67-й км” — 2 близ Кесова — см. его описание в Приложе. 3.

В итоге процессов залесения территории в XVII-XIX вв. к 1930 г. треть памятников археологии XIII-XVI вв. сохранялась в лесных полянах-осёлках (21%) и в лесах (11%) и представляла собой наиболее сохранную группу памятников.

Период трансформации традиционного природопользования (1930-1991 гг.). Трансформации в природопользовании, которые в исследуемом районе проявились начиная с 1930-х гг., привели к кардинальному изменению характера и направленности факторов, разрушающих памятники археологии Средневековья. Иначе протекали в этот период и процессы консервации памятников.

Наиболее стабильной группой, как и в предшествующий период, остались памятники на селитебных территориях. Лишь 7 из 80 объектов были распаханы или затронуты в ходе дорожного строительства. Их доля в процентном составе памятников сократилась незначительно — с 38% до 35%.

Более ощутимо пострадали археологические памятники, располагавшиеся на пашне. 14 из 61 объекта были застроены (10 объектов) или затронуты коммуникациями, карьером, кладбищем (4 объектов). Хотя их количество и пополнилось за счет трех памятников,

располагавшихся в ликвидированных деревнях, их доля в процентном составе памятников сократилась с 30 до 25%.

И, наконец, наиболее уязвимыми оказались наиболее ценные и сохранные памятники археологии Средневековья — селища, расположенные на полянах-осёлках и в лесах. Их количество за 1930-1997 гг. сократилось с 67 до 40, то есть уменьшилось на 40%. Их доля в процентном составе памятников сократилась катастрофически — с 32% до 19%. Следует заметить, что эти показатели получены с территории, на которой, начиная с 1982 г., велась интенсивная организационная работа по пресечению землеотводов под новое строительство и иную хозяйственную деятельность на территории памятников археологии. Причиной столь губительного процесса стало то, что в 1970-1980-е гг. в условиях жесткого контроля за сохранением пахотных земель, отвод земель под новое строительство в Московской области велся, главным образом, за счет так называемых “неудобных” земель — лугов в лесах и на окраинах землепользований колхозов и совхозов, выположенных оврагов и других. Селища на осёлках располагались именно в этой зоне и оказались под прицельным огнем землеотводов под садовое строительство.

За 67 лет, прошедших с 1930 по 1997 гг., количество археологических памятников, оказавшихся под новой застройкой, автодорогами, линиями электропередач, карьерами и посадками достигло 58. Эта, вновь сформировавшаяся группа памятников (29 %), сегодня в процентном отношении превысила группу распахиваемых памятников (25 %). Таким образом, можно сказать, что семидесятилетний период хозяйствования, когда были нарушены традиции землепользования, в количественном исчислении памятникам археологии был нанесен такой же урон как за предыдущие 300 лет.

Этим, однако, не исчерпываются последствия слома многих элементов традиционного природопользования. На территории лесных массивов, оставшихся в пределах гослесфонда и не отданных под застройку в 1930 - 1990-е годы, были созданы весьма благоприятные условия для сохранения памятников археологии. Именно на этих территориях собственно и сохранилась большая часть имеющихся сегодня селищ на осёлках. В целом официально утвержденные режимы пользования лесами первой группы, к которым относятся леса гослесфонда Подмоскovie, способствуют хорошей сохранности памятников археологии. Однако имеются и серьезные проблемы.

Во-первых, в нарушение режимов лесхозы производят сплошную рубку леса (под видом прореживания или санитарной рубки), что ведет к деградации тех природных комплексов, благодаря которым собственно и сохраняются селища в лесах и на "осёлках". Во-вторых, посадки, производящиеся после этих рубок или ведущиеся собственно на полянах-"осёлках" разрушают уникальные по сохранности культурные напластования.

Мероприятия по охране культурного наследия (1983 - 1997 гг.). Начиная с середины 1980-х гг. в южной части Сергиево-Посадского района Мособлсоветом и Администрацией Московской области были установлены зоны охраны музея-усадьбы "Абрамцево" (1983), древнего города Радонеж (1986), Хотькова монастыря (1993), Исторической застройки г.Сергиева-Посада (1994), а также природный заказник "Копнинский лес". Благодаря этому 102 памятника археологии или половина от их общего количества получили статус памятника (1-19, 62-66, 68 - 72, 110-116, 117-174, 185, 186, 194-196, 205-207). На памятниках, расположенных вне городской черты и населенных пунктов, режим землепользования запрещает застройку. По памятникам в пределах городской черты застройка может осуществляться лишь после согласования ее проекта органами охраны и производства предварительных археологических раскопок. По памятникам в пределах лесов Гослесфонда введены режимы использования территории, которые запрещают рубки (кроме вывоза зимой конкретных больных деревьев) и посадки на полянах. Эти режимы были введены в таксационное описание лесов Воздвиженского лесничества, что (при соответствующем контроле) позволило пресечь отмеченные выше деструктивные лесохозяйственные мероприятия. Остальные археологические объекты получили статус памятника в 1999 г. при утверждении Комитетом по культуре Московской области их инвентаризационного описания. Однако отсутствие утвержденных охранных зон серьезно препятствует их охране.

Тенденции в природопользовании 1990-х гг. и их влияние на состояние памятников археологии. Как показала инвентаризация 1997 г., за 1990-е годы не произошло перестройки системы хозяйствования, которая могла бы кардинально изменить ход описанных выше процессов. Однако определенные позитивные сдвиги произошли.

Снятие жесткого контроля за сохранением пахотных земель привело к тому, что начали застраиваться территории, непосред-

ственно прилегающие к существующим городам (Сергиев Посад, Хотьково) и сельским населенным пунктам. Это значительно снизило прессинг на так называемые “неудобные земли”, где располагаются селища на осёлках. Тем не менее в условиях нехватки земель, выделяемых под строительство, опасность гибели этой группы памятников остается. Среди памятников, расположенных на пашне, садовыми товариществами было застроено селище на поле Бориски (87) и Золотилово-2 (81). В результате строительства отдельных коттеджей пострадал культурный слой пяти селищ в деревнях (86, 188, 189, 193, 206). Селище Зубачево-2 удалось отстоять от коттеджной застройки только благодаря обращению Комитета по культуре Московской области к главе администрации Сергиево-Посадского района. К сожалению, не было положительного результата аналогичных действий Комитета в отношении селища у Гражданского поселка и оно было полностью застроено коттеджным поселком (39). На селище Семхоз-4 строительству дома предшествовали охранные раскопки, которые позволили установить, что село Никольское-Поддубское возникло в третьей четверти XIV в., был изучен могильник XVI в. (1994).

Наиболее серьезные утраты археологического наследия произошли в 1992 - 1998 гг. на территории посада древнего Радонежа (селище Радонеж-1). В результате противоправного строительства, проводящегося Радонежским подворьем в нарушение режимов использования территории памятника при попустительстве наместника Троице-Сергиевой лавры, было уничтожено более 2 тысяч квадратных метров культурного слоя (Чернов, 1997-а; Чернов, 1997-б). В 1999 г. без согласования органов охраны памятников Троице-Сергиевой лаврой была проведена нивелировка поверхности земли, в результате чего к западу от Успенского собора верхний культурный слой был разрушен на отметках -20 -70 см в объеме не менее 500 куб. м., причем были утрачены надгробия монастырского кладбища. Эти факты стали возможны из-за позиции руководства Московской епархии, игнорирующей законодательство об охране памятников.

Нельзя не отметить и эпидемию кладоискательства, начавшуюся в 1994 г. с распространением металлоискателей и публикацией Институтом археологии РАН издания “Археологическая карта Московской области” (Том по Сергиево-Посадскому району вышел в 1996 г.). Судя по имеющимся данным (осмотр территории памятников и др.) наиболее активно цветной металл и отчасти железо

собирается на археологических памятниках в зоне распахки, однако имеют место и случаи фиксации деятельности грабителей на селищах иных групп. Объем ущерба предварительно может быть оценен как значительный.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ПРИРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИЯХ, НА КОТОРЫХ ПРЕКРАТИЛОСЬ ТРАДИЦИОННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Серьезную озабоченность вызывают процессы медленной деградации селищ, расположенных на полянах-осёлках и в лесу в результате природных процессов, протекающих в условиях прекращения традиционной хозяйственной деятельности — выкашиванию полей, проезда по старинным дорогам и других. В 1970- и 80-е годы эти процессы не давали о себе знать в полной мере. Однако в 1990-е годы зарастание полей и старинных лесных дорог проявилось весьма отчетливо. В ходе инвентаризации 1997 г. были проведены наблюдения за изменениями, прошедшими на территории памятников за 17-20 лет, прошедших со времени их выявления.

В частности подверглись изменениям поляны-“осёлки”, на которых расположены селища. Растительность таких полей представляет собой вторичный природный комплекс, не фиксируемый в естественных условиях, но сложившийся на культурном слое средневекового поселения в условиях многолетнего выкашивания. После того как в 1970-е годы на многих полянах перестали косить, на них начал развиваться процесс заболачивания. Злаковые луга были на ряде памятников полностью или частично сменены разнотравными (маревые, полынь, горец, подорожник, крестоцветные, лютиковые, бобовые, сложноцветные) с осокой, таволгой и зеленым мхом.

Обследование древних лесных дорог к северу и северо-востоку от Радонежа показало, что те из них, которые в 1984 г. зарастали подлеском, теперь в лесу не прослеживаются. Причины этого явления требуют специального исследования. Однако уже теперь можно высказать следующее предположение. С 1930 г., когда на значительных территориях была прекращена интенсивная традиционная хозяйственная деятельность, прошло уже около 70 лет. Видимо именно на этом временном этапе процесс зарастания расчищенных от леса участков, в том числе дорог, переходит в фазу, когда начинается необратимая утрата следов прошлой хозяйственной деятельности человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мониторинг археологических памятников позднего Средневековья необходимо вести с момента выявления памятника в координации с мероприятиями по его постановке на охрану и градостроительной охране (разработка проектов зон охраны, слежение за выполнением режимов использования территории, контроль за землеотводами и строительством). Исходной базой для мониторинга могут служить данные инвентаризации памятников (археологической карты). Ценными материалами, важными для налаживания последующих наблюдений, могут служить ботанические и почвенные описания памятников, которые проводятся в рамках предпроектных исследований при проектировании зон охраны.

Центральной проблемой мониторинга является установление зависимостей сохранности памятников археологии этого круга с конкретными формами традиционной хозяйственной деятельности, которая обеспечивала стабильное функционирование измененных человеком природных территориальных комплексов. В частности, речь идет о полянах на "осёлках", древних дорогах, прудах и др.

В ходе многолетней деятельности по охране памятников Сергиево-Посадского района в проектах зон охраны и другой документации предложены модели эксплуатации территории, которые сочетают элементы традиционного хозяйствования и заповедания и позволяют сформулировать рекомендации о регулировании хозяйственной деятельности на исторических территориях данного типа.

Опыт показал, что наиболее действенным методом сохранения памятников археологии Средневековья, является создание историко-природных охранных зон и заказников, утверждаемых администрациями и имеющими режимы, запрещающие новую застройку.

Памятники археологии, сохраняющиеся в лесных массивах, на полянах-"осёлках", а также стратифицированные участки памятников, расположенных в исторических поселениях, должны стать предметом специальной системы наблюдений. Целью этих наблюдений должно являться получение информации о процессах, протекающих в тех биоценозах, которые обеспечивают стабильное сохранение изменений, внесенных человеком в среду в эпоху Средневековья. Опираясь на данные подобного мониторинга можно планировать сохранение и восстановление измененных человеком в период Средневековья природных территориальных комплексов и их поддержание в устойчивом состоянии.

Примечания

¹ Большая часть инструментальных топопланов памятников была снята сотрудниками экспедиции геодезистами В.А.Переломовым и Л.И.Тюриной в 1980 г. и В.В.Петровым в 1992-1997 гг. При составлении планов памятников, расположенных на территории населенных пунктов, использовалась гео съемка специализированных предприятий. В районе древнего города Радонежа топосъемка проводилась в 1984 г. "Мосгоргеотрестом" по заданию треста "Мособлстройреставрация" в связи с проектированием Зон охраны г.Радонеж.

² Полные названия источников и данные об их архивном хранении - *Чернов, 1997.*

³ Оригиналы планшетов были выявлены автором в Отделе районного архитектора Загорского района, с фотокопиями планшетов можно ознакомиться в: *Чернов, 1984б.* Краткий вариант списка угодий, составленный по данным опросов старожилов, опубликован: *Чернов, 1989; Чернов, 2000-а.*

⁴ Масштаб контактных фотоотпечатков аэрофотосъемок 25:000.

⁵ Здесь и далее указываются номера памятников археологии по списку памятников в Приложении 2.

⁶ В качестве примера можно указать на раскоп № 2 1990 г., заложенный в самом центре села и выявивший стратифицированные отложения кон. XIV-XVI вв., включая следы сгоревшей постройки второй половины XV - первой четверти XVI в. (*Чернов, 1990-б*)

Литература

Александровский, Кренке, Чернов, 1990 — Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем (археолого-почвоведческое исследование) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Теория, методика, практика. Вып. 1. М., 1990. С.94-109.

Археологический фактор..., 1997 — Археологический фактор в планировочной организации территории. Материалы семинара / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия / Отв. ред. Ю.А.Веденин. Редакторы-составители *С.В.Гусев, С.З. Чернов, А.В.Загорюлько, В.К.Голенко.* Москва. 1997.

Аэро, 1970 — Аэросъемка 1970.

Аэро, 1990 — Аэросъемка 1990

Бызова, Кренке, Спиридонова, Чернов, 1993 — Бызова Е.Г., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Чернов С.З. Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.,1993. С. 167-189.

Карта, 1945 — Карта ГУКГ масштаб 1:25000. 1945 г.

Макаров, Кренке, Чернов, 1990 — Макаров Н.А., Кренке Н. А., Чернов С.З. Археология. Открытия или утраты? // Знание - сила. 1990. № 5. С. 10-15.

План, 1768 — План Сергиевский посад что бы подмонастырския слободы... // РПЭДА. Ф.1354. Оп. 859.4.1 Д. С-64.

Чернов, 1979 — Чернов С.З. Отчет 1978. Ч.4. С.11; Ч.6. С.13,14; Топ. № 7-733).

Чернов, 1984-а — Чернов С.З. История заселения Радонежского княжества в XIII-XV вв. по археологическим данным // Тезисы докладов совещания “Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней”. Москва. 20-22 февраля 1985 г. М., 1984. С. 117-118.

Чернов, 1984-б — Чернов С.З. Отчет 1983 г. Ч.5 // Архив ИА РАН. Р-1, № 9728.

Чернов, 1987 — Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М.:НИИТЭХИМ, 1987. С. 114-123.

Чернов, 1988 — Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989. С. 413-438; Карта-вкладыш;

Чернов, 1990-а — Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в Москве и Московской области в 1989 г. Т. 7. Исследования на территории Троице-Сергиевой лавры в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 14020.

Чернов, 1990-б - Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции 1990 г., т.6, 6а // Архив ИА РАН. Р-1, № 15198, 15554).

Чернов, 1996 — Чернов С.З. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Труды Музея истории города Москвы. Вып.9. М., 1996. С.60-96.

Чернов, 1997-а — Чернов С.З. Археология в концепции национальной историко-культурной территории Радонеж // Археологический фактор в планировочной организации территории. Материалы семинара / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия / Отв. ред. Ю.А.Веденин. Редакторы - составители С.В.Гусев, С.З. Чернов, А.В.Загоруйко, В.К.Голенко. Москва. 1997. С. 66-74.

Чернов, 1997-б — Чернов С.З. Материалы археологической и топографической фиксации зоны разрушений, произведенных на территории памятника археологии Древний город Радонеж в ходе освоения части исторического дворовладения 24 села Радонеж. М., 1997 // Архив Комитета по культуре Московской области.

Чернов, 2000-а — Чернов С.З. Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999 г. М: Наука, 2000.

Чернов, 2000-б — Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997-1998 гг. // Российская археология. 2000. № 1.

Чертеж — Чертеж окрестностей с. Подсосенья из фонда тайного приказа. РГАДА. Ф. 27. Д. 484 ч. IV, №11

Распределение археологических памятников XIII-XVI вв. по типам природопользования на их территории в 1700 - 1930 гг. и причины их разрушения в 1930 - 1999 гг.

Тип памятника	Историческая застройка	На пашне	На лесной поляне - "осёлке"	В лесу
1	2	3	4	5
Городище		117 - с 1901 г. разрушается кладбищем		
Посад		118, 119, 120		
Монастыри	1, 3, 68, 175			
Селища - древние слободы	5*, 6, 8*, 10*, 11*, 13*, 15*, 70, 72*			
Могильники - кладбища древних сел	2, 4, 7, 9*, 12*, 14*, 17, 37, 49, 69, 79, 156, 176	25 - частично разрушен Ярославской железной дорогой в 1855 г., 3		

1	2	3	4	5
Селища - древние села	16, 18, 19, 20, 36, 48, 98, 153 - разрушено развязкой Ярославского шоссе 1970 г., 155, 157	122, 19, 26 - частично разрушен Ярославской железной дорогой в 1855 г., 27, 78 - застроено г. Хотьково в 1950-е гг. 110 - застроено в 1950-е гг. 3-й слободой д.Морозово	60 - застроено пос. Семхоз в 1945 г., 62; 99 - застроен промзоной	
Деревни (малые селища)	23, 24, 34, 35, 43, 44, 45, 46, 47, 51, 52, 53, 73, 74, 80, 85, 86, 92, 93, 103, 108, 112, 115, 141, 170 - половина снесена при	21, 22, 30, 39, 40, 42, 50, 54, 56 - застроено садовым товариществом в 1960-е гг., 57- застроено поселком Семхоз в 1950-е гг., 58, 71, 75, 77, 81 - застроено садовым	28 - индивидуальная застройка г.Загорск в 1940-е гг., 31 - нарушено лесопосадками между 1970 и 1983 гг., 33, 38, 41, 55 - застроено садовым товариществом в 1992 г.,	29 - нарушено лесопосадками, 32 - в 1945 г. лес вырублен, в 1960-е гг. - нарушено лесопосадками, 66 - затронута ЛЭП в 1950 и 1986 гг. ,

1	2	3	4	5
	<p>расширении Ярославского шоссе в 1970 г. 171 - усадьба, разрушенная в 1970 г. карьером, 177 - 178 - распахано в нач. 1970-х гг, 179, 180, 181, 182 - 183 - распахано в нач. 1960-х гг., 188, 189, 192, 193, 199, 200, 201, 202, 203, 205, 206</p>	<p>товариществом в 1950-е, 84, 90, 91 - индивидуальная застройка г.Хотьково в 1950-е гг., 94, 95, 96, 102, 104, 105, 107, 109, 111, 114, 123, 124, 125, 126, 130, 131 - застроено садовым товариществом в 1982 г., 135, 142, 143, 144, 150, 151, 152, 159, 168, 187, 190, 194, 204 - частично разрушена карьером во второй половине 1980- гг. и между 1992 и 1997 г</p>	<p>63, 64, 65, 76 - застроено садовым товариществом в 1979 г., 87 - в 1950-е гг. - распахано, в 1990-е застроено садовым товариществом, 88 - в 1982 г. застроено садовым товариществом, 101, 106 - застроено садовым товариществом в 1987 - 1990 гг., 116, 132, 138, 139, 140, 145 - лесопосадки в 1960-е гг., 146, 148, 154, 158, 161, 163 - застроено садовым товариществом в 1982 г., 165, 166 - частично застроена в 1980-е гг. пионерлагерем, 167, 169, 184, 185, 186 - частично сnivelировано выемкой под Ярославское шоссе в 1970 г., 191 - разрушено карьером в начале 1990-х гг., 207.</p>	<p>67 - застроено в 1960-е гг., 89 - застроено дачами в 1950 - е гг., 113 - лес, вырублен в 1950 - нач. 1960- гг., 127, 129, 133 - 134 и 136 - 137 - нарушены ЛЭП в 1930-е гг., 147, 149, 162, 164, 195</p>

1	2	3	4	5
следы дорог, мельниц и др.	198	22, 19, 26 - частично разрушен железной дорогой в 1855 г.	97, 174	172, 173, 197, 67а, 196
Всего на 1930 г.	80	61	44	23
В % от общего числа памятников	38%	30%	21%	11%
Нарушено в 1930-1997 гг.	7	14** (+4 распаханные деревни)	17	10
Всего на 1997 г.	73	51	27	13
В % от общего числа памятников	35%	25%	13%	6%

Примечание * — памятники XVII в., ** - включены могильник и селище у д. Зубачево, частично разрушенные железной дорогой в 1855 г.

Список памятников археологии южной части
Сергиево-Посадского Района

Сергиев Посад. 1 — Исторический культурный слой Троице-Сергиева монастыря; 2 — Некрополь Троице-Сергиева монастыря; 3 — Исторический культурный слой Подольного монастыря; 4 — Некрополь Подольного монастыря; 5 — Исторический культурный слой на землях Троице-Сергиевой лавры; 6 — Исторический культурный слой Служней слободы; 7 — Некрополь при Христорождественской церкви Верхней Служней слободы; 8 — Исторический культурный слой Кукуевской слободы; 9 — Некрополь при церкви Воскресения Словущаго в Кукуевской слободе; 10 — Исторический культурный слой Штатной слободы (на ул.академика Фаворского); 11 — Исторический культурный слой Стрелецкой и Пушкарской (Ильинской) слобод; 12 — Некрополь при Ильинской и Казанской церквях; 13 — Исторический культурный слой Иконной (Вознесенской) слободы; 14 — Некрополь при церкви Вознесения; 15 — Исторический культурный слой Рыбной слободы; 16 — Селище на ул.Клементьевской; 17 — Некрополь при Успенской церкви в Клементьеве; 18 — Селище на ул.Кировской (быв. ул.Дмитровской); 19 — Селище у Кукуевского кладбища; 20 — Селище в пос.Афанасьевском; 21 — Селище у быв. ул.Вифаниевской (Комсомольской); 22 — Селище у слияния рек Карбуги и Кончуры (у в/ч 52566); 23 — Селище в д.Чарково; 24 — Селище в д.Тураково.

2. Зубачево. 25 — Грунтовый могильник в урочище “Могильцы” близ д. Зубачево; 26 — Селище Зубачево-1 (в урочище “Могильцы”); 27 — Селище Зубачево-2 (к югу от урочища “Могильцы”); 28 — Селище Северный поселок-1; 29 — Селище Северный поселок-2; 30 — Селище у пос. Козья горка; 31 — Селище у Скитов-1; 32 — Селище у Скитов-2; 33 — Селище у пос.НИРП-1 (к югу от поселка); 34 — Селище в д.Наугольное; 35 — Селище в д.Степково.

3. Деулино. 36 — Селище Деулино-1 (в с.Деулино); 37 — Грунтовый могильник у церкви Спаса Нерукотворного в с.Деулино; 38 — Селище Деулино-2 (между с.Деулино и д.Степково на Козловской поляне); 39 — Селище к северу от Гражданского поселка; 40 — Селище у микрорайона Углич; 41 — Селище у Скоропусковского завода-1; 42 — Селище на месте быв. д.Сальниковой;

43 — Селище в д.Маньково; 44 — Селище в с.Мишутино;
45 — Селище в д.Васильково; 46 — Селище в д.Ивашково;
47 — Селище в д.Крапивино.

4. Благовещенье - Копнинский лес. 48 — Селище Благовещенье-1 (в с.Благовещенье); 49 — Грунтовый могильник при церкви Благовещения в с.Благовещенье; 50 — Селище Благовещенье-2 (в урочище "Люшино"); 51 — Селище в д.Бебяково; 52 — Селище в д.Воронцово; 53 — Селище Гольково-1 (в Гольково); 54 — Селище Гольково-2 (между д.Барканово и д.Гольково); 55 — Селище Гольково-3 (на дороге из д.Гольково в г.Сергиев Посад); 56 — Селище на территории садовых участков МИД; 57 — Селище Семхоз-1 (на ул.Ворошилова); 58 — Селище Семхоз-2 (к востоку от поселка); 59 — Селище Семхоз-3 (к востоку от поселка); 60 — Селище Семхоз-4 (на ул.Комсомольской); 61 — Грунтовый могильник на селище Семхоз-4 (на ул.Комсомольской); 62 — Селище в Копнинском лесу-1 (у Копнинского пруда); 63 — Селище в Копнинском лесу-2 (к западу от Копнинского пруда на поляне "Юрьевка"); 64 — Селище в Копнинском лесу-3 (на линии электропередач поселка ОРГРЭС); 65 — Селище в Копнинском лесу-4 (к северо-востоку от Копнинского пруда); 66 — Селище в Копнинском лесу-5 (на линии электропередач Москва-Рыбинск); 67 — Селище на ул.Бардина поселка Семхоз; 67а — Местонахождение белокаменного креста в урочище Абис (Обыз).

5. Хотьково. 68 — Исторический культурный слой Покровского Хотькова монастыря; 69 — Некрополь Покровского Хотькова монастыря; 70 — Селище у Покровского Хотькова монастыря (южнее Водяных ворот); 71 — Селище напротив Покровского Хотькова монастыря; 72 — Селище на ул.1-я Хотьковская (Бобыльская слобода); 73 — Селище на ул.Комякинской. г.Хотьково; 74 — Селище на ул.2-я Митино, г.Хотьково; 75 — Селище у завода Лакокрасочных покрытий; 76 — Селище Филимоново-1; 77 — Селище на ул.2-я Лесная; 78 — Селище на ул.Горбуновской, г.Хотьково; 79 — Грунтовый могильник при церкви быв. слц.Горбуновского; 80 — Селище Золотилово-1 (в д.Золотилово); 81 — Селище Золотилово-2 (у дачного поселка Мечта-1); 82 — Селище Золотилово-3 (у дачного поселка Мечта - 2); 83 — Селище в дачном поселке Министерства внешней торговли; 84 — Селище в урочище "Ильинское поле"; 85 — Селище Подушкино-1 (в д.Подушкино); 86 — Селище в д.Гаврилково; 87 — Селище Подушкино-2 (на быв. поле "Бориски" в с/т "Парус");

88 — Селище у Сальниковой будки; 89 — Селище на ул.Репина, г.Хотьково; 90 — Селище на ул.Пионерская г.Хотьково; 91 — Селище на ул.Пархоменко, г.Хотьково; 92 — Селище в д.Репихово; 93 — Селище Шапилово-1 (в д.Шапилово); 94 — Селище Шапилово-2 (к востоку от д.Шапилово); 95 — Селище Шапилово-3 (на дороге на д.Ворохобино); 96 — Селище Шапилово-4 (к юго-западу от д.Шапилово); 97 — Урочище “Курган” между Горбуновым и Митино; 98 — Селище в селе Ахтырка.

6. Морозово. 99 — Селище у завода 67-й км - 1 (Кесово); 100 — Грунтовый могильник на селище у завода 67-й км (Кесово); 101 — Селище у завода 67-й км - 2 (близ Хохлова луга); 102 — Селище у центральной усадьбы совхоза “Конкурсный”; 103 — Селище Матренки-1 (в д.Матренки); 104 — Селище Матренки-2 (на Репниковом поле); 105 — Селище Матренки-3 (в урочище “Семушки”); 106 — Селище Матренки-4 (у “Дачи Гергенштейна”- 1); 107 — Селище Матренки-5 (у “Дачи Гергенштейна”-2); 108 — Селище Машино-1 (в д.Машино); 109 — Селище Машино-2 (между д.Машино и д.Подушкино); 110 — Селище Морозово-1 (на территории 3-ей Слободы д. Морозово); 111 — Селище Филимоново-2 (к юго-западу от д.Филимоново); 112 — Селище Филимоново-3 (в д.Филимоново); 113 — Селище Филимоново-4 (к югу от д.Филимоново); 114 — Селище Филимоново-6 (близ ЛЭП Москва - Рыбинск); 115 — Селище в д. Рязанцево; 116 — Селище Рязанцы-3 (Рязанцы-Подмош)

7. Радонеж. 117 — Городище в с.Радонеж (Крепость Радонежа); 118 — Селище Радонеж-1 (Посад Радонежа. Центральная часть); 119 — Селище Радонеж-2. (Посад Радонежа. Южная часть); 120 — Селище Радонеж-3. (Посад Радонежа. Северная часть); 121 — Грунтовый могильник у Спасо-Преображенской церкви в с.Радонеж; 122 — Грунтовый могильник в урочище “Погост” на Афанасовом поле; 123 — Селище Радонеж-4 (на поле “Карининские полосы”, у шоссе на Репихово); 124 — Селище Радонеж-5 (к западу от с.Радонеж); 125 — Селище Радонеж-6 (на поле “Поповы кусты”, у шоссе на Репихово); 126 — Селище Радонеж-7 (на поле “Прислонские полосы”, у шоссе на Репихово); 127 — Селище Радонеж-8 (на Марьиной горе, у пионерлагеря “Восток”); 128 — Селище Радонеж-9 (на быв.поле “Гусинцы”, на территории с/т “Подмосковье”); 129 — Селище Радонеж-10 (Софряково, у дороги к устью р.Подмаш); 130 — Селище Радонеж-11 (у Морозовской дороги); 131 — Селище Радонеж-12 (на Радонежской горе); 132 — Селище

Радонеж-13 (Севернее Радонежской горы); 133 — Селище Радонеж-14 (у Глиняного оврага-1 на трассе ЛЭП); 134 — Селище Радонеж-15 (у Глиняного оврага-2, на трассе ЛЭП); 135 — Селище Радонеж-16 (на поле “Иваниха”, у бетонки к г.Хотьково); 136 — Селище Радонеж-17 (Фомино-1 на трассе ЛЭП в кв.49); 137 — Селище Радонеж-18 (Фомино-2 на трассе ЛЭП в кв.49); 138 — Селище Радонеж-19 (Окуловское Буторино на трассе ЛЭП в кв.48); 139 — Селище Филимоново-5 (в пустоши Дуденевой); 140 — Селище Морозово-2 (на поляне “Оселок”, в кв.12); 141 — Селище Короськово-1 (в д.Короськово); 142 — Селище Короськово-2 (к северу от очистных сооружений); 143 — Селище Лешково-1 (к северу от д.Лешково); 144 — Селище Лешково-2 (в урочище “Могильцы”); 145 — Селище Лешково-3 (в урочище “Лешково”, в кв.13); 146 — Селище Лешково-4 (в кв.13); 147 — Селище Лешково-5 (в кв.12); 148 — Селище Лешково-6 (на поляне, в кв.13); 149 — Селище Лешково-7 (в кв.17); 150 — Селище Лешково-8 (на поле “Верхняя Лопата”); 151 — Селище Лешково-9 (на поле “Ржавец”); 152 — Селище Лешково-10 (на поле “Нижняя Лопата”); 153 — Селище на месте д.Кутузово; 154 — Селище у быв. часовни Крест (База МГРИ); 155 — Селище Воздвиженское-1 (в с.Воздвиженском); 156 — Грунтовый могильник при быв. часовне на кладбище в с.Воздвиженском; 157 — Государев путевой дворец и хозяйственный двор в с.Воздвиженском; 158 — Селище Воздвиженское-2 (в урочище “Виселицы”); 159 — Селище Воздвиженское-3 (у “Стрелецких могил”); 160 — Грунтовый могильник в урочище “Стрелецкие могилы”; 161 — Селище Воздвиженское-4 (близ устья р.Пажи); 162 — Селище Воздвиженское-5 (у газопровода); 163 — Селище Воздвиженское-6 (у быв.мельницы); 164 — Селище Воздвиженское-7 (близ поляны “Пустошка”); 165 — Селище Воздвиженское-8 (на поляне “Пустошка”); 166 — Селище Воздвиженское-10 (у пионерлагеря им.В.Котика); 167 — Селище Воздвиженское-11 (в урочище “Угольница”); 168 — Селище Воздвиженское-12 (между с.Радонеж и с.Воздвиженское); 169 — Селище Воздвиженское-14 (на овраге Коломино); 170 — Селище Голыгино-1 (в д.Голыгино); 171 — Селище Голыгино-2 (у завода Пластмасс); 172 — Древняя Переяславская дорога; 173 — Старая Переяславская дорога; 174 — Урочище “Курган” на лугу “Пажа”.

8. Подсосенье. 175 — Исторический культурный слой монастыря Успения Богородицы (селище Подсосенье-1 в с.Подсосенье);

176 — Некрополь при церкви Успения с.Подсосенье; 177 — Селище Подсосенье-2 (на месте быв.д.Коськово); 178 — Селище Подсосенье-3 (на месте быв.д.Дедушково); 179 — Селище в д.Высоково; 180 — Селище в д.Вихрево; 181 — Селище в д.Варавино; 182 — Селище на месте быв. д.Кредово; 183 — Селище на месте быв. д.Степурина; 184 — Селище в лесу “Рогово”; 185 — Селище Столыпино; 186 — Селище у Базы МГРИ-2 (у нового Ярославского шоссе); 187 — Селище Малое Охотино-2 (у “Байкова луга”); 188 — Селище Малое Охотино-1 (в д. Малое Охотино); 189 — Селище в д.Еремино; 190 — Селище к югу от д.Варавино; 191 — Селище на Ратовой горе; 192 — Селище в д.Киримово; 193 — Селище Шелково-1 (в д.Шелково); 194 — Селище Шелково-2 (у “Серковского” луга); 195 — Селище Воздвиженское-9 (близ “Павловского” оврага); 196 — Древняя Переяславская дорога; 197 — Ратовская дорога; 198 — Ратова мельница и пруд.

9. Абрамцево. 199 — Селище в д.Жучки; 200 — Селище в д.Мутовки; 201 — Селище в д.Быково; 202 — Селище в д.Глебово; 203 — Селище Арханово-1 (в д.Арханово); 204 — Селище Арханово-2 (у карьера); 205 — Селище в д.Антипино; 206 — Селище в д.Новоселки; 207 — Селище в усадьбе Семенково.

Типовые описания памятников археологии а работе
“Инвентаризация памятников археологии
Сергиево-Посадского района
(Археологическая карта Сергиево-Посадского района; 1997 г.)

101. СЕЛИЩЕ У ЗАВОДА 67-Й КМ - 2 (БЛИЗ ХОХЛОВА ЛУГА) (карта 6, план 73, рис. 74, 75)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. Селище было выявлено автором совместно с В.А.Понсовым в 1978 г. Тогда же был снят его полуинструментальный план и проведена фотофиксация (Чернов, 1979, с.11, 12, 40-42) (Рис 11). В мае 1981 г. по заданию автора фотографом М.Савиной была проведена дополнительная фотофиксация селища и расположенного вблизи него Барского пруда (Чернов, 1984-6, с.38, 52-54).

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ. Селище расположено на левом берегу речки Сизинихи (левый приток р.Кончуры — Топ. №№ 1-90, 7-731*), в лесу, на территории квартала 90 Сергиево-Посадского лесничества, в 1 км на запад от пересечения Сизинихи Ярославским шоссе и в 0,4 км на СЗ от ограды предприятия “67-й километр” (“Вакцина”) (Рис 10). Луга и болота по течению реч.Сизинихи жители соседних деревень называют “Хохлов луг” (Топ. №№ 7-730, 7-765).

ОПИСАНИЕ. Древнее поселение занимает вершину террасы и начало пологого склона к реч.Сизинихе. Поселение возвышается над поймой речки на 28-31 м и находится на отметках 223-226 м. Расстояние до р.Сизинихи — 270 м. Склон характеризуется величиной падения уровня — 1,1 м на каждые 10 м по горизонтали. В 70 м к СЗ от селища — в противоположную от р.Сизинихи сторону — также начинается пологий склон. Местность покрыта смешанным лесом. В 80 м к югу от селища начинается поле.

В 30 м к западу от селища, в лесу, имеется большой пруд-копань овальной формы, размером 80 х 40 м. Пруд со всех сторон, кроме южной, окружен земляным валом-дамбой, которая имеет ширину в основании 10 м.

От СВ-го края вала-дамбы начинается канава, которая проходит вниз по склону в направлении ВЮВ. Длина канавы — 105 м. Рядом

* Шифр объекта исторического ландшафта на Карте исторического ландшафта Сергиево-Посадского района.

с канавой — выбросы земли. Канавка режет селище. По южную сторону от канавы расположена поляна размерами 140 x 20 м. Она начинается в 15 м от пруда и спускается вниз по склону. Культурный слой древнего поселения выявлен в наиболее возвышенной ее части. Площадка поселения имеет уклон в восточном направлении. Падение уровня составляет 0,35 м на каждые 10 м по горизонтали. Культурный слой начинается в 25 м от дамбы пруда и заканчивается в 95 м от нее. Он захватывает также лес по обе стороны от поляны: на 25 м — к северу, и на 5 м — к югу. Размеры селища — 75 x 50 м. Площадь его составляет около 3 тыс. кв. м.

На поляне, в 57 м на ВЮВ от дамбы пруда и в 10 м к югу от канавы, у южного края поляны, был заложен шурф (2 x 1 м). Он выявил ненарушенный культурный слой коричневого цвета мощностью 0,3-0,4 м, насыщенный исключительно красноглиняной грубой керамикой XIV-XV вв.

Вся восточная, нижняя, часть поляны занята черным культурным слоем с обломками кирпичей и углями (расстояние от дамбы пруда — 95-140 м). Красноглиняная керамика отсутствует. Культурный слой не заходит на территорию леса. В центре поляны видны две ямы (7 x 6 м), видимо, от построек XIX или XVIII вв. Черный культурный слой и сама поляна явно связаны с этими поздними постройками. Подобная же яма (3 x 4 м) сохранилась в лесу, в 22 м на север от того места канавы, которое удалено от пруда на 65 м. Вокруг последней ямы также распространен черный культурный слой с кирпичами. Однако в этом слое и вокруг, в лесу, встречена также красноглиняная керамика. Судя по всему, черный слой с углями обязан своим происхождением угольнице.

УСТНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА. По сообщению старожилов пос. Семхоз, у Барского пруда когда-то было “монастырское строение” (Чернов, 1979, с.13-14)

АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ. Наиболее раннее изображение местности в районе селища содержится на Плане 1768 г. (Рис 8) На нем к СЗ от дамбы Кесовского пруда (Рис 8, V), на противоположном берегу речки Сизинихи, показана земельная дача под литерой “U”, которая расшифровывается как “Земля Кесовского саду владения Свято Троицкие Сергиевой Лавры”. Дача имеет неправильную форму. Общая протяженность ее границ составляет 286 саженей или 502 м. Если верить масштабу, то расстояние от дамбы Кесовского пруда до описываемой земельной дачи равняется 70 саженям (150 м) при СЗ-м направлении.

В 42-х саженях (90 м) к западу от дачи пролегал овраг, который соединялся с поймой Сизинихи в районе центральной части Кесовского пруда. Откладывая на современной геоподоснове (Карта, 1945, лист 0-37-А-а, рис 9) 150 м на СЗ от дамбы Кесовского пруда, а затем еще 250 м (вдоль СВ-й границы дачи) мы выходим на точку, располагающуюся, примерно, в 100 м от указанного оврага.

Дачу "Кесовские сады", таким образом, нельзя связывать с Барским прудом, описанным выше. Из угодий, показанных в этом районе на Карте 1945 г., с ней сопоставим небольшой пруд-копань, показанный в 340 м к ССЗ от дамбы Кесовского пруда (Рис 9, F). Пруд был окружен поляной (200 x 100 м). Ниже поляны, на склоне к Сизинихе, располагался луг (150 x 100 м). Поляна и луг были со всех сторон окружены лесом.

На момент съемки 1964 г., которая легла в основу Карты масштаба 1:50000 (0-37-А; обновлена в 1977. Издана в 1979 г.), лес вокруг этой поляны был сведен. Аэрофотоснимок 2.05.1970 г. (Аэро, 1970, № 9114) фиксирует в этом районе поле. Пруд не читается. Однако в 150 м к СВ от овражка и в 400 м к СЗ от дамбы Кесовского пруда читается небольшой (15 x 15 м) объект подквадратной формы (пруд-?). На съемке 1985 г. (Рис 10) и аэроснимке 5.09.1990 г. (Аэро, 1990, № 9475) видно, что этот объект распахан.

Сделав отступление о даче "Кесовские сады", вернемся к интересующей нас местности, которая располагалась примерно в 300 м к СВ от дачи. Судя по Плану Богородского уезда 1784 г. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189), здесь располагался лес. Однако на момент съемки дачного плана Генерального Межевания в 1768 г. положение было иным. На Планах 1768г. на склоне левого берега Сизинихи, примерно в 350 саженях (745 м) к СВ от дамбы Кесовского пруда, изображен условный знак, соответствующий пашне. Поскольку знак этот изображен к западу от Безымянного оврага (впадает в пойму Сизинихи в 350 м к З от Ярославского шоссе), есть основания полагать, что в 1768 г. возвышенность в районе селища и Барского пруда распахивалась (Рис 8). За первую половину XIX в. эти поля окончательно заросли лесом. Сплошной лесной массив показан на левом берегу реч.Сизинихи на карте 1860 г. и Планшете 1930 г. (л.12). На карте 1945 г. (0-37-А-а) этот лесной массив изображен детально. На вершине возвышенности показан Барский пруд. Хоть он изображен несколько условно (на карте он имеет размеры 25 x 25 м, а в натуре — 80 x 40 м без дамбы), но

топографическое положение пруда точное (Рис 9, F, северный). В 30 м к западу от него, по лесу, проходит дорога, ведущая на СВ. В 70 м к ЮЗ от пруда от этой дороги отходит лесная дорога, ведущая вниз по склону к реч.Сизинихе. В 240 м к ЮВ от перекрестка дорога эта разветвляется: направо к Сизинихе и налево — к поляне, описанной выше в связи с описанием местоположения земельной дачи “Кесовские сады”.

Лес к западу и северу от пруда показан посредством условных значков, изображающих вырубку и мелколесье-кустарник. Вдоль по склону Сизинихи лесной массив сохранился не вырубленным. Нетронутый лесной массив начинается в 70 м к ЮЗ от пруда (за лесной дорогой, спускающейся к речке) и в 250 м к ЮВ. Карта 1945 г. фиксирует рубки, начавшиеся еще около 1930 г. (участок к западу от пруда показан вырубленным на Планшете 1930 г.) и продолженные в годы Великой Отечественной войны.

Что касается непосредственно территории памятника, то она показана в виде поляны-выгона. Эта поляна-выгон начинается от пруда и распространяется вниз по склону к реч.Сизинихе. Длина поляны 220 м (вниз по склону), ширина — 150 м. На юге поляна ограничена лесной дорогой, спускающейся к речке.

На момент съемки 1964 г., которая легла в основу Карты масштаба 1:50000 (0-37-А; обновлена в 1977 г., издана в 1979 г.), в районе селища произошли кардинальные перемены характера растительности. Судить об этих переменах можно на основании аэрофотоснимков 2.05.1970 г. (Аэро-1970, № 9114), 1989 г. (Аэро-1989, № 24) и 5.09.1990 г. (Аэро-1990, №9475) и топосъемки 1985 г. (Рис 10). Все они отражают ситуацию, сложившуюся после того, как лесной массив, сохранявшийся в 1945 г. в 70 м к ЮЗ от селища, был полностью вырублен, а его место было расчищено под поле. Граница поля и леса пролегла вдоль бывшей лесной дороги, изображенной на Карте 1945 г. и спускавшейся к реч.Сизинихе. Распахана была и территория в 80 м к СЗ от селища. Лес здесь был вырублен к 1930 г., а затем восстановился. Зато на территории, непосредственно примыкающей к Барскому пруду, к северу и западу (80 м) от него лес, который в 1945 г. находился в начальной стадии восстановления, к 1970 г. восстановился полностью. На территории выгона также восстановился лес, за исключением поляны.

Поляна в 1970 г. была совершенно свободна от кустов и деревьев. Примерно в таком же состоянии она находилась в 1978 г.,

на момент обследования (Рис 11). На снимке 1970 г. не читаются выбросы земли вдоль канавы, зафиксированные в 1978 г. Возможно, их еще не было. Вероятно, канава выкопана по заданию лесничества для осушения леса близ пруда.

Аэроснимок 1989 г. (наиболее мелкомасштабный) фиксирует довольно далеко зашедший процесс закустаривания поляны. На нем хорошо читаются, в частности, выбросы земли, расположенные в 30 м от дамбы пруда. На месте выбросов земли, расположенных в 65 м от дамбы пруда, видны насаждения, сомкнувшиеся с лесом, примыкающим с севера. На восточном крае поляны (угольницы) новых насаждений не возникло, что обусловлено, видимо, интенсивностью и характером наслоений.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. Идентифицировать селище с тем или иным поселением, известным по письменным источникам, пока не представляется возможным. Оно входило в пределы земель села Киясовского (позднее Кесова), которое в 1444/1445 гг. было передано кн. Василием Ярославичем Радонежским и Боровским Троице-Сергиеву монастырю, а в конце XVIII в. прекратило существование.

СОХРАННОСТЬ. Культурный слой на протяжении XIX - середины XX вв. не распаивался. Хотя точных данных о поляне в этот период нет, вероятнее всего она существовала. Часть ее после 1945 г. заросла лесом. Между 1970 и 1978 гг. культурный слой был нарушен канавой и частично перекрыт выбросами. Судя по аэроснимку 1990 г. к этому времени состояние памятника не ухудшилось. Обследование проведенное в сентябре 1997 г. не выявило на территории памятника, а также в районе Барского пруда каких-либо дополнительных нарушений поверхности. Поляна активно зарастает крапивою и мелкокошесом.

ОРГАНИЗАЦИЯ-ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЬ. Квартал 90 (выделы 19-24) Сергиево-Посадского лесничества Сергиево-Посадского лесхоза.

102. СЕЛИЩЕ У ЦЕНТРАЛЬНОЙ УСАДЬБЫ СОВХОЗА “КОНКУРСНЫЙ” (карта 6, план 74, рис. 76)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. Селище было выявлено автором совместно с В.А.Понсовым в 1978 г. Тогда же был снят его полуинструментальный план и проведена фотофиксация (Чернов, 1978, с. 10-11, 38-39).

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ. Селище расположено в 3,8 км к ЮЮЗ от Троице-Сергиева монастыря и в 1 км к ЮЗ от границы городской черты, которая протекает по верховьям Афанасовского ручья (Топ.

№ 1-79). Ручей впадает в р.Кончуру справа, напротив Спасо-Вифаньева монастыря. Поселение удалено на 950 м к ЗСЗ от автозаправочной станции, расположенной на Ярославском шоссе, при въезде в г.Сергиев-Посад, напротив завода “Лакокраспокрытие”. От центральной усадьбы совхоза “Конкурсный” поселение отстоит примерно на 400 м к ЮВ (за оврагом). Расстояние от Ярославской железной дороги составляет 1,2 км на юг. В 450 м к ЮЗ от селища в 1978 г. размещалось совхозное хранилище.

ОПИСАНИЕ. Селище располагается на вершине возвышенности, которая господствует над долиной р.Кончуры, в которой расположен город. Возвышенность имеет склоны на север, СВ (к Афанасовскому ручью) на восток (к его правому притоку), на запад (к его левому притоку). В ЮЗ-м направлении наблюдается небольшое повышение до максимальной отметки (238.40) в районе геодезического репера, в 500 м к ЮЗ от селища. Отметка самого селища, судя по Карте 1945 г. (0-37-А-а), составляет 232,5 м. Над Афанасовским ручьем (отметка 200 м) селище возвышается на 32,5 м. Над оврагом, притоком ручья, который протекает в 170 м к западу от селища, оно возвышается на 7,5 м, а над верховьями оврага, расположенного в 375 м к ЮВ, на 12,5 м. Величина падения склона к Афанасовскому ручью — 32 см на каждые 10 м по горизонтали.

Площадка селища довольно ровная. Величина падения уровня составляет около 15 см на каждые 10 м по горизонтали. Селище и вся возвышенность, на которой оно размещается, в 1978 г. распахивались. Когда проходило обследование, поле было засеяно травой, что мешало сбору подъемного материала, поэтому для определения его размеров было заложено 7 шурфов (1 x 1 м). Шурфы №№ 1, 2, 3, 7 выявили культурный слой мощностью 0,3 м полностью перепаханный. Была встречена красноглиняная и белоглиняная грубая керамика. Площадь селища составляет примерно 3 тыс. кв.м.

АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ. Наиболее ранние изображения правого берега Афанасовского ручья относятся ко времени Генерального межевания, которое велось в этом районе в 1768 г. На Плане Богородского уезда 1784 г. к югу от оврага показаны леса. Однако часть территории, кажется, была занята полем. На Плане 1768 г. поля показаны, начиная от Московского тракта (соответствует трассе Ярославского шоссе) на запад. Поля распространялись вплоть до дороги “из деревни Морозовой в село Клементьево”, которая локализуется в 350 м к западу от тракта и далее на запад по меньшей

мере еще на такое же расстояние. Следовательно, можно с большой степенью вероятности утверждать, что в 1768 г. территория селища не была покрыта лесом.

Ко времени съемки 1852-1853 гг., положенной в основу Карты 1860г., территория селища была покрыта лесом. Лес сохранялся здесь до 1922-1928гг., когда проводилась съемка Карты "Москва и окрестности" 1930 г. На Планшете 1930 г. этот лесной массив изображен в виде недавней вырубki или корчевки, а к 1945 г. (Карта, 1945, 137-А-а) вырубка была расширена и полностью раскорчевана под пашню.

Таким образом, культурный слой поселения на протяжении XVII-XVIII вв. распахивался. Затем на протяжении XIX и первой трети XX вв. здесь сформировались лесные почвы, которые незадолго до 1945 г. были вновь распаханы.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. Идентифицировать селище с каким-либо поселением, известным по письменным источникам, пока не представляется возможным.

СОХРАННОСТЬ. В результате этого в настоящее время культурный слой не просто переотложен, но и очень сильно выпахан. Сопоставление аэроснимков 2.05.1970 г. (Аэро, 1970, № 9114) и 5.08.1990 г. (Аэро, 1990, № 8111) показывает, что характер использования территории памятника не претерпел изменений: она продолжает распахиваться. Следов построек или пруда на снимках не прослеживается. Обследование 31.09.1997 г. дополнительных нарушений территории памятника не выявило.

ОРГАНИЗАЦИЯ-ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЬ. Пашня АО "Конкурсный".

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ЛИСТОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО РАЙОНА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

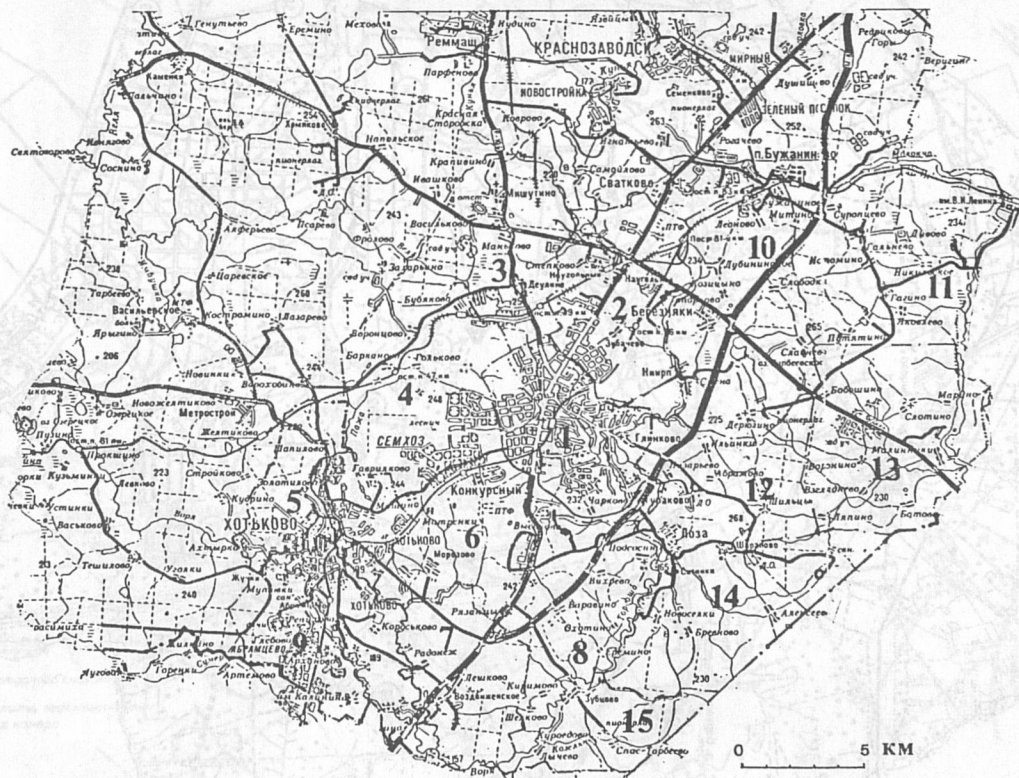

Рис. 1. Схема расположения листов Археологической карты Сергиево-Посадского района Московской области (Инвентаризация 1997 г.). В настоящей работе анализируются памятники на территориях, отраженных на листах 1-9, которые соответствуют исторической Радонежской волости

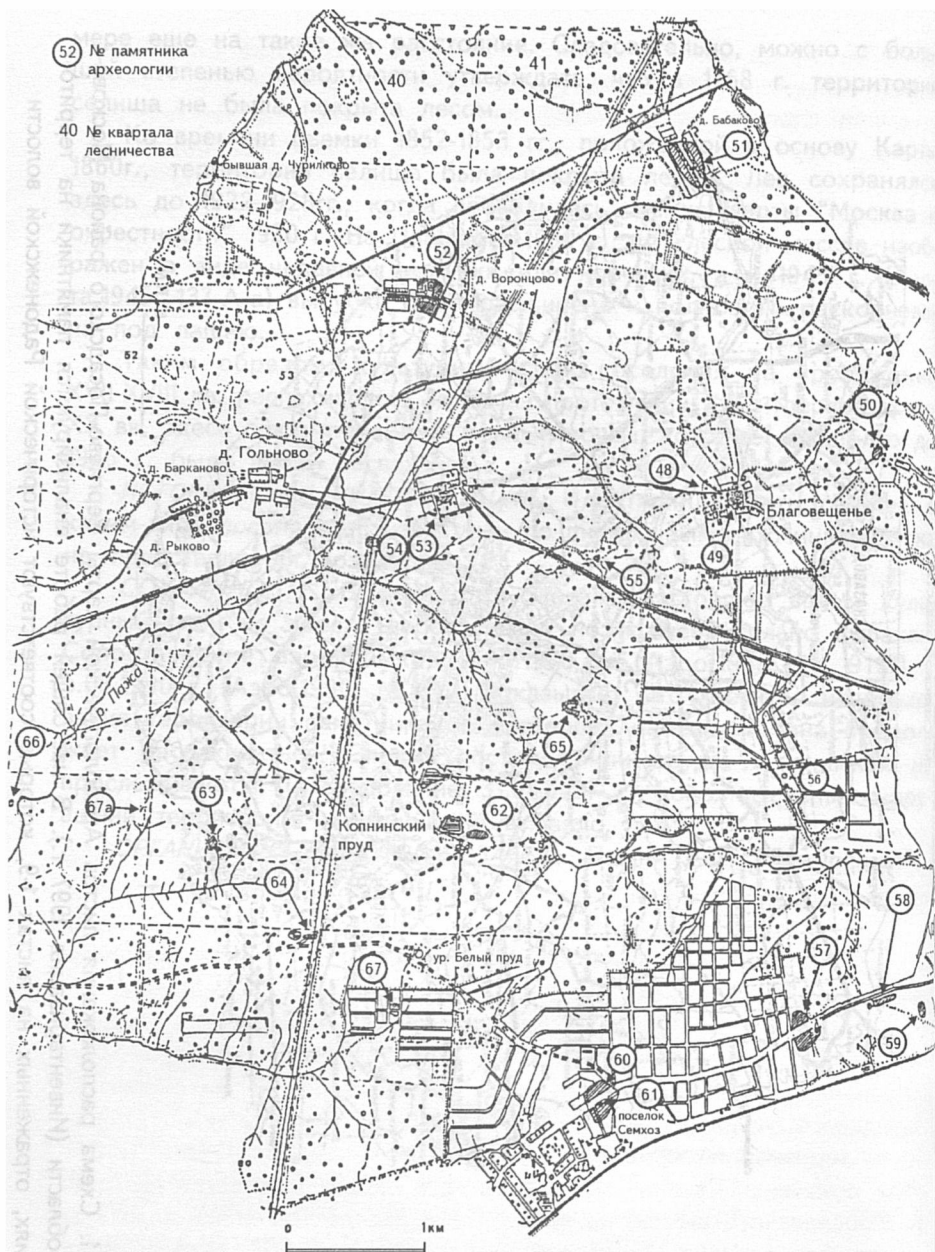
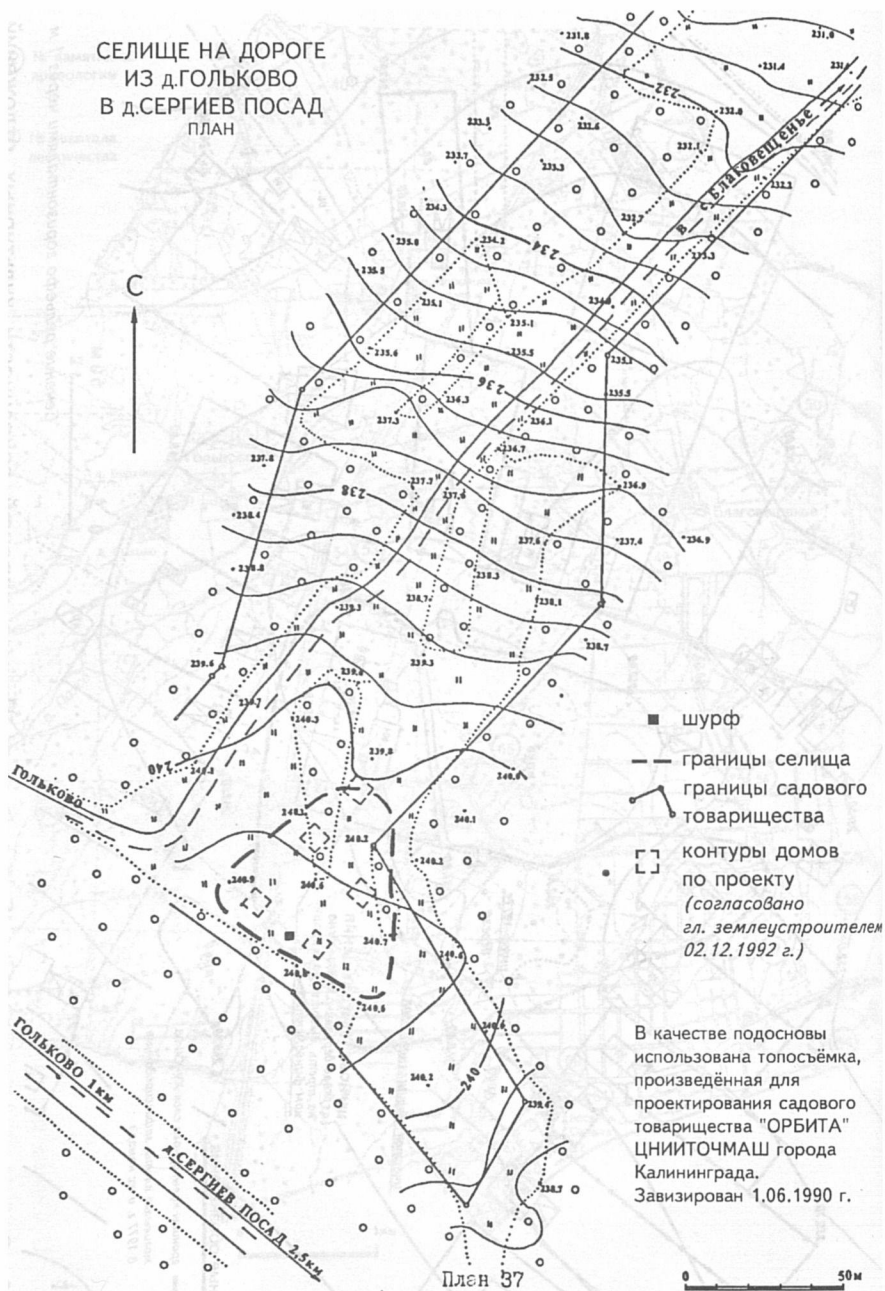

Рис. 2. Лист 4 (Благовещенье - Копнинский лес) Археологической карты Сергиево-Посадского района Московской области (Инвентаризация 1997) Исходный масштаб карты 1:25000

СЕЛИЩЕ НА ДОРОГЕ
ИЗ Д.ГОЛЬКОВО
В Д.СЕРГИЕВ ПОСАД
ПЛАН

В качестве подосновы
использована топосъемка,
произведённая для
проектирования садового
товарищества "ОРБИТА"
ЦНИИТОЧМАШ города
Калининграда.
Завизирован 1.06.1990 г.

Рис. 4. Селище Гольково-3. Пример поселения на лесной поляне-осёлке, которое подверглось застройке садовым товариществом

Селище в Копнинском лесу-5

(на линии электропередач Москва-Рыбинск)

План

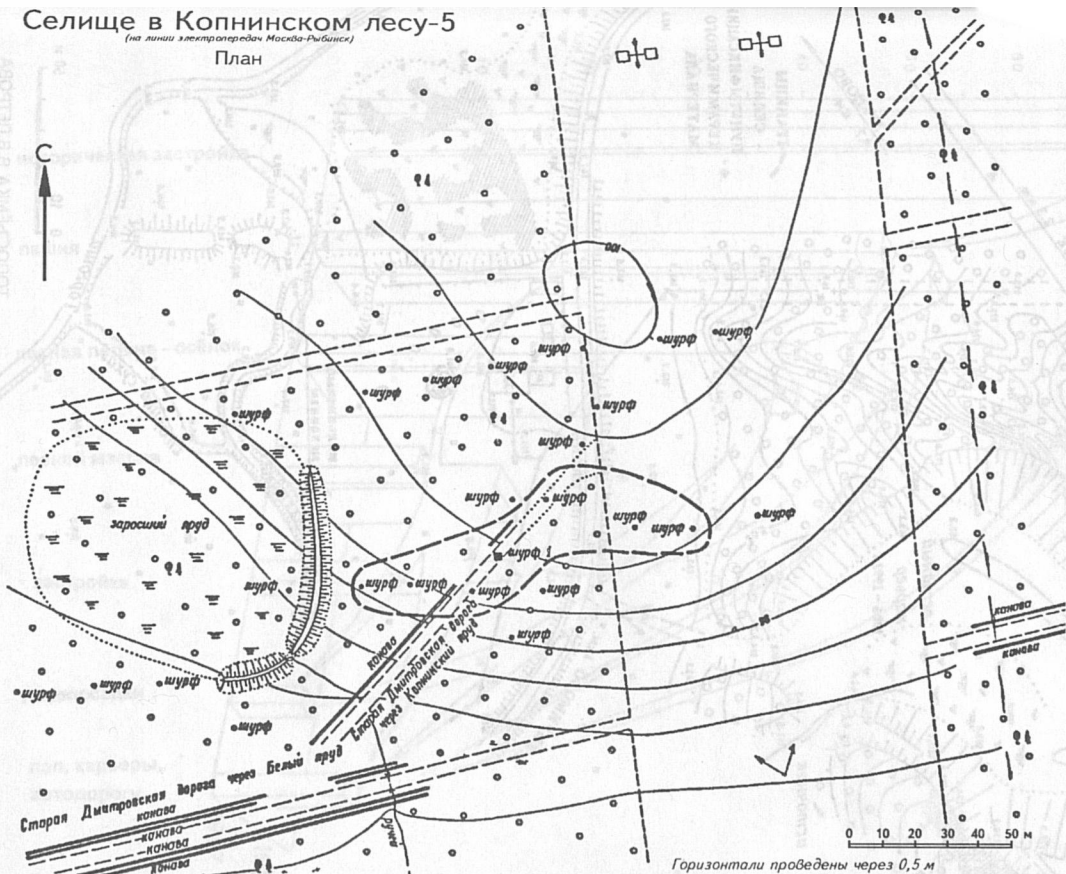

Рис. 5. Селище в Копнинском лесу-5. Пример поселения, сохранившегося в лесном массиве, которое подверглось частичному разрушению при прокладке линии электропередач Москва-Рыбинск

СЕЛИЩЕ НА РАТОВОЙ ГОРЕ И РАТОВА МЕЛЬНИЦА

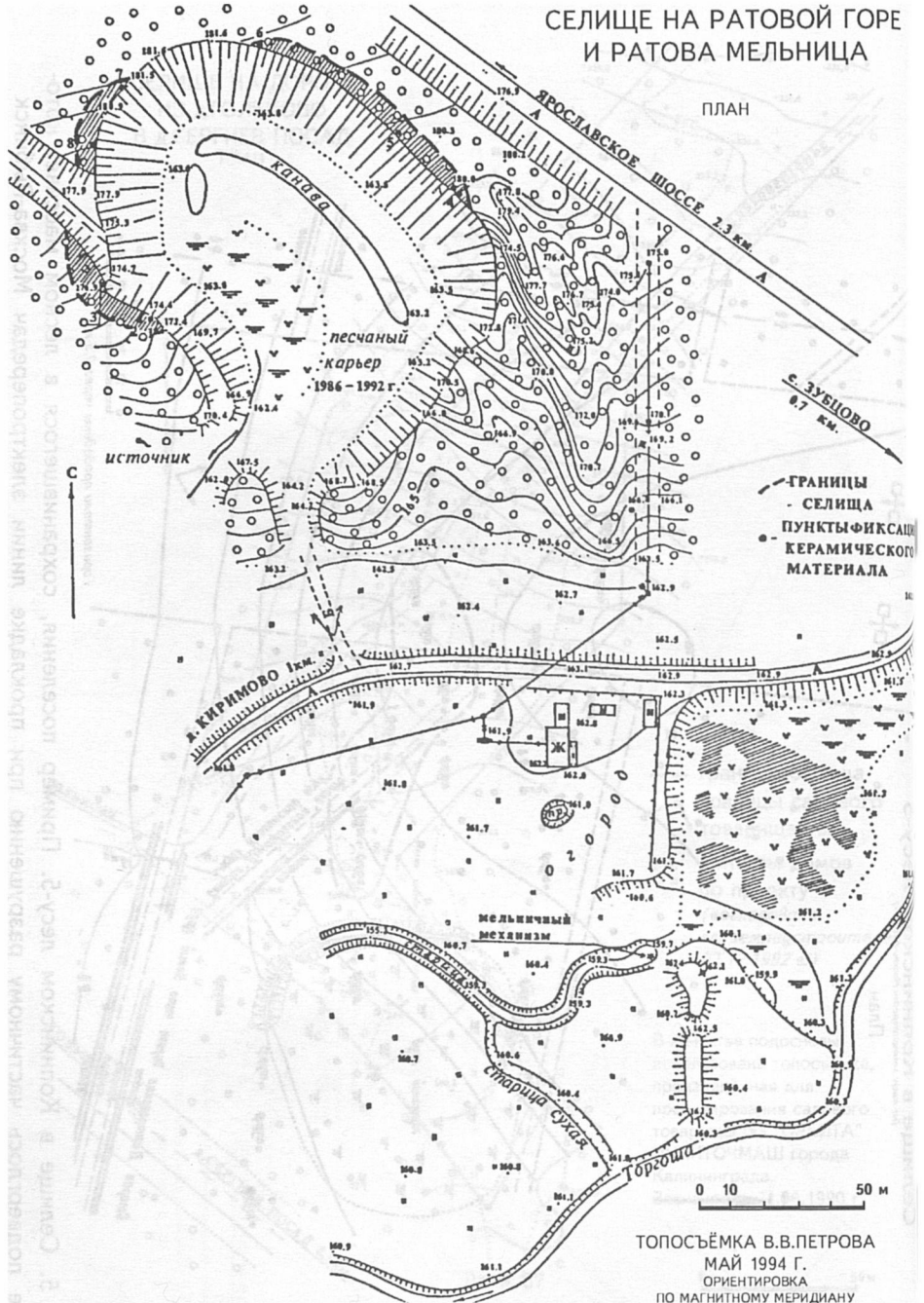

Рис. 6. Селище на Ратовой горе и Ратова мельница.

Пример поселения, на поляне-осёлке, практически полностью разрушенного в результате карьероразработок

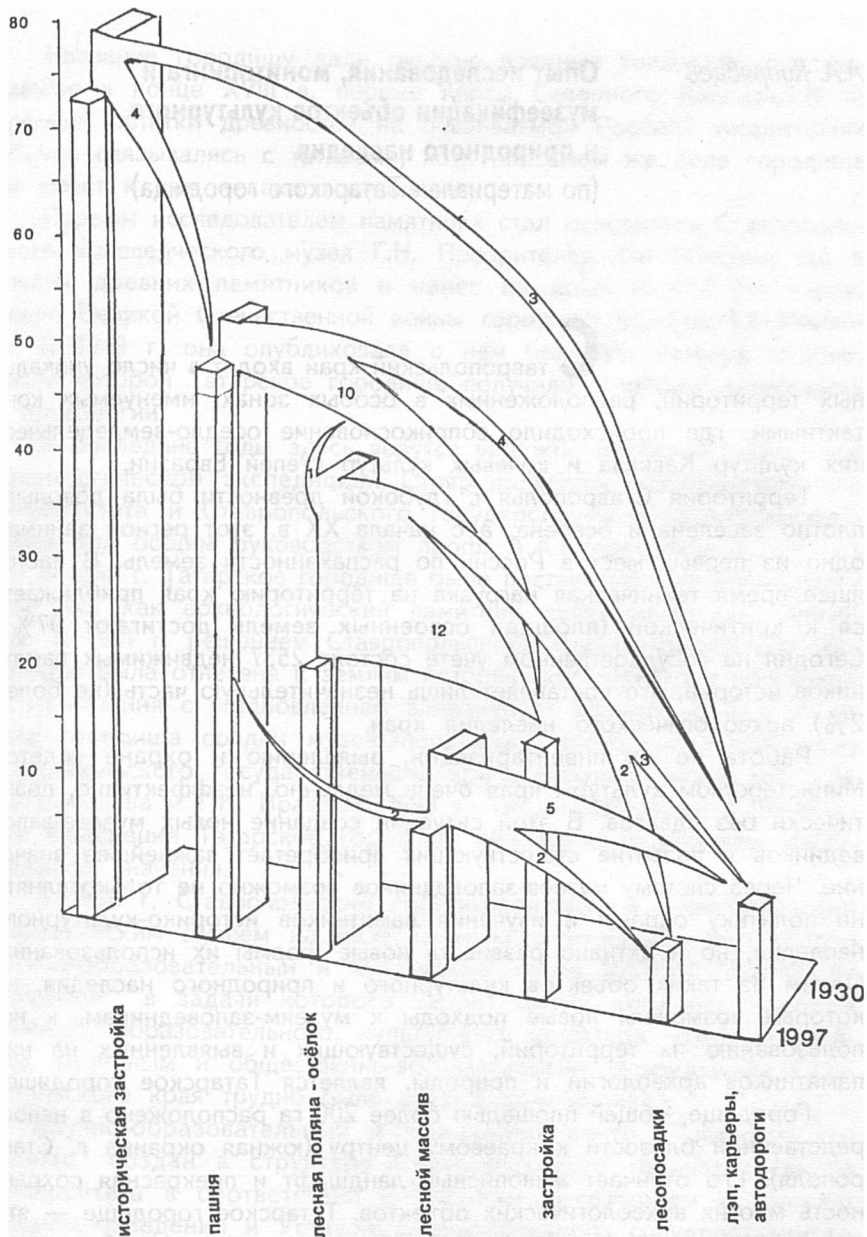

Рис. 7. График распределения археологических памятников южной части Сергиево-Посадского района XIII-XVI вв. по типам природопользования на их территории до 1930 г. и в 1930-1997 гг.

Стрел-ками показаны переход памятников из одной категории в другую в 1930-1997 гг.

Опыт исследования, мониторинга и музеефикации объектов культурного и природного наследия

(по материалам Татарского городища)

Ставропольский край входит в число уникальных территорий, расположенных в особых зонах, именуемых контактными, где происходило соприкосновение оседло-земледельческих культур Кавказа и кочевых культур степей Евразии.

Территория Ставрополя с глубокой древности была довольно плотно заселена и освоена, а с начала XX в. этот регион занимал одно из первых мест в России по распаханности земель. В настоящее время техническая нагрузка на территорию края приближается к критической (площади освоенных земель достигают 97%). Сегодня на государственном учете состоит 2537 недвижимых памятников истории, что составляет лишь незначительную часть (не более 2%) археологического наследия края.

Работа по их инвентаризации, выявлению и охране ведется Министерством культуры края очень медленно, неэффективно, практически без сдвигов. В этой ситуации создание новых музеев-заповедников и развитие существующих приобретает важнейшее значение. Через систему музеев-заповедников возможно не только влиять на политику охраны и изучения памятников историко-культурного наследия, но и активно развивать новые формы их использования. Одним из таких объектов культурного и природного наследия, на которых возможны новые подходы к музеев-заповедникам, к использованию их территорий, существующих и выявленных на них памятников археологии и природы, является Татарское городище.

Городище, общей площадью более 200 га расположено в непосредственной близости к краевому центру (южная окраина г. Ставрополя). Его отличает живописный ландшафт и прекрасная сохранность многих археологических объектов. Татарское городище — это крупнейший археологический памятник, чудом сохранившийся среди реликтового леса, в окружении городских, сельских и дачных построек, полей и дорог (Рис 1).

Название городищу дали русские военные топографы, составлявшие в конце XVIII в. первые карты Северного Кавказа. В те времена остатки древностей на осваиваемой Россией территориях обычно связывались с татарами, хотя на самом же деле городище не имеет к ним никакого отношения.

Первым исследователем памятника стал основатель Ставропольского краеведческого музея Г.Н. Прозрителев. Он включил его в список древних памятников и нанес на археологическую карту. После Великой Отечественной войны городище изучала Т.М.Минаева. В 1949 г. она опубликовала о нем большую научную статью, после которой Татарское городище получило широкую известность в археологии.

В последние годы здесь ведутся широкие раскопки совместной археологической экспедицией Ставропольского государственного университета и Ставропольского государственного краеведческого музея под общим руководством проф. А.А.Кудрявцева.

В 1960 г. Татарское городище было поставлено на государственный учет как археологический памятник республиканского значения. В 1991 г. решением Ставропольского крайисполкома его территория была отнесена к землям историко-культурного и природного назначения с установлением заповедного режима. В 1992 г. на базе городища создан музей-заповедник, вошедший в структуру Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве. В 1995 г. Указом Президента Российской Федерации Татарское городище объявлено памятником федерального значения.

В 1996 г. Ставропольским госуниверситетом и Ставропольским краеведческим музеем на базе Татарского городища был создан Научно-образовательный и культурный центр (НОКЦ) "Татарское городище", в задачи которого входит целый комплекс проблем научного, образовательного, культурного характера, которые учебным, музейным и общественно-воспитательным учреждениям Ставропольского края трудно было решать по-одиночке.

Научно-образовательный и культурный центр "Татарское городище" создан в структуре Ставропольского государственного университета в соответствии с Типовым положением о высшем учебном заведении и Уставом Ставропольского государственного университета.

НОКЦ "Татарское городище" создан в целях:

— повышения эффективности научно-исследовательской работы в университете;

— разработки новых приоритетных научных направлений по изучению и сохранению регионального историко-культурного и природного наследия;

— объединения усилий специалистов университета и краеведческого музея для обеспечения сохранности историко-культурного и природного музея-заповедника “Татарское городище” и использования его в культурно-просветительских целях, изучения взаимодействия человека с природой в исторической ретроспективе и осуществления экологического мониторинга для прогнозирования и выработки соответствующих рекомендаций;

— обеспечения дополнительной научной и образовательной базы для организации учебного процесса в условиях классического университета.

Основными задачами НОКЦ “Татарское городище” являются:

— проведение фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ в области истории, археологии, экологии, биологии, географии, разработка новых научных направлений в данных областях знаний;

— становление и развитие на базе научно-исследовательского и культурного центра “Татарское городище” научных школ и научных коллективов, способных обеспечить выполнение исследовательских программ и решения образовательных и воспитательных задач;

— использование научного потенциала университета для обеспечения исследования и развития уникального природно-археологического музея-заповедника “Татарское городище”, использование достигнутых результатов в культурно-просветительских целях;

— создание учебно-экспериментальной базы полевых и стационарных исследований по основным направлениям развития исторической, археологической, природно-географической и биологической наук;

— расширение сотрудничества с научными организациями, вузами, предприятиями России и зарубежными учебными заведениями, фирмами, международными организациями.

НОКЦ “Татарское городище” организует свою деятельность и проводит научные исследования по тематическим планам НИР на основе тесного научного и организационно-методического сотрудничества и договорных обязательств с краеведческим музеем, другими научными организациями и предприятиями различных форм собственности.

Финансирование деятельности НОКЦ “Татарское городище” осуществляется за счет средств федерального бюджета, средств местного бюджета, выделяемых на решение региональных научно-культурных и социально-экономических задач, а также за счет внебюджетных средств, поступающих из различных источников в том числе и по хозяйственным договорам.

НОКЦ “Татарское городище” создает, совершенствует, пополняет фонд научных коллекций музея-заповедника “Татарское городище”, обеспечивает их научную обработку и публикацию, следит за соблюдением авторских прав исследователей СГУ на эти материалы в соответствии с договором с краеведческим музеем.

Татарское городище является сложным многослойным памятником, функционировавшим на протяжении четырех исторических периодов: кобанского, скифского, сарматского, хазарского. Первый из них относится к VIII-VII вв до н.э. и связан со знаменитой кобанской культурой позднебронзового века, зародившейся в XIII-XII вв. до н.э. на территории Центрального Кавказа и распространившейся к IX-VIII вв. до н.э. на северо-восточные и северо-западные территории региона, в том числе и на Центральное Предкавказье. Могильники и поселения этого времени характеризуются находками прекрасных бронзовых изделий, предметов вооружения и украшения, деталей конского убранства. Именно с кобанской эпохой связан самый древний слой Татарского городища, обильно насыщенный развалами древних стен домов его обитателей, многочисленными фрагментами керамики, предметами украшения и быта, орудиями труда.

Следующий этап развития Татарского городища представлен археологическим слоем, который лежит выше кобанского и относится к скифскому периоду, датируемому VII-III вв. до н.э. Скифам принадлежит особая роль в истории всего Предкавказья, в том числе и в формировании одного из наиболее значительных и древних его городов, остатками которого и является Татарское городище.

Территория Предкавказья на протяжении многих веков входила в число особых исторических зон, где происходило соприкосновение и тесное взаимодействие культур кочевых обитателей степей Евразии с культурами древних земледельцев Кавказа и Ближнего Востока. В этих зонах, лежащих на границах кочевого и земледельческого миров, происходили военные столкновения и взаимовлияния, обмен культурными ценностями и достижениями, торговые и этни-

ческие контакты. Здесь возникали новые города и поселения, создавались новые и трансформировались старые культурные традиции, появлялись и исчезали крупные государственные объединения и этнические союзы.

Эти сложные исторические процессы нашли особенно яркое отражение в археологических материалах Татарского городища, местное кобанское население которого вступало в контакты с кочевниками-скифами.

В результате их тесного взаимодействия здесь сложилась новая археологическая культура, со своим уникальным, неизвестным ранее, обрядом захоронений, новым типом погребальных сооружений в виде каменных склепов с большими курганными насыпями, новыми социально-экономическими отношениями.

В сарматский период (III в. до н.э. - III в. н.э.) Татарское городище продолжало развиваться и застраиваться. Это было время особой активизации в южнорусских степях кочевников-сарматов, очень близких по языку и культуре к скифам, но стоящих несколько ниже их по уровню социально-экономического развития.

В III в. до н.э. сарматы вторглись на скифские территории и вытеснили последних в Крым и Приазовье. Набеги сарматов сопровождались разрушениями, пожарами, гибелью большей части населения скифских поселений и городов.

Подобная судьба постигла и многие населенные пункты Ставропольской возвышенности, но Татарское городище оказалось незатронутым сарматским нашествием. Здесь не отмечено ни следов штурма, ни крупных разрушений и пожаров.

Последний, самый верхний культурный слой связан со временем существования одного из крупных средневековых государств Восточной Европы — Хазарского каганата.

Эпоха Великого переселения народов, начавшаяся с гуннского нашествия во второй половине IV в. н.э. сильно изменила этнический состав населения Центрального Предкавказья и здесь наряду с ирано-язычными аланами, являвшимися прямыми наследниками и продолжателями традиций сарматов, появились тюрко-язычные болгары, авары, савиры, хазары и другие кочевники евразийских степей. К VIII в. н.э. хазары захватили господство среди разноэтничных кочевых племен Северного Прикаспия, Подонья и Предкавказья. Ставропольская возвышенность вошла в территорию Хазарского каганата, а Татарское городище стало одним из ключевых военно-

политических и торгово-экономических центров этого могущественного государства.

В этот период завершилось сложение исторической топографии городища, были перестроены и отстроены заново его мощные оборонительные сооружения, была возведена крупная, хорошо укрепленная система тройных валов и рвов с каменной стеной, внутри которой располагались силы хазарского гарнизона, находились военные и продовольственные склады, казармы, культовые сооружения. Город хазарского периода просуществовал до конца V - начала VI вв. и погиб, вероятно, под натиском кочевников-печенегов или сменивших их половцев.

Богатое историческое прошлое и наличие уникальных археологических памятников на Татарском городище дополняется богатством его природы, изобилующей живописными ландшафтами, редкими лесными и луговыми растениями, впечатляющими скальными обрывами и водопадами.

Городище представляет собой реликтовый комплекс объектов культурного и природного наследия, сложившийся на протяжении многих веков тесного взаимодействия человека с природой. На протяжении почти трех тысячелетий местные ландшафты то изменялись под влиянием человеческой деятельности, то восстанавливались в периоды исторических катаклизмов и запустений этих территорий.

Возросшие темпы урбанизации и быстрый рост краевого центра, южная граница которого уже вплотную подошла к древним стенам Татарского городища, с особой остротой ставит вопрос о его охране. Значительную опасность представляет и сильно возросшая технологическая нагрузка на территорию Ставропольского края, связанная с прокладкой здесь нефте- и газопроводов, линий электропередач, дорог, строительством различных военных, промышленных и бытовых объектов.

Охрана уникальных памятников Татарского городища в значительной мере была решена после создания здесь музея-заповедника.

Археологический и природный музей-заповедник расположен в восточной части Татарского лесного массива. Среди леса имеются три крупные поляны с лугово-степной растительностью. У опушек сохранились фрагменты степи, а на севере — небольшое заросшее болото. Основу природно-археологического комплекса составляют три отдельные городища: Первое или Центральное, Второе и Третье, связанные между собой древними дорогами и тропами. Их разделя-

ют глубокие балки ручьев Травертинового и Аненского, входящих в систему р. Татарки, правого притока р.Егорлык.

Ведущие специалисты Ставропольского государственного университета и Ставропольского краеведческого музея, работающие в области изучения, охраны и использования памятников культурного и природного наследия, выдвигают идею о преобразовании части территории археологического и природного музея-заповедника "Татарское городище" в археологический палеоландшафтный парк города Ставрополя, в котором охранная, научно-исследовательская и музейно-экспозиционная работа сочеталась бы с культурно-развлекательной и просветительно-воспитательной (А.А. Кудрявцев, Н.А.Охонько).

Уже сегодня территория городища входит основной своей частью в городскую черту Ставрополя и окружена с трех сторон его городскими строениями, дачными поселками и пока еще сельскими усадьбами населенного пункта Татарка, а с запада к нему примыкает оживленная автострада, соединяющая Ставрополь с регионом Кавказских Минеральных Вод. В настоящее время, чтобы как-то ослабить неблагоприятное воздействие человеческой деятельности на заповедные территории, предлагается создать зону охранного ландшафта, включая примыкающий к городу участок реликтового Татарского леса площадью около 35 га. На территории самого музея-заповедника выделяют две зоны: музейно-рекреационная и заповедная.

В заповедной зоне ведутся лишь охранные, исследовательские и реставрационно-консервационные работы на историко-археологических объектах заповедника, а также создаются условия для восстановления палеоландшафта и саморазвития природы.

В музейно-рекреационной зоне, открытой для экскурсий и туристических посещений, прокладываются специальные маршруты для осмотра объектов культурного и природного наследия, консервируются и музеефицируются раскопанные археологами уникальные памятники древней истории, реставрируются впечатляющие оборонительные сооружения, устраиваются специальные смотровые и туристические площадки. Здесь культурно-просветительское и историко-патриотическое воспитание человека сочетается с оздоровительной и развлекательной деятельностью.

Широкие археологические исследования, позволяющие раскопать, законсервировать и музеефицировать уникальные курганные могильники с коллективными усыпальницами-склепами, культовые и общественные сооружения, мощные стены и Башни оборонительной

системы Татарского городища и другие древние объекты, восстанавливаемые палеоландшафты и красоты реликтового леса, допускают считать создание на базе музея-заповедника первого в Европе археологического и палеоландшафтного городского парка задачей весьма важной и необходимой. В очень недалеком будущем Татарское городище может превратиться в самым тесным образом связанный с краевым центром урбанизированный объект культурного и природного наследия, уникальный городской парк, где вместо привычных качелей, каруселей, цветников и газонов посетителей ожидает встреча с древней историей края и его многовековой культурой, увлекательное путешествие в затерянный мир древних курганов, каменных гробниц, развалин дворцов и храмов.

Сегодня объектами экспонирования в этом парке могут стать самые разнообразные памятники городища: фортификационные сооружения Центрального городища, которые включают земляные валы и рвы, каменные стены, массивные оборонительные башни, цитадель древнего города, а также его уникальные погребальные сооружения, представленные курганными склеповыми захоронениями и грунтовыми могилами (могильники №1 и №2).

Центральное или Первое городище является наиболее древней и хорошо укрепленной частью памятника, представляющей наибольший интерес с точки зрения музеефикации и экспонирования, здесь появились самые ранние кобанские поселения (IX-VIII вв. до н.э.) Татарского городища, которое стало ядром формирования города, сложившегося на его основе позднее.

Древние кобанцы выбрали для своего поселения наиболее удачное место — хорошо защищенный мыс, площадью более 40 га, расположенный в верховьях глубоких балок, преграждавших подходы к нему с трех сторон. С северной, наиболее доступной и уязвимой стороны оно защищалось тройной линией валов и рвов с каменной стеной. На подступах к этой линии в складках местности создавались препятствия. Форпостом обороны служила выдвинутая в поле башня на холме.

Маршрут по Центральному городищу, которому отводится основная роль в музеефикации этого ключевого объекта, начинается со знакомства с остатками рвов и валов. Хотя со времени их использования прошло более тысячи лет, они хорошо сохранились в рельефе и прослеживаются на расстоянии полкилометра. Вода и ветер сгладили их формы, но превышение валов надо рвами и теперь

местами достигает 10 м. Легко представить, сколь внушительными они были в прошлом.

Две внешние линии рвов и валов выходят к обрывам в верховьях балок, служившим естественными укреплениями. Внутренний вал, усиленный по верху каменной стеной, опоясывает всё городище. В местах пересечения валов современными дорогами прослеживается их конструкция. Раскопки показали, что основой вала является грунт, выбранный при устройстве рва. Наружная поверхность вала обложена камнем, а по верху его возводилась каменная стена.

Валы и рвы со времен Средневековья не подвергались существенным воздействиям человека. Поэтому на них образовался почвенный покров и восстановилась лесостепь. Ботаники, исследовав флору, поразились разнообразию ее видов. Только степных растений, в основном представленных разнотравьем, здесь выявлено около ста видов. Это вселяет оптимизм по поводу возможности восстановления богатых степных ценозов Предкавказья в заповедниках и заказниках края.

Одним из объектов музеефикации могут стать древние башни Центрального городища, сохранившиеся сегодня в виде двух больших холмов диаметром около 30 м и высотой 6-7 м. Это остатки средневековых башен, значительно укреплявших оборону города на наиболее опасном центральном участке. Судя по глубоким провалам в центре холмов, башни имели внутреннее пространство и, при необходимости, могли выступать самостоятельным очагом обороны.

С вершины этих холмов на юг в ясный день открывается широкая панорама Предкавказья и Северного Кавказа. На переднем плане расстилается ровная поверхность городища, поросшая степными травами, кустарником и лесом. Дальше возвышаются плосковершинная гора Стрижамент и хребет Недреманный.

Стрижамент с абсолютной отметкой 831 м — высочайшая точка не только Ставропольской возвышенности, но и всей Русской равнины. Она расположена в 30 км от городища и покрыта густым грабово-буковым лесом. На западе за седловиной к ней примыкает Недреманный хребет. Его ровный гребень поднимается до отметки 650 м. Он покрыт степью и кажется голым. Лишь на его северном склоне в виде небольшого треугольника темнеет Лопатин лес. Восточнее горы Стрижамент, за широкой долиной Калауса, просматриваются Прикалаусские высоты.

Широкий обзор, открывающийся с башен, свидетельствует о том, что помимо оборонительной они выполняли наблюдательную

функцию. С окрестных вершин, где располагались другие укрепления и наблюдательные посты, в случае опасности подавались сигналы, позволявшие жителям городища своевременно принять соответствующие меры.

Во время Кавказской войны на горах Стрижамент и Недреманной находились русские крепости. С тех пор они получили свои названия. Слово “стрижамент” произошло от искаженного “ретраншемент” что в переводе с французского означает укрепление. Русские люди, не искушенные во французском, переиначили военный термин на свой лад.

Крепость Недреманная служила передовым наблюдательным пунктом и должна была осуществлять недремлющий надзор за подступами к Ставропольской горе. В случае появления противника, из крепости поступал сигнал на пост Извещательный и отсюда гонец извещал об опасности Ставропольскую крепость. С тех пор одно из сел южнее Татарки так и называется Извещательным.

В восточной части Центрального городища возвышается большой холм, названный Дозорным. Отсюда открывается прекрасный вид на весь археологический комплекс, а в прошлом здесь, очевидно, было удобное место для военного дозора.

К западу от холма расположена широкая поляна со ступенчатым рельефом, на котором находится основная часть Центрального городища, окруженная крепостной стеной. На ней сделаны наиболее важные и интересные раскопки культурных слоев с остатками жилых помещений и ремесленной мастерской, к которым проляжет путь маршрута. Детальное дешифрирование аэрофотоснимков городища и прилегающей территории позволило специалистам выявить на фоне этой степной поляны много прямоугольников, квадратов, кругов, прямых и ломаных линий. Задача археологов теперь целенаправленно с помощью раскопок определить происхождение древних построек городища.

С северо-восточной стороны городища сохранился значительный участок древней дороги, который вел к главным воротам существовавшего здесь города. Дорога пролегла между крепостной стеной и глубоким обрывом, причем нападающие были все время обращены к стене, незащищенной щитом, правой стороной. Перед воротами, согласно законам фортификации была устроена специальная площадка, облегчающая защиту ворот. Она была фланкирована с двух сторон стенами, а с третьей ограничена крутым обрывом. Здесь

осуществлялся досмотр караванов приезжих, а в случае нападения организовывалась оборона по всем правилам военного искусства. Ворота устроены так, что нападающие оказывались обращенными к стене города, откуда их можно было поразить с правой незащищенной щитом стороны.

Воротный проем и сегодня хорошо заметен. Он лишь оплыл, стал пологим и доступным. По его краям видны остатки круглых каменных башен, которые усиливали охрану въезда в город.

При раскопках входа в расположенное неподалеку Грушевское городище найдены остатки обгоревших дубовых ворот. Дуб, в большом количестве произрастающий в лесу, вероятно, использовался в конструкциях ворот и на Татарском городище.

Пройдя воротный проем и оказавшись внутри городища, нападавшие сталкивались с рядом хитроумных устройств, направленных на усиление безопасности поселения. Войдя в ворота, штурмующие не сразу попадали в городские кварталы. Они оказывались в понижении, откуда территория городища не просматривалась и откуда вели две дороги: одна в нижнюю, другая в верхнюю часть городища. Дорога пролегла по довольно глубокой и хорошо просматриваемой лощине. Проход в верхнюю половину контролировался башней.

Нижняя часть Центрального городища является территорией, которая была наиболее интенсивно населена в древности, здесь выявлен самый мощный культурный слой. Для его изучения в этом месте планируется заложить большой раскоп, который со временем станет важным экскурсионным объектом.

На южном краю Центрального городища расположен один из важнейших его памятников — цитадель. Она имеет округлую форму и занимает площадку размером 150х170 м, примыкающую к долине ручья Анненского. По периметру цитадель обнесена каменной крепостной стеной, от которой осталось валообразное основание. Южная половина цитадели ограничена скальным обрывом, а северная — подковообразным рвом.

Превышение остатков крепостной стены надо рвом достигает 8-10 метров. У цитадели с двух сторон были ворота, располагавшиеся возле обрывов, что повышало надежность её защиты.

Внутри нее четко просматриваются руины двух каменных строений. Одно из них занимает центральное положение и, судя по планировке, представляет собой остатки храма. Другое, предполо-

жительно, было резиденцией или даже дворцом правителя. Хорошо продуманная, глубоко эшелонированная система оборонительных сооружений Центрального городища вместе с наличием цитадели, свидетельствует о том, что здесь был важный стратегический и административный центр Предкавказья.

В южной части площадки цитадели внимание привлекает широкая провальная воронка. Анализ микрорельефа с помощью аэрофотоснимков выявил отходящие от неё линии, отличающиеся фототонном и характером растительности. Предполагается, что это остатки подземных помещений и ходов. Один из них вел в верховья соседнего, заросшего лесом, труднодоступного лога, где имеется родник.

Уже отмечалось своеобразие и ценность растительности, возникшей на древних поселениях, что характерно и для цитадели. Ее территория покрыта низкорослым кленовым лесом. Растущий в нем клен полевой обычно живет до 100 лет, но на цитадели встречаются экземпляры высотой более 20 м, достигающие, судя по спилам, двухсотлетнего возраста. Столь обширных и однородных участков произрастания клена в Ставропольских лесах больше нет. Почему он возник именно на цитадели, предстоит выяснить специалистам, но цитадель и ее растительный покров являются прекрасным объектом музеификации и экспонирования.

Наличие уникального леса на цитадели создает для археологов определенные трудности. Корни растущих деревьев разрушают древние каменные строения. Поэтому с одной стороны, здесь необходимо провести большой объем исследований с раскопками, консервационные и реставрационные работы, а с другой - нужно сохранить необычный лес. С этой целью предполагается провести лишь выборочную рубку в местах раскопов и воссоздать древнюю цитадель в гармоничном единстве с нынешним лесом, как символ неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего.

Примерно в 70-80 м к востоку от того места, где находится тройная линия валов, прикрывающая городище с северной, наиболее доступной, стороны, упирается в начало глубокой балки, огибающей его с востока, располагается один из интереснейших погребальных памятников Татарского городища, получивший у археологов название второго склепового могильника. Он расположен на восточной стороне балки, у самого верхнего края ее, на территории, густо заросшей лесом, где среди дороги кое-где проглядывают едва заметные камни, мало чем отличающиеся от собственных

скальных выходов и случайных валунов. Они оказались верхушками плит склепового могильника, относящегося к скифскому периоду развития городища.

Раскопки этого склепового могильника ведутся и сегодня, продолжая удивлять исследователей находками. Прежде всего, был открыт совершенно новый тип погребального сооружения, неизвестный ранее ни на территории Кавказа, ни в других регионах. Это каменный склеп, расположенный в центре большого кургана со сплошной каменной обкладкой и развалами каких-то выкладок в ней. Характер погребальных сооружений и инвентарь захоронений со всей очевидностью зафиксировал сложный исторический процесс ассимиляции кочевников-скифов и местного кобанского населения, оседание скифов на земле и переход их к оседлому образу жизни, симбиоз кочевой и земледельческой культур и формирование новых этнокультурных традиций.

На территории могильника к настоящему времени раскопаны два крупных кургана с каменной обкладкой и склепами в середине каждого из них. Наряду с этим, здесь были вскрыты могилы с каменными обкладками или без них и завалами с набросом камней над захоронениями. Все они располагались вдоль краев курганов или на очень незначительном расстоянии от них. Разнообразные археологические материалы, в числе которых есть хорошо датируемые греческие амфоры с клеймами и чернолаковая посуда с росписью, позволяют отнести время функционирования этого некрополя к V-III вв. до н.э., т.е. к периоду, когда скифы, как считалось ранее, полностью покинули территорию Центрального Предкавказья, но оказалось, что это не совсем так. Аналогичные склеповые могильники, благодаря находкам, в последние годы стали известны в ряде мест Ставропольской возвышенности, но только на Татарском городище они раскопаны и изучены со всей полнотой, позволяющей судить об их конструктивных особенностях, обряде захоронения, времени существования. Они представляли собой крупный курган, диаметром до 25 м и более, со сплошной каменной обкладкой, имеющей на отдельных участках четкие следы выкладки. В центре кургана располагался склеп. В длину погребальная камера склепа достигала до 3,25 м, в ширину до 2,7 м. Стены склепов возводились из крупных плит местного камня — ракушечника, каждая из таких плит достигала в длину от 1,4 м до 1,8 м, а в ширину от 1 м до 1,3 м.

Склепы были коллективными усыпальницами, и в них могло быть погребено от 10 до 60 человек, которых хоронили не одновременно, а на протяжении довольно длительного периода. Вероятно, это были представители одного рода или семьи, занимавшей весьма высокое социальное положение среди тогдашних обитателей Татарского городища. В одной из стен склепа, обращенной к склону холма, был устроен проем высотой 0,65 м и шириной 0,85 м, через который с помощью специального каменного коридора, называемого дромосом, погребальная камера соединялась с поверхностью. Через дромос и входной проем можно было хоронить в склепе новых умерших. Дромос обычно достигал длины 3-5 м, при ширине 0,8-1,0 м и в высоту 0,60-0,75 м. Стены его были выложены из обработанного камня-ракушечника, а сверху он имел деревянные перекрытия, скорее всего из бревен, засыпанных землей. Подобным же образом был сверху перекрыт и сам склеп.

В загробный мир погребенных на Некрополе Татарского городища сопровождали останки многочисленных лошадей, умерщвленных при тризне на могиле хозяина, а также разнообразные древние изделия, включающие оружие, богатое конское убранство в виде налобных и нагрудных орнаментированных блях, удила, псалии, пряжки из железа и серебра, предметы украшения и быта, многочисленные фрагменты керамики. Здесь, наряду с довольно простой местной посудой, встречаются прекрасные античные чернолаковые и краснофигурные сосуды из Аттики, ценившиеся на "вес золота" и многочисленные красноглиняные амфоры, с клеймами мастеров острова Родос. Все это свидетельствует о высоком социальном положении людей, похороненных в склепах Татарского городища, и о широких торгово-экономических связях его обитателей с греческими городами-колониями Северного Причерноморья, развитыми центрами античной Греции.

Курганные склеповые захоронения частично законсервированы и являются экспозиционными объектами. Планируется проводить дальнейшую консервацию и музеефикацию этих уникальных исторических памятников городища, которые должны выступить одним из важнейших объектов планируемой экспозиционной и научной работы предполагаемого парка. Сочетание серьезной научной и учебной работы в виде исследований и полевых практик студентов университета, с широкой музейной, охранной и культурно-просветительской деятельностью, в результате которой будут музеефицированы и

станут доступными для массового посещения горожан уникальные памятники культурного и природного наследия, является главной идеей комплексного подхода к их сохранению, изучению и использованию. Одной из форм решения данных проблем может явиться создание на одной из частей музея-заповедника “Татарское городище” городского археологического палеоландшафтного парка.

Пояснения к Рис 1

I — Первое (центральное) городище	9. В мире цветов и разнотравья.	26. Татарские скалы.
II — Второе городище.	10. Дозорный холм.	27. Старый раскоп.
III — Третье городище.	11. Буковый лес.	28. Возрожденная степь.
	12. Водопад “Пагода”.	29. Зольник.
	13. Водопад “Стеклопанельная струя”	30. Склеповый могильник I-III веков н.э.
	14. Родник “Криница”.	31. Каменный хаос.
	15. Грот отшельника.	32. Оползневое озеро.
	16. Вход в цитадель.	33. Реликтовый папоротник — листовик.
	17. Храм.	34. Оползневая ниша.
	18. Дворец правителя.	35. Древняя дорога.
	19. Провальная воронка.	36. Водопад “Травертинный”.
	20. Выход из цитадели.	37. Древняя дорога на Третье городище леса.
	21. Скальная ниша.	38. Царство
	22. Каменные отторженцы.	39. Урочище “Площадка”.
	23. Древняя дорога на Второе городище.	
	24. Следы у водопада.	
	25. Второе городище.	

ЭКСКУРСИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ:

1. Валы и рвы Первого городища
2. Ковровые камни.
3. Оборонительная башня.
4. Оборонительная башня и панорама Центрального городища.
5. Склеповый могильник V-III веков до н.э.
6. Главный въезд на Первое городище.
7. Воротный проем.
8. Над обрывом.

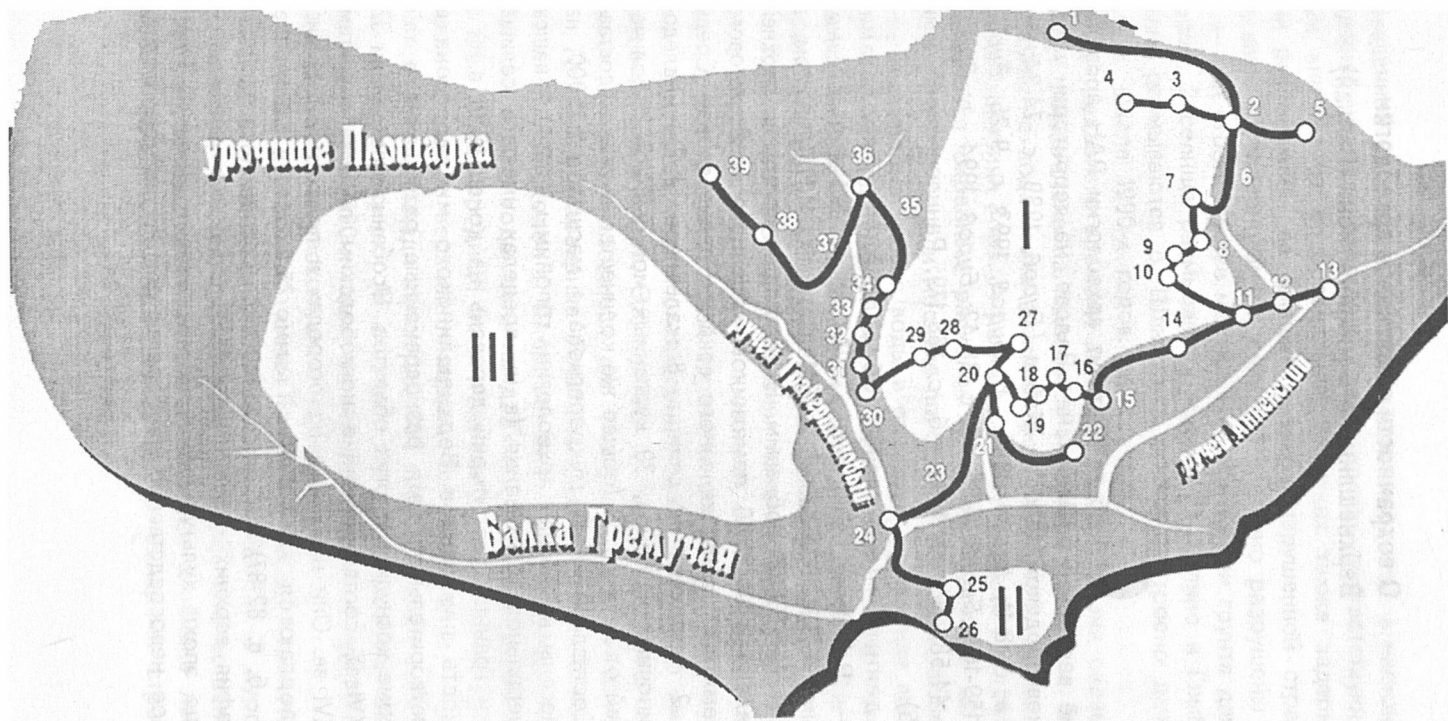

Рис. 1. Татарское городище

О сохранности памятников археологии Верхнешлинского микрорегиона (Валдай)

С 1985 г. Институт археологии РАН проводит исследование верховьев р.Шлины на Валдае, на территории средневековой новгородской волости Жабна (Буров, 1989, с. 74-84; Буров, 1990 - а, с. 8-11; Буров, 1990 - б; Буров, 1993, с. 9-26; Буров, 1994 - а, с. 159-163; Буров, 1994 - б, с. 38-42; Буров, 1994 - в; Буров, 1995 - а, с. 44-58; Буров, 1995 - б, с. 168-179; Раннесредневековый город... 1995).

Ранее данный микрорегион обследовался археологами: в 1968 г. — Р.Л.Розенфельдом, в 1983 г. — В.М.Воробьевым, А.П.Ланцевым, А.Д.Максимовым, А.Д.Малыгиным, И.Н.Черныхом, в 1973 и 1988 гг. — В.М.Воробьевым. В настоящее время на верхней Шлине выявлено свыше 40 памятников каменного и бронзового веков, 131 памятник конца железного века и Средневековья. Среди последних: 2 городища, 62 селища, 8 жальников, 2 камня-следовика, 18 одиночных курганов, 39 курганных могильников с количеством насыпей от двух до 55 (общее же количество курганов составляет 334). Составлена карта микрорегиона в масштабе 1:25000, на которую нанесены памятники археологии, топонимы, границы пашен времени Генерального межевания (в их пределах имеются селища XIV-XVI вв.) и границы территорий деревень на конец XVIII в.

Сохранность памятников Верхнешлинского микрорегиона в целом удовлетворительная, хотя разновременные разрушения в той или иной форме коснулись многих объектов. Особенно пострадали 32 селища XII-XVI вв., соответствующие новгородским писцовым книгам рубежа XV-XVI вв. Они находятся на огородах и полях и вследствие этого подвергаются постоянной многовековой распашке (Буров, 1993 - б, с. 82-87). На них размещается современная застройка. Стратиграфия верхних слоёв этих селищ полностью нарушена.

21 селище эпохи культуры длинных курганов и Древней Руси, расположенное непосредственно на берегах рек — на территории,

выведенной из современного землепользования, в настоящее время задернованы, или залесены. Девять селищ, соответствующих писцовым книгам, на водораздельных участках также задернованы, но они расположены на бывших полях с нарушенной стратиграфией. Из всех 30 задернованных селищ 2 частично разрушены карьером (1 — при строительстве моста, 1 — при взятии грунта для подсыпки дорог), 2 селища размываются водами оз. Шлино и Глыби, 2 поселения размываются р. Шлиной, 1 селище застроено дачным участком в начале 1990-х годов.

До недавнего времени активная водная эрозия оказывала негативное воздействие на памятники в долине р. Шлины. В последнее десятилетие вода стала активно промывать берег у подножья городища Варварина Гора. А размыв селища Городок 1 потребовал даже проведения охранных раскопок. Особую опасность до недавнего времени представляли мощные половодья. Но после возведения плотины и поднятия уровня воды в оз. Шлино положение памятников на р. Шлине несколько улучшилось. Зато теперь стали активно разрушаться поселения по берегам самого оз. Шлино. На последнем неолитические стоянки уже давно размыты.

Планы Генерального межевания начала 1780-х годов в сопоставлении с современными картами позволяют воочию убедиться, насколько сильно идет процесс водной эрозии на оз. Шлино. Так, существующий ныне остров Лигоново оказался остатком размытого мыса, некогда вдававшегося в озеро. Это пример, когда планы Генерального межевания могут использоваться для экологического мониторинга.

Городище Варварина Гора значительно пострадало от грабительских “раскопок”. Впервые они были проведены в начале XX в. В 1960-е годы дети из д. Городок устроили здесь землянки. В 1993 г. на городище были проведены несанкционированные раскопки: в центре верхней площадки был аккуратно выбран слой до материка на площади примерно 363 м и не закопан. По углам были вбиты даже колышки (К счастью, этот участок ранее был исследован.) В начале 1990-х годов на селище Городок-1 небольшой участок также подвергся раскопкам с выборкой слоя.

Из 334 курганов 75 имеют повреждения: 67 насыпей изуродованы ямами, у двух — полы срезаны дорогой, 2 кургана сильно повреждены блиндажом времени Великой Отечественной войны, 4 затронули противопожарные ровики при разбивке леса на кварталы, 2 кургана полностью уничтожены во время строительства и

при прокладке дороги в начале 1990-х годов. Со слов местных жителей, во время лесоповала, полностью уничтожена курганная группа в районе с. Градобиц.

Курган на левом берегу р.Шлины в 1970-е годы был снесен бульдозеристом, из любопытства (ничего не было найдено). Другую насыпь также явно намеренно снесли бульдозером при прокладке дороги к р. Граничной уже в начале 1990-х годов.

Следы старых разрытий имеют практически все жальники. На жальнике д. Городок (рядом с городищем Варварина Гора) оплывшая яма осталась от поисков якобы существовавшей здесь церкви. Жальник на окраине пос. Комсомольский полностью разрушен в 1950-е годы жилой застройкой. Отдельные, снятые с могил валуны, лежат среди домов до сих пор. Уничтожен жальник, существовавший в начале века в д. Жабны, отмеченный в сводке Романцева.

Жальник в уроч. Жольницы с отчетливо различимыми на поверхности земли каменными кладками и валунами в начале 1980-х годов был сильно потревожен рабочими, бравшими песок из расположенного по соседству карьера. Специально пригнанный бульдозер зацепил огромные валуны тросами, сдвинул камни, после чего и были проведены грабительские “раскопки” (кости были выброшены).

Таким образом, в Верхнешлинском микрорегионе основными разрушающими факторами по степени активности являются: 1) грабительские “раскопки”; 2) невежество и ребячье любопытство взрослого сельского населения; 3) песчаные карьеры; 4) водная эрозия.

Внешнее благополучие с сохранностью памятников археологии Верхнешлинского микрорегиона на самом деле весьма зыбко. Намечавшаяся в 1990-е годы прокладка в этой местности Высоко-скоростной железнодорожной магистрали Санкт-Петербург - Москва могла резко изменить ситуацию. Со строительством станции “Граничная” экологически чистые места, сосновые боры оказались бы от Москвы всего в одном часе езды на поезде. Здесь начался бы дачный бум, расхищение земель, что сразу поставило бы под угрозу сохранность многочисленных археологических памятников¹. Подобные ситуации возникли бы и в других местах по трассе ВСМ. Приведенный пример показывает, что археологический мониторинг должен включать фактор потенциальной опасности для археологических объектов, что позволит во время принять превентивные меры по их спасению.

Ценность памятников археологии в верховьях р. Шлины в Тверской области состоит в том, что они представляют все исторические эпохи, начиная с мезолита и заканчивая поздним Средневековьем. Здесь же находится один из крупнейших комплексов эпохи культуры “длинных курганов” второй половины 1 тыс. н.э. на Северо-Западе. В Верхнешлинском микрорегионе размещаются также поселения новгородской волости Жабна, имевшей реликтовую структуру - деление на концы, как в самом Новгороде. Высокая научная значимость указанных памятников, расположенных в естественном природном окружении, и во многом еще нетронутый ландшафт, позволяют ставить вопрос о создании в верховьях р. Шлины природно-археологического заповедника общероссийского значения или хотя бы, включении данной территории в состав Валдайского национального парка.

Примечание

1. Об угрозе памятникам археологии, возникающей на трассе ВСМ Санкт-Петербург - Москва, я начал писать еще в 1993 г. в газете “Коммунар” Фировского р-на Тверской обл. и областной газете “Тверская жизнь”. В 1994 г. в центральной и местной прессе были опубликованы статьи: *Буров В.А.* Зачем нам новая стройка века? // “Российские вести”, 1994, 16 апреля; Его же. Наш паровоз вновь полетит // “Российские вести”, 1994, 29 апреля; Его же. Чем грозит стройка века // “Тверские вести”, 1994, 26 апреля; Его же. Только варвары строят магистрали бескультурия // “Российские вести”, 1994, 1 июля и др.

Литература

Буров, 1989 — *Буров В.А.* Жаровский конец Жабенской волости в VIII-XVI вв. по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989, с. 74-84;

Буров, 1990-а — *Буров В.А.* Этапы расселения в междуречье Шлины и Граничной на Валдае в III-VI вв. и эволюция общины (по материалам Жаровского конца новгородской волости Жабна) // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы док-ладов советской делегации. М., 1990, с. 8-11;

Буров, 1990-б — *Буров В.А.* Два гнезда памятников VI-X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI-XVI вв. // Славянская археология. 1990.

Буров, 1993-а — *Буров В.А.* Памятники культуры длинных курганов на Верхней Шлине // Археологические памятники на Верхней Волге. Сборник научных трудов. Тверь, 1993, с. 9-26;

Буров, 1993-б — Буров В.А. Новгородские писцовые книги и археология // Российская археология. 1993. № 3, с. 82-87.

Буров, 1994-а — Буров В.А. Волостка XV в. новгородского боярина Якова Скомантова по данным писцовых книг и археологии // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994, с. 159-163;

Буров, 1994-б — Буров В.А. Жальники в бассейне р. Шлины на Валдае // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1994, с. 38-42;

Буров, 1994-в — Буров В.А. "Погост Жабна... пуст". М., 1994.

Буров, 1995-а — Буров В.А. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // Российская археология. 1995, № 2, с. 44-58;

Раннесредневековый город... 1995 - Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. Вып. 2. М., 1995, с. 168-179;

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Жальник в уроч. Жальники с отчетливо различимыми на поверхности земли квадратными кладками в начале 1960-х гг.

Проблема сохранения памятников наскального творчества на севере Европейской России

В настоящее время на территории Северной Европы обнаружено более 1500 местонахождений памятников наскального творчества. В пределах Российской части этого региона зафиксировано всего 5 пунктов данного рода объектов, а именно:

— Восточный берег Онежского озера в районе пос. Шала-Бесов Нос (Карелия)

— Беломорские петроглифы (Карелия)

— Понойские наскальные изображения (Кольский п-ов, Мурманская обл.)

— Писаницы и гравировки на п-ове Рыбачий (Кольский п-ов, Мурманская обл.)

— Умбская группа петроглифов (Кольский п-ов, Мурманская обл.).

Впервые памятники наскального творчества были описаны в Швеции еще в конце XVII века, карельские петроглифы стали известны с 1848 года (Онежское озеро), несколько раньше появились сообщения о северо-норвежских наскальных изображениях. Писаницы Финляндии, увиденные впервые Я.Сибелиусом в начале XIX века, положили начало целому ряду новых открытий, продолжающихся вплоть до наших дней. Самыми поздними в череде знакомства с подобными памятниками стали Кольские петроглифы и писаницы (1973-1998).

Если подходить с количественной оценкой памятников наскального творчества, то богатство нашей территории составляет очень незначительный процент — 5 объектов. Даже прибегнув к вполне аргументированным заключениям о несравненной степени исследованности западных и восточных территорий Фенноскандии, с несомненным перевесом зарубежного “сектора”, остается непреложным тот факт, что среди всего обилия местонахождений наскального творчества практически всеми исследователями признается особая значимость и полнота 4 “собраний” — центров подобного рода деятельности (по сути “святилищ” первобытности): Немфорсен (Швеция), Альта (Норвегия),

Онега и Беломорье (Карелия). Как видим, половина из самых представительных памятников находится на нашей территории. Более того, недавно был открыт новый центр наскального творчества на Кольском п-ове (оз. Канозеро — среднее течение р. Умба), который по своим характеристикам занимает особое место в системе памятников первобытного искусства. Это положение определяется не количественной оценкой (здесь пока около 240 изображений), а тем, что изображения располагаются небольшими группами (всего — 9) на разных, строго локализованных по вертикали (от 0 до 7 м над уровнем воды) и горизонтали (3 острова и одна прибрежная скала) уровнях, длительным периодом функционирования в качестве особой сакральной территории (от каменного века до средневековья), а также тем, что на этом небольшом проточном озере — практически расширении реки Умбы, в 40 км от Белого моря, впервые одновременно фиксируются (причем по целому ряду параметров: техника, стиль, тематика) несколько традиций наскального творчества, присущих древнему населению таких отдаленных территорий как Северная и Южная Карелия (Залавруга, Бесов Нос), Северная Норвегия (Альта), Швеция (Немфорсен), центр Кольского п-ва (Поной).

Особое значение наскальных рисунков для понимания древней истории давно уже стало аксиомой для современных исследователей. Постепенно уходят в прошлое представления о том, что изображения, выбитые (нарисованные) на скалах, пережившие тысячелетия, останутся неуязвимыми и вечными. Уже не остается сомнения, что задача сохранения этой части культурного наследия наших далеких предков, во многом еще неразгаданного, таинственного, целиком ложится на нынешнее поколение. Это особенно актуально, так как последние 20-30 лет показали все более нарастающую опасность исчезновения данного вида древних памятников. Это касается не только нашей территории, но практически всех известных местонахождений Европы, даже таких, имеющих “счастлившую судьбу” быть под протекцией ЮНЕСКО, как петроглифы Альты в Северной Норвегии. Этот регион находится в лучшем положении, но и здесь в сравнительно “чистом” экологическом пространстве, столь рекламируемом как туристический рай, процент повреждений скальных поверхностей с изображениями достигает 80%.

Причин особого рода явлений много и они сложные. Среди основных выделяются повреждения вследствие естественных процессов разрушения (химическое, механическое, физическое воздействие, колеба-

ния температуры, разных видов растительности), практическое человеческое воздействие, результат изменения культурного ландшафта. Причем, разрушительные процессы имеют тенденцию к нарастанию, практически согласуясь с темпами усиления загрязнения окружающей среды. Прискорбно, но свой “вклад” внесли и специалисты-археологи и музейные работники. Так, оказались чрезвычайно вредными попытки “отмывания” разными препаратами скальных поверхностей при уничтожении лишайников для лучшего прочтения и обзора петроглифов. Негативное воздействие таких решений сказалось через много лет, поскольку появились иные, и нередко более “прогрессивные” виды растительности, нежели те, против которых боролись.

Петроглифы норвежской Альты, открытые одновременно (1973 г.) с Понойскими наскальными изображениями, сперва получили статус национального достояния, а с 1985 года включены в реестр ЮНЕСКО как один из 4-х норвежских памятников мирового значения. Не надо думать, что все было достигнуто легко и сразу. Были и первоначальное непонимание, даже отдельные акты вандализма (это, к сожалению, реальность сегодняшнего дня для российской территории). Но глубоко продуманная подготовка общественного мнения, создание охранных зон, приезд и выступление специалистов из разных стран, конкурсные проекты сделали свое дело. Проведение дорожек с деревянными настилами, смотровых площадок, постройка музея, возведение туристического комплекса, способного принимать за лето до 100 тысяч туристов, привлечение местного населения к строительству и в сферу услуг при минимальном количестве пришлого элемента, дотации правительства, пожертвования, вклады международных организаций, реклама природы и промыслов превратили в горячих сторонников всех сомневающихся и противников. Данные по норвежским памятникам особенно показательны, поскольку эта территория наиболее близка по своим природным условиям, да и территориально, нашей Мурманской области.

Дело охраны и использования археологических объектов Норвегии поставлено неплохо. Согласно закону, неприкосновенными считаются все памятники древнее 1536 года и остатки аборигенной саамской культуры старше 100 лет. Тем не менее проблемы остаются. И петроглифы здесь не исключение. Так, в 1996 году Главное управление охраны памятников истории начало разработку общенорвежского проекта сохранения наскальных изображений, так как они в первую очередь подвержены разрушительному воздействию окружающей среды.

Целью проекта является постоянный мониторинг и сохранение до 2005 года 300 из 1100 объектов наскального творчества. В первую очередь под сохранением понимается подробное документальное описание с помощью фото- видеотехники и зарисовок (снятие калек), выработка планов охраны, с применением методов консервации (возможно, с закрытием скальных поверхностей) каждого местонахождения.

Для осуществления проекта уже разработан общий стандарт документации, обеспечивающий единый подход ко всем памятникам наскального творчества. Он состоит из 11 модулей с общим количеством нескольких сотен регистрационных полей. Главные модули охватывают такие темы как: идентификация, локализация, историческое описание, иллюстративный материал, окружающая среда (рельеф, растительность, деятельность человека), геологические параметры (горная порода, структура и цвет, данные о скальной поверхности), регистрация состояния (геологические, биологические повреждения, ущерб, нанесенный человеком, прикрытие), прежние и вновь принятые меры, оценка состояния, тенденция изменения, решение о принятии актуальных мер. При всем этом практичные западные коллеги понимают, что все сохранить не удастся (отсюда и реальная оценка возможности спасти не менее 25%). Поэтому основная часть работы ложится на фиксацию и документацию, которая вводится в общенациональную компьютерную базу данных, создает банк знаний по всему спектру проблематики наскального творчества: технике консервации, разработке планов сохранения, просветительской работе, определению крайней нагрузки посещения туристами. И это все с привлечением усилий многих и разных специалистов.

А что же происходит у нас? Неоднократные и непоследовательные попытки принятия решений по сохранению и использованию наскальных изображений Карелии и Кольского полуострова не достигли даже минимальных результатов. Продолжаются, несмотря на попытки пресечения, неоднократные акты осмысленного и случайного вандализма. Наскальные рисунки Кольского полуострова (особенно на р. Умбе) расположены на туристических водных маршрутах. Туристы нередко оставляют "автографы". Последствия, как правило, трагичны. Это усугубляется процессами естественного разрушения. Практически все эти проблемы присущи и соседним западным территориям, но не в таких угрожающих масштабах.

Реальность такова, что имеет смысл повторить “норвежский путь”, но в наиболее сжатые сроки. Вероятно начать следует с предложений и рекомендаций местным органам охраны памятников и администрации, разъяснения значения подобных собраний, тщательной всеобъемлющей документации, создания охранных зон федерального значения, историко-природных заповедников, парков, запасников. Последнее предложение может быть наиболее рационально, поскольку позволит взаимовыгодно объединить усилия по охране природных (рыбных, охотничьих, лесных) ресурсов и послужить хорошей базой для дальнейших мониторинговых и протекционных решений. Усилия в данных направлениях необходимо проводить как можно быстрее, иначе создается реальная угроза исчезновения этих замечательных памятников, оставленных нашими далекими предками, и эту утрату вряд ли простят нам будущие поколения, не только нашей страны, но и всего мирового сообщества.

Мы довольно хорошо осведомлены о великолепных пещерных росписях охотников на мамонтов, наивно-прекрасном искусстве древней Греции, величественной Готике, Ренессансе, пышном Барокко, заботимся об их сбережении, но часто мало знакомы с творчеством людей нового каменного века (а наскальные изображения Севера относятся, в основном, к этому периоду древней истории). Ситуация объясняется многими причинами, среди которых — ограниченность изобразительных решений наскального искусства, сложность его понимания. Хотя следует сказать, что прекрасно выполненные пещерные “фрески” Альтамиры, Шове только на первый взгляд легко доступны нашему сознанию. Их красочность, экспрессия, натурализм обычно плотно закрывают перед современным человеком свой главный смысловой, во многом еще не разгаданный план, ради которого они собственно и создавались. Можно назвать также и вековое преклонение перед достижениями ярких южных древних цивилизаций, по сравнению с которыми творчество окраинных регионов кажется “бледным”, не достойным внимания. В этом есть доля истины, но более верным представляется взгляд, что наука и художественный мир еще недостаточно оценили действенное и действительное значение памятников монументального искусства данной эпохи. Они характеризуют крайне важный и значительный, не менее 10 тысяч лет период человеческой истории, отражают духовные искания сотен поколений наших предков. Без изучения наскальных изображений образуется лагуна, препятствующая пониманию развития последующего художественного творчества, мировоззренческих представлений, рвется связь времен.

*С.В.Гусев,
А.В.Чернышев*

Создание корпоративных информационных систем мониторинга археологического наследия (на примере Чукотки)

Индустрия информационных технологий на современном уровне развития общества стала одним из стратегических направлений. К сожалению, информация и инструменты управления информацией (программные продукты различного функционального назначения) в сфере управления культурным наследием в России до настоящего дня не приобрели статус информационных ресурсов. Реальная практика управления культурными ресурсами в СССР так и не создала целостной системы управленческих стандартов. Практика управления по большей мере была ориентирована на неписанные традиции.

Сейчас как о главном негативном факторе в сфере сохранения культурного наследия говорят об отсутствии адекватного сегодняшнему дню законодательства в сфере охраны памятников истории и культуры. В то же время стандарты являются таким же важным управленческим и экономическим институтом, как и законодательство. Стандарты в сфере управления культурным наследием образуют ядро профессиональной культуры для специалистов всех уровней: федерального, субъектов Федерации, муниципального. Без стандартов в управлении культурным наследием не может быть эффективной деятельности в рамках России и даже на уровне субъекта Федерации. Отраслевой корпоративный стандарт в управлении культурным наследием станет таковым только тогда, когда он превратится в элемент корпоративной стратегии развития и станет общим инструментом менеджмента. В основе корпоративного стандарта лежит типовое представление информации с целью ее однозначной интерпретации и возможности дальнейшей обработки.

Корпоративная информационная система в сфере охраны и использования памятников истории и культуры является сложной системой, ориентированной на цели сохранения культурного наследия. В ее основе должен лежать принцип централизованных комму-

никаций и координации. В современных условиях неизбежным становится переход от управления к координации в сфере управления культурным наследием. Важнейшими признаками корпоративных информационных систем для федерального масштаба являются:

- территориальная распределенность;
- длительный жизненный цикл;
- масштабность и сложность решаемых задач;
- пересечение множества различных предметных областей;
- ориентация на аналитическую обработку данных;
- миграция унаследованных систем;
- разнообразие используемого аппаратного обеспечения (жизненный цикл которого меньше, чем у создаваемой системы).

В настоящее время наблюдается усилившийся интерес широких слоев населения России к культурному наследию, и в том числе к древнейшему его пласту — археологическому наследию. Этот интерес в значительной мере могли бы удовлетворить электронные средства информации — Интернет и др. В то же время в широкой сети Интернет появляются плохо подготовленные и мало профессиональные сведения об археологическом наследии России, не имеющие по сути ничего общего с геоинформационными системами.

Сегодня начинается реальный процесс создания Земельного Кадастра России. В связи с этим встает вопрос о разработке формата геоинформационного описания археологического наследия для создания базы данных. Необходима выработка новых подходов, методических принципов, которые позволят выйти на качественно более высокий уровень создания баз данных археологического наследия.

Таким образом, наиболее актуальной задачей является разработка научно обоснованного формата геоинформационного описания для памятников археологии. Создание такого формата позволит создать геоинформационную базу данных памятников археологии и ввести в широкий оборот древнейший пласт культурного наследия народов России, сделав его доступным не только ученым, но и широкой общественности.

Решение этой задачи является первым этапом в создании комплексной геоинформационной археологической системы, предназначенной для всестороннего анализа данных по памятникам археологического наследия России и принятия оперативных решений для их сохранения.

610. Создание комплексной геоинформационной археологической системы включает:

— создание тезауруса терминов и понятий для новой сферы в археологии: геоинформационное представление данных по памятникам исторического наследия. В основу тезауруса предполагается положить принцип синтезированных терминов и понятий, полученных в результате анализа сложившихся систем терминологии в сферах геоинформатики и археологии;

— разработку структуры идентификаторов и классификаторов, а на их основе структуры электронной базы данных. Реализация этапа предполагает создание совокупности таблиц данных на основании 64 признаков (полное описание) и этикетки базы данных на основании 12 основных признаков. Информацию о памятниках предполагается разбить на 6 блоков, внутри которых информация конретизируется:

1. Общие данные о памятнике и его культурная характеристика;
2. Местоположение памятника;
3. Учет и охрана;
4. Техническое состояние поверхности памятника;
5. Техническое состояние культурного слоя памятника;
6. Архив;

Для заполнения базы данных разрабатываются классификаторы; разработку структуры картографической базы данных, предполагающей создание номенклатуры картографических материалов, которые по своим свойствам (масштаб, математическая основа и т.д.) удовлетворяют решению задачи по созданию электронных карт для памятников археологического наследия. Обоснование методики и выбор технологий для цифрования и хранения картографических основ.

Информацию о картографических источниках предполагается систематизировать по следующим информационным слоям и признакам:

- Рельеф;
- Гидрография;
- Растительность;
- Населенные пункты;
- Дорожная сеть;
- Административные границы;
- Масштаб;
- Хронология;

— Разработка структуры геоинформационной археологической системы на основе археологической и картографической баз данных.

На сегодня актуально наладить оперативный обмен информацией о состоянии памятников археологии в регионах России. В ходе реализации проекта решается задача по апробации классификаторов для описания памятников археологии.

Мониторинг археологического наследия народов Чукотки. В 1997, 1998 и 1999 гг. Берингийская археологическая экспедиция Института Наследия совместно с Управлением культуры администрации Чукотского АО провела обследование памятников археологии в Провиденском районе Чукотского АО. Необходимость мониторинга археологических памятников Чукотки вызвана увеличившейся в последнее время угрозой их разрушения. Основными разрушающими факторами являются целенаправленные грабительские “раскопки”. Хозяйственная деятельность — другой антропогенный фактор. Из естественных разрушающих факторов особо опасны активное разрушение морских берегов, оползни и солифлюкция. Скорость разрушения памятников археологии в настоящее время такова, что ежегодно разрушается от 10 до 20% территории памятников. Особенно активно разрушаются приморские древнеэскимосские памятники. Так, к настоящему времени уничтожено 80% всемирно известного древнего поселения Сиреники, единственного места на Земле, где азиатские эскимосы проживают автохтонно на протяжении 1,5 тыс. лет.

Из-за недостаточного обследования состояния археологического наследия Чукотки осталось много неучтенных памятников. Упоминание различных археологических памятников в научных публикациях и даже их описание зачастую не содержит информацию об их состоянии и причинах разрушения. Слабая материально-техническая база для обработки и хранения коллекций, а также недостаточное число археологов, занимающихся охранными раскопками, приводят к сокращению числа археологических памятников, значительная часть которых уже безвозвратно утеряна. Мониторинг, учет новых и уже известных археологических памятников — первый этап создания системы государственного контроля за использованием и состоянием археологического наследия Чукотки.

Археологические памятники являются не только физическими объектами, но и хранилищами информации о материальной и духовной культуре народов Чукотки. Поэтому сохранение археологи-

ческого наследия должно стать неотъемлемой частью всех мероприятий, проводимых для сохранения культурного наследия народов Чукотки. В настоящее время, когда мировое сообщество объявило Десятилетие коренных народов, сохранение археологического наследия коренных малочисленных народов Чукотки является важной государственной задачей, и принятие своевременных и эффективных мер становится делом престижа для Правительства и всех ветвей власти Российской Федерации.

В результате обследования всемирно известных памятников морских охотников-зверобоев поселений “Сиреники” и “Кивак” (сер. I тыс. н.э. - сер. II тыс. н.э.) выявлены следы грабительских “раскопок”, осуществлявшихся в 1997 г.

Вместе с грабительскими “раскопками” мощным разрушающим фактором для приморских памятников Чукотки являются береговые эрозийные процессы. Так, с 1993 г. на Киваке (Провиденский район) в результате грабительских “раскопок” и береговых процессов уничтожен культурный слой протяженностью 250 м вдоль береговой линии, шириной 5-7 м и мощностью до 2 м. На поселении Сиреники (Провиденский район) с 1995 г. уничтожен культурный слой протяженностью 150 м вдоль береговой линии шириной 3-5 м и мощностью до 2,5 м. На поселениях Аван (Провиденский район), Уэлен и Яндогай (Чукотский район) жители соответственно поселков Провидения, Уэлен и Лаврентия разрушают культурный слой, забирая обильно гумусированные почвы для создания теплиц. Здесь же выбирают и археологические находки. Учитывая топографию и характер памятников, в результате грабительских “раскопок” и береговых процессов в течение ближайших пяти лет будет уничтожено более 80% всех древнеэскимосских памятников на Чукотке. Указанные факты способствуют становлению устойчивого отношения местного населения к древнеэскимосским памятникам как к не охраняемым государством объектам. Активная совместная работа Берингийской археологической экспедиции и Управления культуры Администрации Чукотского АО в последние годы позволила выявить устойчивую тенденцию по утере государственных функций по охране памятников археологии в Чукотском и Провиденском районах. Важнейшим фактором для охраны и управления археологическим наследием народов Чукотки является ежегодная работа археологической экспедиции.

Объективно, за период работы Берингийской археологической экспедиции (БАЭ) с 1990 г. местное население воспринимает квали-

фицированное археологическое обследование как реальный государственный контроль за археологическим наследием. Активная работа сотрудников БАЭ с местными органами власти в пос.Провиденция и выступления в средствах массовой информации позволили прекратить антропогенное уничтожение культурного слоя на поселении Аван.

В результате совместной работы БАЭ Института Наследия и Управления культуры Администрации Чукотского АО в Провиденском и Чукотском районах с учетом специфики особо отдаленной территории РФ конкретными шагами по восстановлению государственных функций по управлению и охране археологического наследия являются:

- проведение ежегодных совместных экспедиций Института Наследия и Управления культуры Администрации Чукотского АО и планомерные раскопки разрушающихся памятников археологии;
- выделение памятников археологии как заповедных мест на территориях, где ведется активная хозяйственная деятельность;
- активное участие местного населения в работе экспедиции и разъяснение целей проводимых охранных мероприятий в рамках задачи по сохранению археологического наследия как части национального достояния народов РФ.

В перспективе — разработка совместно с администрацией природно-этнического парка “Берингия” режима использования заповедных мест.

Среди мероприятий по сохранению наследия народов Чукотки и с учетом специфики особо отдаленных северо-восточных районов РФ оптимальным является присутствие инспекторов по охране памятников истории и культуры в современных поселках Провиденция, Сиреники, Нуллигран, Янракиннот (Провиденский район), Лаврентия, Лорино, Уэлен, Инчоун (Чукотский район), Певек (Шмидтовский район). В условиях массовой безработицы в поселках создание новых рабочих мест будет иметь важный социальный эффект. Кандидатуры на должность инспекторов по охране памятников могут быть отобраны в ходе работ Берингской археологической экспедиции из числа местных жителей. Негативный опыт США по управлению археологического наследия эскимосов Аляски показывает, что в условиях демократического общества и свободных рыночных отношений археологическое наследие эффективно охраняется только на государственных землях и только государственными органами по охране наследия.

Программа работ:

- картирование выявленных памятников археологии;
- натурное обследование характерных памятников археологии;
- разработка программы мониторинга памятников археологии Чукотки, выработка предложений для создания нормативно-правовой базы по защите памятников археологии от незаконных раскопок;
- создание региональной модели контроля за состоянием и использованием памятников археологии;
- разработка электронной версии контроля в системе ArcView;
- выработка рекомендаций по выделению археологических комплексов на территориях, где ведется активная хозяйственная деятельность, их зонированию и режиму использования;
- выработка рекомендаций по нормативно-правовому регулированию использования памятников археологии с учетом местной специфики;
- разработка плана охранных (неотложных) археологических раскопок в зонах разрушения.

На сегодняшний день создана электронная карта в ГИС-программе ArcView с базой данных для Чукотского и Провиденского районов Чукотского АО (Рис. 1). Программы работают в оболочке Windows и могут быть в дальнейшем совмещены с системами управляемых баз данных на основе Oracle.

С появлением новых технических возможностей — активным использованием компьютеров в научном процессе — картографирование приобрело качественно другой уровень. Перевод картографической информации в цифровую форму и получение так называемых электронных карт позволило на их базе интегрировать различные уровни информации о пространственно-распределенных данных в виде географических информационных систем (ГИС). Географические информационные системы стали активно использоваться для решения разнообразных исследовательских задач в археологии. Особенно многочисленны работы зарубежных авторов. Появилось даже целое направление “ГИС-археология” (GIS-archaeology), по которому проводятся конференции и выпускаются сборники. Последнее время в России тоже стало бурно развиваться это направление.

Степень сложности ГИС обуславливается ее ориентированием на решение тех или иных научно-прикладных задач. Простейшая информационно-справочная система может быть организована в виде

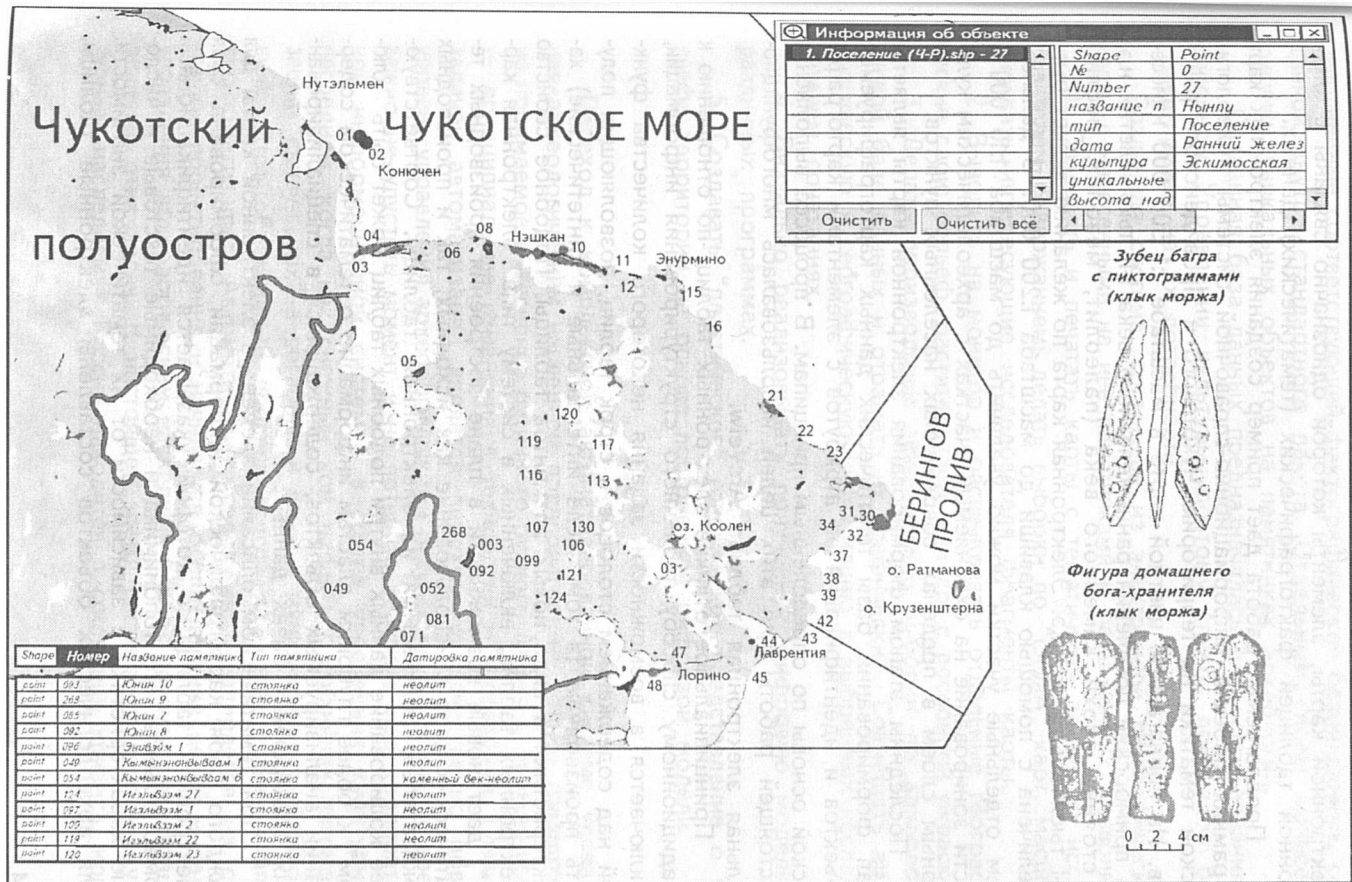

Рис. 1. Карта археологических памятников Чукотского и Провиденского районов Чукотского АО, распечатанная с электронного носителя в масштабе 1:1500000

электронной карты, элементы которой однозначно связаны с электронной таблицей фактографических (тематических) данных.

Предлагаемая работа дает пример создания электронных карт в рамках проекта информационно-справочной системы археологической тематики на территорию Чукотского и Провиденского районов. На прилагаемой цветной карте в масштабе 1:1 500 000 нанесены приморские поселения раннежелезного века I-II тысячелетий н.э. и стоянки эпохи каменного века (палеолит, мезолит, неолит) XI-I тысячелетий до н.э. Электронная карта по желанию может быть увеличена с помощью клавиши до масштаба 1:200 000. В дальнейшем отдельные участки можно увеличить до масштаба 1:10 000 и вести зонирование на охраняемых участках с археологическим культурным слоем в пределах современных населенных пунктов.

Последним этапом формирования электронной карты является этап формирования базы тематических данных картографируемых объектов и идентификация ее атрибутов с элементами картографической основы по определенным принципам. В процессе выполнения настоящей работы для этих целей использовалась многофункциональная электронная таблица ArcVeiw.

Принципиальное отличие электронных таблиц, по отношению к традиционному способу табличного структурирования информации, заключается в возможности задания некоторого количества функций над содержанием столбцов и строк таблиц, позволяющих получать производные (в том числе интегральные и синтетические) характеристики в виде новых элементов таблицы. Подобное свойство электронных таблиц, включенных в систему типа "электронная карта", дает новые возможности в плане построения производных тематических карт с использованием как исходных, так и производных показателей, получаемых из электронной таблицы. Соответствующее кодирование данных внутри подобных таблиц может быть "ключом" к более глубоким пластам информации о тематическом содержании анализируемых объектов, содержащихся в специализированных электронных базах данных.

При тематическом описании элементов электронной карты для каждого слоя картографической информации сформирована своя электронная таблица, в которой указывается идентификационный номер объекта, его топонимика и необходимые текстовые и числовые характеристики в зависимости от их тематической значимости. Для археологических объектов составлены электронные таблицы,

заполненные соответствующей фактографической базой данных, созданной внутри стандартного пакета. Отдельным слоем вынесены рисунки уникальных объектов на памятниках археологии.

Созданная база данных предназначалась для использования в районном Управлении культуры, поэтому список признаков был ориентирован на их потребности.

Созданная система, состоящая из электронной географической карты с нанесенными на нее памятниками и базы данных, позволяет:

1. Создавать и печатать карты с тематически заданным исследователем содержанием: делать выборки по “слоям” карт, масштабировать интересующие исследователя фрагменты карты.

2. Выводить на монитор и распечатывать отдельные географические слои: рельеф, растительность или др. с послойной окраской.

3. Делать произвольные тематические выборки по археологической базе данных и отражать их графически. Совмещать археологическую и географическую информацию в выбранных исследователем сочетаниях.

4. Визуально реализовывать полученную цифровую модель в различных программах.

5. Создавать “пластическое” графическое представление о рельефе территории на основе построенной цифровой модели.

Переход к комплексной автоматизированной системе управления археологическим наследием предполагает не только традиционно понимаемое вытеснение рутинного ручного труда, а, прежде всего — принципиальные изменения в технологии и управлении. Главной задачей автоматизации является переход на качественно новый уровень управления археологическими ресурсами. В настоящее время важно не упустить момент и не потерять контроль над корпоративной информационной системой в сфере управления культурным наследием, когда как снежный ком нарастает стихийная автоматизация “снизу-вверх” в регионах и даже в муниципальных образованиях. Этот объективный процесс всегда является первым этапом информатизации. Автоматизация “сверху-вниз” опирается на системное проектирование и начинается с определения целей и задач управления археологическим наследием и идет по пути детализации решений этих задач. В настоящее время система управления культурным наследием в России находится в состоянии кризиса, когда

цели управления потеряны. Участники процесса управления культурным наследием России на различных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном, особо охраняемой территории) и в соответствии с мировоззренческими установками ответственных чиновников и притершихся к этому процессу т.н. “видных деятелей культуры”, образуют различные группы, преследующие противоречивые цели. В связи с этим, по нашему мнению, создание корпоративной информационной системы по управлению культурным наследием будет продвигаться методом проб и ошибок.

Литература

Ананьин В.И. Корпоративные стандарты — точка опоры автоматизации // СУБД. № 5-6. М. 1997. С.4-14.

Азтырченко К.В., Леонтьев В.В. Распределенные объектные технологии в информационных системах // СУБД. № 5-6. М. 1997. С.52-64.

Ладыженский Г.М. Архитектура корпоративных информационных систем // СУБД. № 5-6. М. 1997. С.17-24.

Чернышев А.В. Оперативное электронное картографирование для целей мониторинга памятников археологического наследия. // Мониторинг археологического наследия. Научно-практический семинар. 30 марта - 1 апреля 1998 г. Тезисы докладов. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия. 1998. С.11-12.

www.geogr.msu.ru./archeoprotection

О.В.Бочкарева **Археологический фактор
в музеефикации
Соловецких островов**

Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник расположен на островах Соловецкого архипелага в Белом море и охватывает территорию более 300 кв.км. Природно-климатические условия этого региона, его удаленность от административных центров, труднодоступность на протяжении девяти месяцев в году ограничивают использование богатейшего историко-культурного потенциала для широкого круга исследователей и туристов.

Архитектурные памятники Средневековья в единстве с природой Соловецких островов, представленные в комплексах монастырских поселений, постройках и сооружениях советского периода не раскрывают в полной мере историю освоения островов и не создают законченной картины взаимосвязей Соловецкого архипелага с Беломорьем и Русским Севером. Именно объемы и масштабы археологического наследия на архипелаге воссоздают полностью историю освоения человеком этих северных территорий. Хронологический диапазон археологических объектов охватывает период: II-I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.; Средневековье.

Археологическое наследие представлено в большом скоплении каменных груд, разнообразных по своей тематике, конфигурации и размерам лабиринтов, каменных выкладок, святилищ, могильников и др. В основном археологические памятники сконцентрированы на острове Большой Соловецкий (западная часть), острове Большой Заяцкий, острове Анзер. Наряду с тем, что в этих местах локально сконцентрированы большие группы археологических объектов, выявлены также и единичные памятники, разбросанные по всей территории архипелага. Характерно и расположение этих скоплений археологического материала — открытые, близкие к морю террасы, склоны возвышенностей, но обнаружены и объекты, значительно удаленные от береговой линии, в труднодоступных лесных массивах.

Значительная часть объектов была зафиксирована в 1926-1927 гг. археологом Н.Н.Виноградовым, находившимся в заключении на Соловках. В 70-е годы архангельский археолог А.А.Куратов провел ряд исследовательских экспедиций на островах. В широком масштабе археологические исследования стали проводиться с 80-х годов под руководством археолога Соловецкого музея А.Я.Мартынова. Значительная часть памятников выявлена, описана, поставлена на учет, собран уникальный подъемный материал, часть памятников археологии включена в экскурсионно-туристические маршруты, но музеефикация археологического наследия на Соловецких островах не разрабатывалась. Отдельные предложения и проекты, охватывающие те или иные группы объектов археологии, не способны решить всех задач в рамках единой программы музеефикации археологического наследия Соловков.

Здесь необходимо отметить и отношение самого музея к этим проблемам. До настоящего времени превалировало в создании программ, их обеспечении и выполнении отводилось памятникам монастырской культуры, при этом учитывались только памятники государственной категории значимости. В музее отсутствуют разработки на комплексные археологические исследования по всей территории заповедника, а таким образом и не разрабатывается единый проект музеефикации всего археологического наследия Соловков. Это в свою очередь создает проблемы всестороннего изучения и сохранения памятников археологии, а также тормозит организацию масштабной экскурсионно-туристической деятельности на объектах.

Отсутствие законодательной и нормативно-правовой базы музея-заповедника в отношении объектов археологии (охрана, исследования, воссоздание, консервация, частичное использование на экскурсионных маршрутах, условия содержания и режим посещения объектов и др.) создает предпосылки для увеличения внимания к данным проблемам. Затягивание с решением данных вопросов может создать угрозу частичной утраты конкретных памятников и целых комплексов археологии на территории заповедника. Сохранение и использование археологического наследия Соловков — одна из насущных задач музея на современном этапе. Наличие малоизученных и неисследованных археологических объектов, угроза частичных утрат объектов, отсутствие археологического мониторинга, возросший в последнее время интерес к памятникам археологии — все это должно стать стимулом для широкомасштабных и комплексных

исследований археологического наследия на Соловецких островах в комплексе со всем северным регионом Беломорья.

Для успешного решения всех намеченных задач необходима заинтересованность, в первую очередь, самого музея-заповедника, где ведущая роль отдается комплексному подходу к изучению, сохранению, использованию археологического наследия островов. Соответствующая этим задачам материально-техническая база музея, заинтересованность в решении этих проблем на местах, понимание единства природной среды и археологических объектов — возможность создания динамичной действующей структуры по сохранению и использованию археологического наследия Соловков. В своей деятельности данная структура должна иметь широкую связь с музеями и археологическими территориями РФ и зарубежья в системе разработок, исследований, оценок и осмысления историко-культурного наследия в археологии.

Литература

1. Куратов А.А., Мартынов А.Я. Исследования в Архангельской области // Археологические открытия 1975. М. 1976.
2. Куратов А.А. Соловецкие стоянки II-I тысячелетий до н.э. // Советская археология. 1983, № 4.
3. Мартынов А.Я. Святылища Соловецких островов в знаковой системе древней культуры Беломорья // Семиотика культуры. Архангельск, 1988.

Нижнее Поволжье было центром Золотой Орды. Здесь располагались многолюдные города, которые после распада государства очень быстро превратились в развалины. Это прежде всего столицы — Сарай и Сарай ал-Джедид (Новый Сарай), которым соответствуют Селитренное и Царевское городища. Другому крупному эмирскому городу Хаджи-Тархану (позже — столице Астраханского ханства) соответствует городище Шареный (Жареный) Бугор, расположенное в черте современной Астрахани, на правом берегу Волги. Более мелкие города и поселки превратились в городища Увек (на окраине Саратова), Водянское, Винновское, Мечетное, расположенные на территории Волгограда и к северу от него. На правом берегу Волги, напротив села Селитренного находятся поселения Косика и Черная Гряда. Вокруг Царевского городища располагается целая серия связанных с ним золотоордынских поселений: Погромновское, Ахтубинское, Безродное, Заплавное, Колобовка (Колобовщина). Это далеко не полный список, а лишь те, которые упоминаются в тексте (Рис 1).

Сообщения о развалинах этих городищ, сделанные в разное время, конечно же нельзя назвать мониторингом в современном смысле. Регулярные наблюдения, контроль и фиксация состояния памятников за последние три века не велись. Даже в настоящее время их невозможно делать с той же частотой и точностью, как, например, это практикуется в метеорологии. Однако принципиальное качественное отличие не так уж велико. Ученые и путешественники с разной регулярностью и точностью пытались определять размеры городищ, характеризовать их общее состояние, описывать отдельные видимые объекты, учитывать факторы риска их разрушения. С одной стороны, рассмотрение данных за длительное время представляет интерес в чисто археологическом смысле — для решения проблемы локализации городов известных по письменным

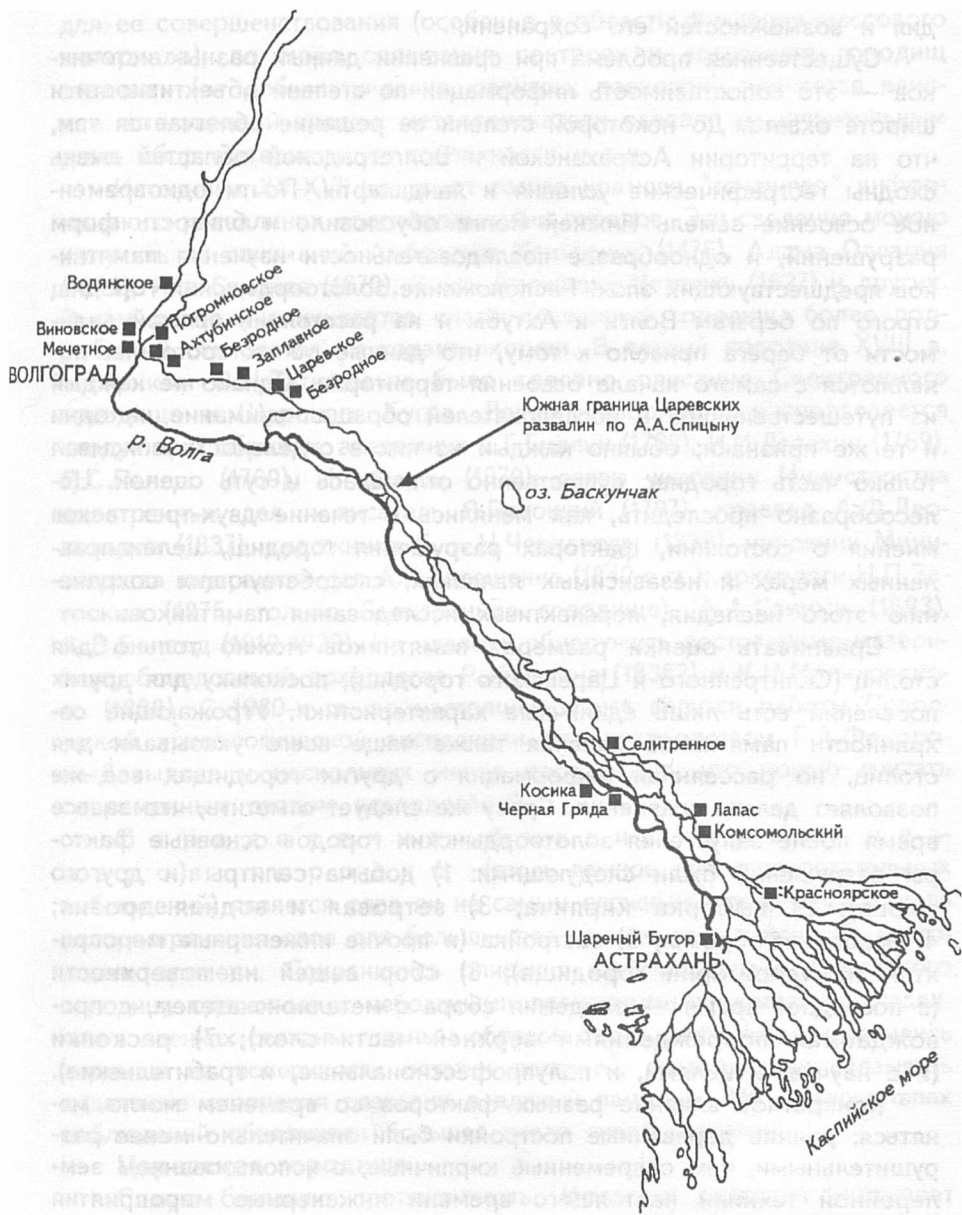

Рис. 1. Золотоордынские городища Нижней Волги

источникам, с другой — как опыт оценок археологического наследия и возможностей его сохранения.

Существенная проблема при сравнении данных разных источников — это сопоставимость информации по степени объективности и широте охвата. До некоторой степени ее решение облегчается тем, что на территории Астраханской и Волгоградской областей очень сходны географические условия и ландшафты. Почти одновременное освоение земель Нижней Волги обусловило и близость форм разрушений, и однообразие последовательности изучения памятников предшествующих эпох. Расположение золотоордынских городищ строго по берегам Волги и Ахтубы и на расстоянии прямой видимости от берега привело к тому, что данные об их состоянии появляются с самого начала освоения территории. Однако не каждый из путешественников и исследователей обращал внимание на одни и те же признаки; обычно каждый из них в отдельности описывал только часть городищ, существенно отличалась и суть оценок. Целесообразно проследить, как менялись в течение двух-трех веков мнения о состоянии, факторах разрушения городищ, целенаправленных мерах и независимых явлениях, способствующих сохранению этого наследия, перспективах исследования памятников.

Сравнивать оценки размеров памятников можно только для столиц (Селитренного и Царевского городищ), поскольку для других поселений есть лишь единичные характеристики. Угрожающие сохранности памятников явления также чаще всего указывали для столиц, но рассеянная информация о других городищах все же позволяет делать сравнения. Сразу же следует отметить, что за все время после запустения золотоордынских городов основные факторы разрушений были следующими: 1) добыча селитры (и другого сырья); 2) выборка кирпича; 3) ветровая и водная эрозия; 4) береговая абразия; 5) застройка (и прочие инженерные мероприятия на территории городища); 6) сбор вещей на поверхности (в последнее время — эпидемия сбора с металлоискателем, сопровождаемая повреждениями верхней части слоя); 7) раскопки (и с научными целями, и полупрофессиональные, и грабительские).

Конкретное влияние разных факторов со временем могло меняться: ранние деревянные постройки были значительно менее разрушительными, чем современные кирпичные; с использованием землеройной техники настоящего времени инженерные мероприятия приводят к полному уничтожению больших площадей памятника;

постоянно улучшалась методика раскопок, хотя еще есть резервы для ее совершенствования (особенно в области фиксации массового материала); по мере оплывания построек и засыпания городищ отвалами (от добычи кирпича, селитры; раскопок) снижается влияние естественной эрозии; металлоискатели сделали разрушительным даже сбор материала на поверхности и т.д.

Источники XV-XVII вв. дают самую краткую “точечную” информацию о развалинах золотоордынских городов. Эти сведения можно получить из сочинений Амброджо Контарини (1476), Адама Олеария (1636), Яна Стрейса (1670), Книги Большому Чертежу (1627) и других. Затем резко увеличивается число посещений городищ, более подробными становятся их характеристики. В первой половине XVIII в. историком В.Н.Татищевым было сделано описание Селитренного городища и Шареного Бугра. Далее информация распределяется следующим образом: академики С.Г.Гмелин (1768), И.И.Лепехин (1769), П.С.Паллас (1769), И.П.Фальк (1870); затем чиновник Министерства иностранных дел и писатель Я.Потоцкий (1797), краевед А.Ф.Леопольдов (1837), художники Г. и Н.Чернецовы (1838), чиновник Министерства внутренних дел А.В.Терещенко (1840-е гг.); археологи Н.П.Загоскин (1875, только Селитренное городище), А.А.Спицын (1893), Ф.В.Баллод (1919-1922). Не удалось обнаружить достоверные материалы обследований археологов Рыбушкина (1836?) и К.Н.Малиновского (1888). С 1960-х гг. по настоящее время ведутся работы Поволжской археологической экспедиции под руководством Г.А.Федорова-Давыдова и нескольких менее масштабных, что можно считать современным этапом исследований.

О п р е д е л е н и е ф и к с и р у е м ы х р а з м е р о в г о р о д и щ (столь важное для последовательных наблюдений) является едва ли не самым сложным, поскольку площадь распространения слоя для большинства из них не выяснена до настоящего времени. Сохранились описания Селитренного и Царевского городищ, сделанные с небольшими временными интервалами. Различия в оценках связаны главным образом с тем, насколько сохранились видимые на поверхности остатки построек, позволяющие связывать отдельные скопления развалин в единый памятник. На ранних этапах наблюдений объединяли большее число гнезд развалин.

Царевское городище

Самую большую протяженность Царевских развалин указывает Книга Большому чертежу (1627): “А на луговой стороне ниже Цари-

цына города из Волги потекла река Ахтуба (Зри о Золотой Орде, а по реке по Ахтубе на 90 верст от Царицына, Золотая Орда, мечети стоят татарские каменные многие" (Книга..., 1950, с.143). В 1768 г. академик Самуил Готлиб Гмелин отметил, что "сии остатки в длину по кряжу степному простираются на 38 верст, а в ширину только на одну" (Гмелин, 1936, с.267-268). Годом позже академик Иван Иванович Лепехин определял только северную границу Царевского городища (до южной он не доехал) приблизительно в 7 верстах от истока Ахтубы и 30 верстах от Царевых Пад (г.Царева) (Лепехин, 1936, с.236-237). Между двумя указанными расстояниями есть противоречие, т.к. от точки, расположенной в 7 верстах от истока Ахтубы, до Царева значительно дальше — приблизительно 42 км (около 40 верст). Большое доверие вызывает указанное расстояние от истока Ахтубы, поскольку до Царевых Пад (самого центра развалин) путешественник не доехал. Таким образом, общая протяженность северной половины городища должна была составлять не менее 40 км.

Приблизительно в то же время (1770) были сделаны записи академика Иоанна Петра Фалька: "На левом берегу Ахтубы, при деревне Безбородной, у двух ахтубинских речек, которые калмыки называют Мухар Хасун Сала и Ике Хасун Сала (совр. Кальгута и Царевочка — И.В.) находится Царевопадь, по-русски Царев луг, по-калмыцки Джан Вохани Балхазун (Хана Воханиса старый город, татарски Кара Кошар) — развалины большого города... Место, где находятся сии развалины, простирается на 9 верст в длину и на 5 верст в ширину. Оне состоят в кучах щебня и фундаментах от стен из больших и твердых кирпичей; на поверхности же, сколько люди помнят, не было ничего" (Фальк, 1824, с.126). Как видим, здесь длина городища названа значительно меньше, чем у предшественников, а ширина — значительно больше. Объясняется это тем, что И.П.Фальк осмотрел только самый центр развалин, но углубился в степь дальше других.

По мнению А.Ф.Леопольдова, длина развалин по течению реки равнялась приблизительно 70 верстам при разной плотности построек: "Начинаясь подле Безродного или Верхне-Ахтубинского тянутся развалины верст на 70 по самому гребню сырта до с.Пришиба, мимо сел Средне-Ахтубинского и Заплавного. Развалины сии то часты, то редки, то велики и обширны, то малы и незначительны, однако везде выказывают кирпич, глину, известь. Далее от села Пришиба, до деревни Колобовщины, на 15 верстах видны развалины

почти сплошные и большую частью огромные. Это остатки бывшего города Сарая" (Леопольдов, 1839, с.97). Этот краевед также описал особенно крупные скопления на общем пространстве развалин, которые сейчас считаются отдельными городищами.

Художники братья Г. и Н.Чернецовы, посетившие городище в 1838 г., определяют окружность развалин приблизительно в 40 верст, причем остатки огромного здания в Колобовщине они считали отдельным от городища памятником (Чернецовы, 1970, с.137). А.В.Терещенко и за ним В.В.Григорьев определяли размеры городища (кроме явно эмоциональных оценок) более осторожно: от с.Пришиба до с.Колобовщины, что составляет около 20 верст, а наиболее насыщенная часть — длиной около 11 верст. Центром развалин с максимальной плотностью построек они считали внутреннюю часть этого пространства на 4 версты к западу от Царева (Григорьев, 1998, с.4).

Сотрудник Археологической комиссии А.А.Спицын, будучи общепризнанно осторожным исследователем, вновь обратил внимание на рассеянные остатки построек, в его время фиксировавшиеся на поверхности, их он также связывал с периферией Царевского городища: "От с.Колобова далее идет возвышенный ровный берег, уже не сопровождаемый "грядой". Здесь в разных местах разбросаны "аулами" небольшие возвышения с остатками кирпичных построек, но такие аулы можно проследить только за 8 верст не доезжая до с.Владимировки" (Спицын, 1895, с.90). Село Владимировка соответствует современному городу Ахтубинску, расположенному приблизительно в 70 км к юго-востоку от Колобовки. Таким образом, южную границу городища А.А.Спицын расширял приблизительно на 61,5 км по сравнению с оценками предшественников. Следовательно, определения протяженности городища в северной части И.Лепехиным и А.Ф.Леопольдовым (от Царева до с.Безродного или самого истока Ахтубы) не являются сильно преувеличенными. Эти определения были сделаны исключительно благодаря лучшей сохранности развалин в первой половине XIX в., хотя плотность развалин (и распространения культурного слоя), естественно, резко уменьшалась по мере удаления от центра городища.

Начиная со времени исследований Ф.В.Баллода, описания остатков городища (за исключением передачи старых цитат из А.Ф. Леопольдова) касаются значительно меньшей территории — около 12 км в длину, с площадью внутри вала около 2 кв. км (Баллод, 1998а, с.19).

В пределах полосы побережья, которую в XIX в. относили к Царевскому городищу, Ф.В.Баллод выделил несколько самостоятельных поселений: Погромновское, Ахтубинское, Безродное, Заплавное (Баллод, 1923, с.16, Рис 1). Примечательно, что общую протяженность полосы отдельных поселений это даже увеличивает, так как Погромновское городище в XIX в. не считали частью Нового Сарая. В настоящее время определения Ф.В.Баллода относительно числа и размеров отдельных поселений в пределах “Царевских развалин” являются признанными (Егоров, 1985, с.111-113). Даже поселение в с.Колбовке, которое А.В.Терещенко и А.А.Спицын считали частью золотоордынской столицы, теперь выделяют в самостоятельный памятник (Блохин, 1999, с.171-174), причем автор, определявший его размеры в 1998 г., не заметил ни центрального холма поселения, ни участков с горнами и слоем на берегу р.Царевочки, которые были без труда зафиксированы А.А.Спицыным (Спицын, 1895, с.90-91). Таким образом, оказывается, что в 20-е гг. текущего столетия произошел качественный перелом в оценке протяженности Царевского городища в сторону уменьшения. Это было связано с постепенным разрушением мелких построек в пригородных садовых районах золотоордынской столицы.

Селитренное городище.

Сведений о размерах Селитренного городища меньше из-за того, что оно отдалено от крупных населенных пунктов и здесь реже бывали знатоки древностей. Эта отдаленность сказалась и в последнее время: на Селитренном городище грабеж с применением металлоискателей начался на 2-3 года позже, чем на Царевском.

Книга Большому Чертежу дает, к сожалению, очень неопределенную информацию (для Селитренного здесь использовано старое название — Джигит): “От моря же возле пески 5 мечетей татарских, Бешкиз; от песков 30 верст бугры, а в них 2 колодезя, а от тех бугров 60 верст к Астрахани другие бугры, Чогат; а от Бешкыз мечети 50 верст гора” (Книга..., 1950, с.145). Самую большую его протяженность в первой половине XVIII в. указал В.Н.Татищев: “развалины строения каменного непрерывно верст на 70” (Татищев, 1962, с.270), по другим его же оценкам — 60 верст или несколько меньше (Егоров, Юхт, 1960, с.233-235). В настоящее время трудно даже предполагать, какие именно развалины позволили сделать настолько преувеличенную характеристику.

Академик И.П.Фальк привел значительно более скромную протяженность: “Остатки города состоят ныне в каменном здании,

почитаемом за мечеть. Сие большое строение длиною в 14, шириною в 8, а стены толщиною в 2 сажени. Кирпичи у него большие, квадратные, снаружи разными красками вымуравленные; и таким образом представляющие в стенах разные изображения. Подле храма находится обвалившийся подземный свод с длинным ходом. Прочие развалины простираются в окружности на 10 верст и, лежащие на высотах, состоят в насыпных холмах, имеющих местами стены" (Фальк, 1824, с.139-140).

В 1769 г. академик П.С.Паллас дал похожую характеристику: "Старинный Селитренный городок стоит на середине цепи холмов, на десять верст простирающейся, на коем вдоль по Ахтубе в ширину на версту или на две ничего не видно, кроме щебня и следов от зданий или кирпичом выкладенных рвов бывшего здесь доселе ногайского города. Небольшая для прикрытия селитренной работы построенная, но ныне со всеми находящимися в ней строениями в крайний упадок пришедшая крепость лежит на том холму, на котором, вероятно, главнейшее и великолепнейшее строение города и как кажется большой стеной окруженный замок находился. Там видны еще великие остатки от двух зданий, из коих великолепнейшее по случаю новой селитренной работы и от желания искать богатств, от развалин, в коих оно находилось, очищено было; другое же, судя по оставшимся следам, кажется было жилым домом со многими небольшими отделениями" (Паллас, 1936, с.243).

Братья Чернецовы просто отметили, что "остатки" у с.Селитренного "немногочисленны" (Чернецовы, 1970, с.137). Н.П.Загоскин после посещения с.Селитренного в 1875 г. лишь повторил характеристику академика Фалька, что подтверждает правдоподобность последней (Загоскин, 1884, с.191-192). Следующее определение его размеров сделано А.А.Спицыным, который указал его как 12 верст вдоль Ахтубы и версты на 3 в глубь от реки, площадь около 36 кв. верст (Спицын, 1895, с.82), что очень близко к заключению П.С.Палласа (площадь в данном случае получена простым умножением максимальной длины на максимальную ширину).

Ф.В.Баллод повторил эти данные (Баллод, 19986, с.110). Однако реальная ширина городища в периферийных участках существенно меньше, а на основной площади имеются обширные пустыри без слоя. В настоящее время такая характеристика размеров городища является признанной с незначительной поправкой в сторону умень-

шения, но площадь кварталов со сплошной застройкой оценивается приблизительно в 10 кв. км (Егоров, 1985, с.115).

Таким образом, Селитренное городище по размерам существенно уступает Царевскому, но столь близкие к реальности его оценки были сделаны уже после полного исчезновения видимых на поверхности остатков пригородных построек. Сравнения приведенных наблюдений полезны для решения вопроса о локализации столиц Золотой Орды.

Теперь рассмотрим факторы разрушения.

Д о б ы ч а с е л и т р ы из культурного слоя двух городищ (Селитренного и Шареного Бугра) велась только в XVIII в., причем не очень долго. Ее последствия почти не оценивались, хотя результаты были видны, но не слишком значительны. И.П.Фальк сделал краткий обзор истории завода в Селитренном (Фальк, 1824, с.140-141). При описании городища на Шареном Бугре он лишь отметил: *“На самом месте нет даже и следов фундаментов от домов, улиц, садов и проч., но вся восточная поверхность состоит из мелких рвов и малых холмов. Западная часть, по которой идет дорога из Астрахани в Царицын, имеет более заваленных рвов. В холмах находят только камни и горшечные черепки частью с синим глазуrom. От сего рытья, земля сделалась обильною в селитре, почему здесь и была селитроварня. Землю рыли для селитры с западной стороны до восточной. Западная часть заросла соляными растениями, коих на восточной неровной земле гораздо менее”* (Фальк, 1824, с.145-146). Уже в конце прошлого века здесь не осталось холмов от разрушенных построек, что было отмечено при осмотре в 1893 г. (Спицын, 1895, с.77-78), но эта нивелировка поверхности произошла уже после прекращения добычи селитры.

На Селитренном городище последствия менее заметны: такие холмики не читаются на поверхности в прилегающей к селу части, но хорошо фиксируются на участке между Больничным и Красным буграми. Примечательно, что на обоих городищах даже в местах предполагаемой разработки сохранились углубленные конструкции, что выяснилось после раскопок в 1960-х гг. (Федоров-Давыдов, 1994, с.35).

В ы б о р к а к и р п и ч а из развалин золотоордынских городов вплоть до середины текущего века была самым наглядным и постоянным фактором разрушений. Началась она еще во время существования Золотой Орды. Венецианский посол Амброджо Кон-

тарини, посетивший центр Большой Орды (Астрахань) в 1476 г., отметил: *“Город невелик... домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем еще были хорошие здания”* (Контарини, 1971, с.220). Очевидно, что руины в XV в. татары использовали для строительства городской стены и прочих сооружений. Астраханский губернатор и знаменитый историк В.Н.Татищев сделал прямое указание относительно состояния развалин золотоордынского города Хаджи-Тархана (поселения Шареный Бугор): *“Жареной, татара называют место на правой стороне Волги от Астрахани выше 9 верст, где был прежде город Астрахань до взятия российскими, а знатно было великое каменное строение, токмо татарами раззорено, а остальной камень и кирпич употреблен в нынешнюю Астрахань. Ныне на том месте завод селитреной, где токмо малой острог и неколико изб для работающих, которые много старинных денег золотых, серебряных и других вещей дивных находят”* (Татищев, 1979, с.277). Другим наглядным следствием разборки построек уже в золотоордынское время является вторичное использование кирпича, фиксируемое при современных раскопках зданий.

Со времени появления самых первых упоминаний о городищах разрушение их считалось близким к полному. Адам Олеарий, отметивший существование Царевского городища во время путешествия в 1636 г., сделал следующую запись: *“В 5-ти верстах далее в глубь страны и в 7-ми верстах от Царицына еще в настоящее время, нам говорят, сохранились развалины города, который жестокий изверг Тамерлан построил из обожженных камней, воздвигнув в нем и большой увеселительный дворец; называется он Царевым-городом. После того, как город этот был опустошен, русские увезли наибольшее количество камней в Астрахань и построили из них большую часть городских стен, церквей, монастырей и других зданий. Еще в наше время несколько лодок, нагруженных камнем, шли отсюда и направлялись в Астрахань”* (Олеарий, 1906, с.391). Эта оценка почти дословно была повторена около 1670 г. (Стрейс, 1936, с.100). В 1768 г. И.И.Лепехин констатировал: *“О развалинах ничего сказать не могу, ибо ни одна из них никакого не имела подобия прежнего своего вида; но все были рассеяны по степи и составляли небольшие груды кирпича”* (Лепехин, 1936, с.237). Год спустя П.С.Паллас, находясь на Селитренном городище, с сожалением написал: *“Доселе целые суда на-*

грузжали кирпичом и перевозили в Астрахань; причем ради затверделой извести при разбирании целых строений, чтоб получить тысячу цельных кирпичей, по крайней мере две тысячи разбиваемо и в щебень превращаемо было" (Паллас, 1936, с.244).

В настоящее время широко распространено неверное мнение о том, что основные разрушения кирпичных построек произошли вследствие царских указов. Особенно эмоционально об этом писал Ф.В.Баллод: "Поразительны варварство и ненависть, проявленные московским правительством в отношении татарских сооружений в области Нижнего Поволжья, и больно установить, что только теперь, в XX столетии, начинается обследование уцелевших жалких остатков и изучение поистине высокой и прекрасной татарской "золотоордынской" материальной культуры" (Баллод, 1923, с.20). Впрочем, эта резкость легко объясняется прозрачным заискиванием интеллигента, работы которого финансировал Татаркомпрос.

Сходные оценки затем повторялись, уже с более конкретной ссылкой на свидетельство Бельского летописца: "Многочисленные монументальные постройки Сарая сохранились до второй половины XVI в., когда царь Федор Иванович в 1578 г. велел ломать "мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город" Астрахань" (Егоров, 1985, с.117; Егоров, Юхт, 1986, с.238). Однако "ненависть" тут совершенно ни при чем, разборка зданий в широких масштабах продолжалась и позже, а часть монументальных построек в действительности благополучно просуществовала по крайней мере до XIX в. Во всяком случае деятельность по царскому указу нанесла минимальный ущерб по сравнению с остальной.

В целом же с XVII и до конца прошлого века к выборке кирпича относились, в основном, как к нормальному источнику строительного материала или неизбежному злу. Широко известно сообщение о строительстве в Астрахани из Сарайского кирпича в 1631 г. (Минх, 1902, с.1340). В 1632 г. царицынский воевода писал о постоянном нахождении "у кирпичной ломки" (на Царевском городище) ста стрельцов (Донские дела, 1898, стб.344). Сохранилось множество сведений о добыче кирпича в XVIII-XIX вв. на нескольких городищах.

Упомянутые В.Григорьевым в его время "принятые меры к прекращению дальнейшего расхищения" кирпича на Царевском городище (Григорьев, 1998, с.5), надо полагать, имели очень ограниченное действие. Даже в 1893 г. А.А.Спицын сделал детальное и беспристрастное описание техники его добычи, приблизительных

масштабов, цен (*Спицын, 1895, с.85-87*). Из его отчета следует, что добыча кирпича практиковалась местными селитренскими крестьянами совершенно легально. В селе жило некоторое количество “знатцев” (знатоков поиска и добычи кирпича), которые регулярно и методично искали древние фундаменты на окрестных участках городища, а затем полностью вывозили найденное. В селе всегда можно было приобрести у перекупщиков практически любое количество кирпича по рублю за сотню (или продать по 65 копеек за то же количество). Никаких действенных попыток воспрепятствовать этому процессу не предпринималось.

Однако несмотря на постоянную добычу кирпича до начала XVIII в. на Селитренном городище сохранилась часть (по крайней мере 2 мечети) монументальных построек золотоордынского времени (*Баллод, 19986, с.110-11*). П.С.Паллас также отметил существование зданий в его время (1769 г.) (*Паллас, 1936, с.243*). И даже Ф.В.Баллод смог еще столкнуться с некоторыми остатками золотоордынских построек, возвышающихся над поверхностью (*Баллод, 19986, с.110-112*).

Выборка кирпича перестала быть сколько-нибудь опасной уже в советский период: оказалась невозможной продажа добытого кирпича, а массовое промышленное его производство сделало выборку нерентабельной. После начала в 1960-е гг. под руководством Г.А.Федорова-Давыдова работ Поволжской археологической экспедиции с применением современной методики оказалось, что ущерб от выборки кирпича был не столь уж велик (*Федоров-Давыдов, 1994*). Совершенно не пострадали от этого постройки из сырцового кирпича, очень мало — рядовые дома, при строительстве которых кирпич использовали только для небольшого фундамента и вымостки пола. Еще А.А.Спицын отмечал, что интерес “знатцев” добычи кирпича к таким остаткам резко уменьшался (*Спицын, 1895, с.87*). От монументальных построек, выбранных полностью, сохранились отпечатки кирпичей на материке, что позволяет делать реконструкции планов зданий. Если предположить, что осталось бы от монументальных построек в результате естественной эрозии (без участия человека), то окажется, что до настоящего времени сохранилось бы не намного больше, в лучшем случае — нижние ряды кладки с порогам. Таким образом, влияние самого наглядного фактора разрушения оказалось не настолько значительным, как обычно принято считать.

Береговая абразия, которая представляет угрозу для отдельных частей каждого городища, не была постоянной, причем реконструировать ход этого процесса невозможно из-за недостатка сведений. О “пульсации” этого явления можно судить, например, по тому, что о городище на Черной Гряде А.А.Спицын в 1893 г. сообщил: *“Раньше из берега вываливались человеческие кости и гроба, но теперь он уже не обваливается”* (Спицын, 1895, с.93). Однако в настоящее время здесь вновь идет абразия, причем очень быстрыми темпами. На Жареном Бугре он напротив отметил интенсивную абразию, за 40 лет — несколько десятков саженей (Спицын, 1895, с.77). Сейчас берег в этом месте стабилен. Интересна также оценка этим автором одного фактора, препятствующего абразии: *“Волга несколько не угрожает Увеку, так как по самому бичевнику ее проведено полотно железной дороги, составляющее, конечно, наилучшее укрепление для городища с этой стороны”* (Спицын, 1895, с.92).

Строительство в процессе освоения Поволжья велось очень неравномерно и не сразу стало затрагивать все золотоордынские городища. Даже во второй половине XVIII в. И.П.Фальк указал на существование лишь небольшого числа постоянных населенных пунктов на левом берегу Ахтубы: *“Выше Царицына стоят деревни Верхний и нижний Ахтубинск, ниже оных Безбородная, а у Енотаевки Селитренной городок на левом берегу Ахтубы; кроме же сих, нет при оной никаких селений, а только находятся развалины бывших больших городов”* (Фальк, 1824, с.123). Как видим, Селитренное городище стало застраиваться первым.

Постройки селитренного завода в процессе их постепенного разрушения также стали оцениваться как памятники древности. П.С.Паллас в 1769 г. лишь отметил упадочное состояние крепости. Я.Потоцкий, посетивший городище в 1797 г., описывал уже развалины крепости: *“Четыре видимые там башни построены в новейшие времена; они так же, как и стены в Астрахани построены из старых кирпичей. Доказательством недавнего их построения служит смазка, которая состоит из дурной глины и нейдет в сравнение с той, которую татары употребляли прежде; потом оконные рамы, сделанные в новейшем вкусе; наконец, муравленные черепицы, перемешанные с другими, которые татары употребляют только на двери и гуськи... Между четырьмя башнями, о которых говорил я, заметны также следы деревянных домов без крыш, без дверей и без окон...”* (Потоц-

кий, 1936, с.215-216). Н.П.Загоскин в 1881 г. описывал развалины одной из сохранившихся башен русского укрепления уже как обычный археологический объект (Загоскин, 1884, с.187). В настоящее время остатки русских построек, для которых прежде добывали кирпич, сами по себе оцениваются как предмет археологических исследований. Например, раскоп 1998 г. на Царевском городище был заложен именно над всхолмлением от фундамента позднего дома.

Ф.В.Баллод во время своих исследований неизменно отмечал ущерб, наносимый городищам выборкой кирпича, но, по его мнению, сохранности городища способствовало именно строительство (другой фактор разрушения). Он отметил, что центральная часть Селитренного городища “сохранилась наиболее хорошо (ибо из-за крестьянских изб здесь нельзя было добывать кирпич)” (Баллод, 1998б, с.111). Действительно определенная консервация слоя с помощью его застройки легкими деревянными домами могла иметь место. Однако столь радужная оценка ее результатов объясняется только однобокой ориентировкой на перспективы раскопок в ближайшее время. Ф.В.Баллод не мог добиться легких результатов при исследовании участков, на которых уже выбран кирпич: “...*весь пригодный для постройки материал оказался вынутым из стен, стены поэтому оказались совершенно разрушенными и дальнейшие раскопки совершенно бесцельными*” (Баллод, 1998б, с.114).

В XX в. на смену избам пришли дома на каменных фундаментах, в том числе многоэтажные. Их уже никак нельзя назвать способствующими сохранности городищ. Расширение городской застройки привело к тому, что Винновское, Мечетное, Погромновское, Ахтубинское, Безродное, Заплавное городища, попавшие в черту гг. Волгограда и Волжского, считаются полностью уничтоженными (Егоров, 1985, с.111). Удаленность от больших населенных пунктов не спасла и Селитренное городище. За 1993-1999 гг. застройкой, карьерами и забором грунта для дамб здесь уничтожены десятки гектаров культурного слоя. Теперь этот фактор стал самым разрушительным, хотя какая-то часть углубленных конструкций на вновь застроенной территории конечно же должна пока сохраняться.

С б о р н а х о д о к на поверхности также проводился неизменно. Дореволюционная краеведческая литература изобилует сообщениями об этом явлении, но систематизировать их сложно, т.к. сведения о находках очень быстро становились легендами и преувеличивались. Общий уровень заинтересованности исследовате-

лей в случайных находках до начала текущего столетия был невелик. Медные и серебряные монеты (это самая распространенная находка на поверхности золотоордынских городищ) в случае представления их в Археологическую комиссию, едва ли не в большинстве случаев возвращали “находчику” или сплавляли. Об этом неизменно сообщалось в разделах о распределении находок, поступивших от частных лиц, в “Отчетах Археологической комиссии”.

Отчет А.А.Спицына свидетельствует об изменении отношения к этому явлению. При оценке перспектив исследования, по его мнению, полностью разрушенного городища (Жареного Бугра) А.А.Спицын отметил: *“Лучший прием изучения таких городищ — периодическое собирание вещей, промытых дождями, выдутых ветром и обвалившихся в реку, что и может быть с успехом организовано местным ученым обществом”* (Спицын, 1895, с.82). Как видим, в качестве меры исследования предложено то (сбор вещей, в т.ч. в результате береговой абразии), что само по себе можно считать разрушением. Однако значительно важнее другое — А.А.Спицын предложил не бороться с этим стихийным явлением, а взять его под контроль.

Призыв очень быстро нашел отклик. Б.В.Зайковский в начале нашего века применил эту рекомендацию к Водянскому городищу: *“... собирание выдуваемых и вымываемых остатков старины на Водянском городище мною было поручено посадскому пастуху Ермолаю Парфенову Колбьяшкину; он пасет стадо в местности, прилегающей к городищу”* (Зайковский, 1908, с.35). В результате до начала раскопок Поволжской археологической экспедиции самая представительная коллекция вещей с городища была результатом именно такого сбора.

Стиль жизни и законы советской эпохи препятствовали сбору вещей на городищах частными лицами, хотя отдельные случайные находки все же имели место. С 1990-х гг. сбор резко принял угрожающие масштабы, причем часто с применением металлоискателей. Это справедливо оценивается как грабеж. Однако в том случае, если этот грабеж проводится перед рытьем карьеров или забором грунта для дамб, его можно расценивать как спасение какой-то части материала от физического уничтожения.

Оценивая явление ретроспективно, нельзя не заметить, что если бы сбор материала на поверхности был организован на Погромновском, Ахтубинском, Безродном или другом из уничтоженных горо-

дищ, то сохранились бы хоть какие-то вещи, а в результате строительства было уничтожено практически все.

В прежних сообщениях тесно переплетаются оценки качества предшествующих раскопок и перспектив исследования, что в сумме дает представление о том, что из имевшегося наследия было востребованным.

Очевидно, что “грабительские раскопки” практиковались здесь постоянно, продолжают в настоящее время, однако они почти не получают документального подтверждения. Уже в 1870 г. И.П.Фальк отметил: *“Двадцать лет назад бывший тогда царицынский комендант велел здесь (на Царевском городище – И.В.) рыть землю и нашел много золотых и серебряных монет и вещей. После того дубовские казаки напали с такою жадностью на развалины, что в них рылась третья часть всего полка; от чего оне теперь все перекопаны. От них обогатились многие казаки, а особливо их атаман Персидской. Выкопанные кирпичи продавали в Царицын и в Астрахань”* (Фальк, 1824, с.126-127).

Наиболее значительные раскопки в 40-е гг. XIX в. провел здесь полковник А.В.Терещенко. Его целью был преимущественно поиск ценных вещей, по крайней мере именно это было предписано Министерством, организовавшим раскопки (Жиромский Б.Б. 1959). Однако А.В.Терещенко пошел дальше поставленных целей. Именно он обеспечил составление детального (и более достоверного, чем предыдущий) плана Царевского городища, где микротопография с холмами от домов показана значительно лучше, чем это видно в настоящее время. Описания отдельных построек выполнены также вполне удовлетворительно для того времени (Жиромский, 1959; Гусева, 1975). Характеристика предшествующих разрушений дается этим автором именно в том месте, где он обосновывает выбор места раскопок: *“Все эти курганы были уже разрываемы; искатели сокровищ перекапывали их тысячу раз, и безжалостно истребляли находимые вещи. Самый кирпич вывозили на продажу в дальние места... Приступая к разрытиям, весьма трудно было определить, с каких курганов следовало бы лучше начать работу. Иные указывали на места, где, по рассказам, отрываемы были сокровища, другие – на предполагаемые дворцы и русские церковные здания. Решено было начать раскопки с самой середины густейшей массы развалин”* (Григорьев, 1998, с.5).

Масштабные раскопки с отмеченными целями в течение девяти лет (1843-1851) существенно повредили памятник, а фиксация найденного почти не велась. Сам А.В.Терещенко считал, что *“местность Сарая была подвергается раскопке во всех возможных направлениях: не только окрестности бывшей столицы, но решительно все средоточие его и магометанское кладбище, не остались без расследования”* (Терещенко, 1854, с.89). Даже в настоящее время деятельность А.В.Терещенко расценивается вполне снисходительно (Федоров-Давыдов, 1994, с.27-28). Однако археологи после А.В.Терещенко высказывали свои оценки произведенных исследований преимущественно в связи с выбором места для собственных раскопок. Уже А.А.Спицын, которого в первую очередь интересовали остатки архитектурных сооружений, считал, что места, на которых были проведены эти раскопки, бесперспективны, но сделал одно исключение: *“...если после Терещенко раскопки в Цареве где-либо представляют интерес, то прежде всего именно здесь, в Колобовских курганах”* (Спицын, 1895, с.91), хотя А.В.Терещенко провел большие раскопки огромного строения как раз в с.Колобовке.

Раскопки саратовского губернатора князя А.А.Ширинского-Шихматова в 1914 г. на Мечетном городище были значительно ближе к научным, здесь мы уже сталкиваемся со схематичными чертежами исследованных остатков (Ширинский-Шихматов, 1915, с.159-163). Ф.В.Баллод, имея сходные цели, оценивал предыдущие раскопки значительно более жестко, причем именно его заключения могут быть идеальным примером субъективности суждений самих археологов. Он посчитал невозможной интерпретацию остатков одного из зданий, *“так как раскопки саратовского губернатора А.А.Ширинского-Шихматова, злого гения мечетинских памятников, безжалостно изрыли бугры, ничего не обследовали детально и лишь создали памятник небрежной работе. Валяющиеся в зияющих ранах этого памятника татарской культуры, в траншеях Ширинского-Шихматова, кусочки мозаики и алебастровой облицовки не могут содействовать восстановлению прежней картины”* (Баллод, 1923, с.16). Не понятно, должность, титул или какие-то другие качества предшественника вызвали такую неприязнь. Оценивая ущерб от его раскопок сегодня, трудно назвать их очень разрушительными: работы велись всего 2 дня (!), на площади не более нескольких десятков квадратных метров, причем без разборки фундаментов (Ширинский-Шихматов, 1915, с.159-163). Проб-

ные траншеи еще на “нескольких буграх” также не могли существенно повредить объекты. Качество фиксации — приблизительно такое же, как у самого Ф.В.Баллода, который свои “наброски” отдавал для красивого воспроизведения архитектору уже в Петрограде (*Баллод, 1923, с.4*). В целом же этого автора более всего интересовали те места, которые не были повреждены в процессе предшествующих раскопок (*Баллод, 1923, с.17-18*).

Выбор мест для раскопок Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище проводился также с учетом этого фактора. Однако в раскопах, которые могли попадать на места работ А.В.Терещенко, все же сохранились остатки золотоордынских конструкций. Хотя при этих исследованиях в 1840-х гг. пострадали наиболее интересные участки памятника, уничтожить огромное Царевское городище за несколько полевых сезонов А.В.Терещенко просто не мог. Углубленные в материк конструкции вообще повреждены незначительно.

Выборочные характеристики раскопок предшественников показывают, что археологи редко бывают довольны тем, что делали до них. Резонно предполагать, что и современные работы в будущем, по мере совершенствования методики и качества отбора материала для хранения, также получат негативную оценку. Вероятно, что это будут связывать с двумя признаками: отношением к массовому материалу и выбором мест раскопок. Увы, в наше время раскопы еще часто устраивают там, где больше экспедиционной экзотики, где можно рассчитывать на лучшие находки, а не на участках наиболее подверженных разрушениям. Поэтому многие городища считаются полностью уничтоженными (*Егоров, 1985, с.111*), а ближайшая окраина с.Селитренного практически не исследовалась.

Приведенные данные не являются исчерпывающими. Здесь совсем не рассматривается сохранность органических предметов на городищах, столь существенная для оценки естественного разрушения городищ. Записи исследователей XIX в. изобилуют упоминаниями остатков дерева, тканей, семян и т.п. В настоящее время такие находки единичны. Однако это нельзя связывать только с ухудшением сохранности органики, поскольку исследуемые в XIX в. и сейчас участки памятников очень отличаются по насыщенности и характеру сооружений.

Таким образом, оценки размеров, состояния, факторов разрушения и перспектив исследований золотоордынских городищ менялись со временем, в основном, в зависимости от целей и взглядов исследова-

телей, совершенства используемой ими методики. При этом необратимые разрушения, полностью уничтожающие памятник, приняли широкие масштабы только в 1990-е годы: стихийные карьеры, массовое строительство кирпичных домов на глубоких фундаментах (Селитренное городище, Шаренный Бугор, Мечетное городище и т.д.).

Литература

Баллод Ф.В. 1923 — *Баллод Ф.В.* Приволжские Помпеи. М.; Пг. 1923.

Баллод Ф.В. 1998а — *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды // Татарская археология. Казань. 1998. №1 (2).

Баллод Ф.В. 1998б — *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды // Татарская археология. Казань. 1998. №2 (3).

Блохин В.Г. 1999 — *Блохин В.Г.* Золотоордынское поселение у с. Колобовка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 1999. Вып.2.

Гмелин С.Г. 1936 — *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках / Сост. В.Алексеев. Сталинград. 1936.

Григорьев В. 1998 — *Григорьев В.* Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая // Татарская археология. Казань. 1998. №1 (2). (перепечатка из: ЖМВД. СПб., 1847. №9. С.549-575).

Гусева Т.В. 1975 — *Гусева Т.В.* История изучения Нового Сарая // Вестник Московского университета. Сер. История. 1975. №6.

Донские дела. 1898 — Донские дела. СПб. 1898. Кн.1. (= Русская историческая библиотека. Т.18).

Егоров В.Л. 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М. 1985.

Егоров В.Л., Юхт 1986 — *Егоров В.Л.* А.И. В.Н.Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА. 1986. №1.

Жиромский Б.Б. 1959 — *Жиромский Б.Б.* Забытая страница в истории русской археологии // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов. 1959. Вып.2.

Загоскин Н.П. 1884 — *Загоскин Н.П.* Селитряный городок Астраханской губернии; Енотаевского уезда // Труды IV Археологического съезда в Казани. Казань. 1884.

Зайковский Б.В. 1908 — *Зайковский Б.В.* Городище Бэльджамен // Труды СУАК. Саратов. 1908. Вып.24.

Книга Большому Чертежу 1950 — Книга Большому Чертежу / Подг., ред. К.Н.Сербиной. М.; Л. 1950.

Контарини А. 1971 — *Контарини А.* Путешествие в Персию // Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. Л. 1971.

Леопольдов А.Ф. 1839 — *Леопольдов А.Ф.* Историко-статистическое описание Заволжского края Саратовской губернии. 1837 г. // *Материалы для статистики Российской Империи.* СПб. Т.1. Вып.3. 1839.

Лепехин И. 1936 — *Лепехин И.* Дневные записки путешествия ... по разным провинциям Российского государства // *Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках* / Сост. В.Алексеев. Сталинград. 1936.

Минх А.Н. 1902 — *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Аткарск. 192. Т.1. Вып.4.

Олеарий А. 1906 — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., прим., и указ. А.М. Ловягина. СПб. 1906.

Паллас П.С. 1936 — *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российского государства // *Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках* / Сост. В.Алексеев. Сталинград. 1936.

Потоцкий Я. 1936 — *Потоцкий Я.* Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // *Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках* / Сост. В.Алексеев. Сталинград. 1936.

Спицын А.А. 1895 — *Спицын А.А.* Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А.Спицына летом 1893 г. на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // *ОАК за 1893 год.* СПб. 1895.

Стрейс Я.Я. 1936 — *Стрейс Я.Я.* Три достопамятных и исполненных многих прелестностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии, Татарии... // *Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках* / Сост. В.Алексеев. Сталинград. 1936.

Татищев В.Н. 1962 — *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л. Т.1. 1962.

Татищев В.Н. 1979 — *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // *Татищев В.Н. Избранные произведения.* - Л. 1979.

Терещенко А.В. 1853 — *Терещенко А.В.* Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кыпчакского царства // *Ученые записки Императорской Академии Наук по I и II отделениям.* СПб. 1853. Т.2. Вып.1.

Фальк И.П. 1824 — *Фальк И.П.* Записки путешествия академика Фалька // *Полное собрание ученых путешествий по России.* СПб., 1824. Т.6.

Федоров-Давыдов Г.А. 1994 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М. 1994.

Чернецовы Г. и Н. 1970 — *Чернецовы Г. и Н.* Путешествие по Волге. М. 1970.

Ширинский-Шихматов А.А. 1915 — *Ширинский-Шихматов А.А.* Отчет об археологических раскопках князя А.А.Ширинского-Шихматова // *Труды СУАК.* Саратов. 1915. Вып.32.

Мониторинг историко-культурных ландшафтов (на примере зон охраны памятников истории и культуры Подмосковья)*

Философы и искусствоведы не замечали, отрицали или признавали с опозданием неотражательное искусство, ... оставляли без внимания нерукотворную красоту Земли.

Родоман Б. Б.

Социально-экономические изменения, произошедшие в России в 1990-е годы, отражаются на форме собственности и, в частности, на земельных отношениях. Это побуждает нас обратить пристальное внимание на то положение дел, которое складывается в области охраны историко-культурных и природных ландшафтов как основополагающей, базовой категории в целостном духовном наследии страны. Затянувшиеся поиски решений относительно принадлежности земель различных категорий, так и не выполненные работы по кадастру задерживают выход в свет законодательства по охране памятников истории и культуры.

Культура, по меткому замечанию О.Шпенглера, “расцветает на почве точно ограниченной местности и остается прикрепленной к ней наподобие растения” (Шпенглер, 1993, с. 138). Сегодня, после того, как Д.С.Лихачев ввел понятие “экология культуры”, вряд ли кто-либо сомневается в том, что историко-культурный и природный ландшафт является этнически значимыми объектом, в границах которых сформировался конкретный этнос и его культура (Гарушьяни, в печати).

Русская природа — это повседневная среда существования русского этноса и его основного земледельческого ядра — крестьянства, это — культурный ландшафт, сложившийся в ходе длительного

* Публикация осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 00-04-00097а

освоения естественной среды традиционными формами хозяйствования. Определенные знаковые элементы ее нашли свое отражение в устном народном творчестве и прикладном искусстве. В классическом искусстве — живописи, музыке, литературе был раскрыт характер этнического, национального идеала родной природы. Выкристаллизовалось синтетическое понятие “русское раздолье”: колоссящиеся нивы, необъятные поля, луга с разнотравьем, опушки леса...

Как зеницу ока в фонотеках, книгохранилищах, музеях храним мы произведения национального искусства.. Признаем за выражение эталона, модуля национального ландшафта такие живописные произведения, как “Московский дворик” В.Д.Поленова, “Грачи прилетели”, “Вечер” А.К.Саврасова; “Вечер” Ф.А.Васильева, “Осень” И.Н.Левитана и др. Это же относится и к произведениям русской классической литературы, музыки, поэзии (И.С.Тургенев, С.Т.Аксаков, М.М.Пришвин, П.И.Чайковский, М.И.Глинка, М.П.Мусоргский, М.Ю.Лермонтов, Ф.И.Тютчев, А.А.Фет и др.).

Но список с ландшафта не адекватен ландшафту. Русская природа как результат не персонифицированного творчества и природопользования нуждается в охране не в меньшей степени, чем списки с нее. Между тем до сего времени она не в полной мере осознана обществом как уникальное явление культуры, а потому в недостаточной степени фиксируется и постепенно утрачивается. Даже ландшафтная архитектура, призванная описывать культурный ландшафт и исходить из него в своих проектах, оставляет культурный феномен русской природы на периферии своего исследовательского поля.

Русская природа — историко-культурный и природный ландшафт как единое неделимое целое (пейзаж) — не является объектом определенной науки, предметом определенного вида искусства и ресурсом того или иного ведомства. Даже наиболее комплексная из наук о земле — география, в недрах которой собственно и возникло понятие “ландшафт”, лишь сегодня начинает формировать интегральное понятие “культурного ландшафта” (*Zavyalova, Kumachov, 1996, с. 678*). И если в своих отдельных элементах ландшафт классифицирован (геологическая среда, почвы, воды, растительность, животный мир) и охраняется, то в целом он как природно-культурное явление не имеет своего попечителя.

Рассмотрим это на схеме деления ландшафта и попечения о нем (см.табл. 1.) Таблица ясно показывает, что ландшафт расчленен и нет такого раздела в науке, который дал бы строгое определение наци-

такого раздела в науке, который дал бы строгое определение национального ландшафта и пейзажа в целом. Главным в этом определении было бы соединение науки и искусства

Какие же мероприятия способствуют сохранению историко-культурного и природного ландшафтов? Наряду с традиционными, исторически сложившимися формами охраны ландшафтов — природными заказниками, национальными парками и немногочисленными историко-природными, художественными, литературными заповедниками в начале 1970-х гг. проектная практика обогатилась дополнительным видом охранной деятельности — зонами охраны памятников истории и культуры. В отличие от перечисленных выше форм, зоны охраны должны проектироваться для всех без исключения недвижимых памятников истории и культуры.

Уместно обратить внимание на тот факт, что перечисленные понятия — заказники, национальные парки, заповедники, памятники природы прочно вошли в научный обиход, им посвящено множество научных и научно-популярных изданий, а сами они являются важным звеном в природоохранной политике и общественной практике.

Понятие “зоны охраны недвижимых памятников истории и культуры” более новое. Оно еще не заняло должного места в научном обиходе, что в немалой степени обусловлено отсутствием практики публикации проектов зон охраны. В научно-популярной литературе термин “зоны охраны” почти не употребляется и имеет узковедомственное значение (*Веденин, 1995, с.17*). Вместе с тем надо признать, что проекты зон охраны в последние годы приблизились к высокому научному и проектному уровню. Они носят характер междисциплинарных комплексных исследований, соединяя в себе исторические и природоведческие дисциплины. (*Завьялова, 1996, с. 231-232*).

Понятие “Зоны охраны недвижимых памятников истории и культуры” отличается от понятий “заказник”, “национальный парк” и “заповедник” тем, что сами зоны охраны функционируют сегодня, за очень небольшим исключением, лишь как проекты, обеспечивающие градостроительный контроль за сохранностью культурных ландшафтов.

Эта ситуация создает диспропорцию между охраной природных и культурных ландшафтов. Так, в сводке Н.В.Максаковского наряду с национальными парками Московского региона перечисляются лишь те памятники истории и культуры, которые имеют заповедный статус — музей-усадьба Боблово, музей-заповедник Абрамцево, музей-заповедник Мелихово и некоторые другие (*Максаковский, 1997,*

Таблица 1

ЭЛЕМЕНТЫ ЛАНДШАФТА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ			
НАИМЕНОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТА ЛАНДШАФТА	ПОПЕЧЕНИЕ, ВЕДОМСТВЕННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЯ	МЕРОПРИЯТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ	ОЦЕНКА, КАТЕГОРИЯ, ЗНАЧЕНИЕ
1	2	3	4
Недра	Комитет по геологии и использованию недр	Разведка. Охрана. Использование	Хозяйственное
Памятники археологии	Органы охраны памятников истории и культуры, Научные организации в системе РАН и Высшей школы	Разведки. Раскопки	Культурное
О Т К Р Ы Т Ы Е П Р О С Т Р А Н С Т В А			
Сельскохозяйственные земли	Министерство сельского хозяйства. Акционерные общества, фермерские хозяйства и др	Сельскохозяйственная обработка, поддерживающая систему исторического природопользования	Хозяйственное

Продолжение

1	2	3	4
Л Е С Н Ы Е Т Е Р Р И Т О Р И И			
Леса Гослесфонда	Управление лесного хозяйства. Министерство экологии и природных ресурсов и структуры госкомприроды	Таксация, охрана, использование (рубки главного пользования, рубки ухода и др.)	Хозяйственное. Эстетическое
Леса бывших колхозов, совхозов	Акционерные общества	Консервация исторического ландшафта, застройка неудобных земель	Хозяйственное. Эстетическое
Исторические парки	Органы охраны памятников истории и культуры. Принадлежат различным пользователям	Реставрация Приспособление	Эстетическое, культурное, сентиментальное
Памятники природы	Охрана природы, охрана памятников		Эстетическое, культурное, природоохранное
С Е Л И Т Е Б Н Ы Е Т Е Р Р И Т О Р И И			
Поселения, в том числе исторические	Сельские администрации		Хозяйственное, культурное

1	2	3	4
Дачные поселки	Дачные товарищества	Рекреационное использование	Хозяйственное
Усадьбы	Различные пользователи, музеи. Органы охраны памятников	Хозяйственное использование	Культурное, национальное, эстетическое
Культовые сооружения	Общины верующих, монастыри. Органы охраны памятников истории и культуры		Эстетическое, архитектурное, культурно-историческое, национальное
В О Д Н Ы Е С И С Т Е М Ы			
Реки, озера, водохранилища	Система Минводхоза и Министерства экологии и природных ресурсов		Водохозяйственное, запасы питьевой воды, эстетическое, культурно-историческое, природоохранное
Пруды-копани, пруды-запруды — памятники археологии.	Органы охраны памятников при наличии зон охраны	Контроль за состоянием воды, рыбными запасами	Культурно-историческое, хозяйственное

Таблица 2

ПРИМЕРНАЯ МОДЕЛЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ПРОЕКТНЫХ РАБОТ ПО ЗОНАМ

Наименование направлений исследований	Специалисты	Проектный материал. Выходной документ	Охранные мероприятия. Исполнители
1	2	3	4
ИССЛЕДОВАНИЯ			
1. Историко-архивные и библиографические исследования	Историк, искусствовед	Историко-архитектурный опорный план	Публикации, привлечение местного населения, ознакомление его с родной историей
2. Изучение и анализ старинного картографического материала	Ландшафтный архитектор	-“-	
3. Археологические исследования (разведки). Опрос старожилов, устные традиции	Археолог, этнограф	-“-	Органы охраны памятников

Продолжение

1	2	3	4
4. Ландшафтные обследования территории. Эстетическая оценка ландшафта	Ландшафтный архитектор	-" Генеральный план зон охраны	
5. Обследование застройки (исторические поселения и др.)	Архитектор, архитектор-реставратор	-" Юридический отдел	Предложение к постановке на госохрану вновь выявленных памятников, реставрационные работы
6. Дендрологические обследования. Изучение таксационного материала	Дендролог	-"	Органы Госкомприроды
7. Палеоботанические обследования	Ландшафтовед	-"	
8. Зоологические обследования. Метод биотеста	Экологи, географы, биологи	Генеральный план зон охраны. Перспективное планирование	Органы Госкомприроды

1	2	3	4
<p>9. Социально-экономические исследования. Выявление условий занятости населения и потребности в жилой площади. Предпосылки создания на территории туристско-экскурсионной деятельности</p>	<p>Социолог, демограф</p>	<p>Генеральный план, перспективное планирование. Экономический потенциал территории</p>	<p>Разработка юридических документов. Налогообложение. Страхование. Ландшафтная полиция</p>
<p>10. Социально-культурные исследования</p>	<p>Социолог, культуролог</p>	<p>Перспективное планирование</p>	<p>Связь с культурными учреждениями, школой</p>
<p>11. Работа с административными структурами</p>	<p>Все специалисты по потребности Археолог, этнограф</p>	<p>Выработка общей культурно-охранной идеологии</p>	<p>Органы охраны памятников</p>
<p>1</p>	<p>5</p>	<p>3</p>	<p>4</p>

1	2	3	4
ПРОЕКТИРОВАНИЕ			
1. Составление историко-архитектурного опорного плана	Ландшафтный архитектор, искусствовед		
2. Генеральный план зон охраны	--	Юридический охранный документ	Органы охраны памятников
3. План туристско-экскурсионных маршрутов	--		
4. Инженерные сети. Дорожно-тропиночная сеть	Инженер, ландшафтный архитектор		
5. Разработка юридического документа на домовладение	Ландшафтный архитектор, юрист	Юридический документ	Охранные гарантии. Органы охраны памятников

с. 148-151). В Подмосковье множество усадеб, монастырей, отдельно стоящих церквей. Все без исключения они должны иметь (и частично имеют) зоны охраны. Однако из почти 600 усадеб на госохране находятся около 130. На этом примере видно, что сегодня еще не сформировалась традиция организационного закрепления зон охраны недвижимых памятников истории и культуры в качестве функционирующих структур, которые могли бы способствовать мониторингу и комплексному сохранению культурных ландшафтов. При отсутствии соответствующих организационных структур эти зоны охраны до этого времени не воспринимаются как заповедные (в широком понимании этого термина).

Ряд организационных проблем связан с утверждением проектов зон охраны. На протяжении 1980-х - 1990-х гг. в Отделе зон охраны треста "Мособлреставрация" спроектировано более 20 зон охраны. Утверждены только 6 из них, что говорит о сложности и длительности процесса утверждения, связанного с вопросами земельного регулирования. Подсчитано, что для утверждения проекта надо пройти около 20-ти инстанций два раза. Кроме того, границы зон охраны до сих пор не выносятся в натуру и не отображаются на распространенных и доступных картографических материалах. В лучшем случае они хранятся в отделе районного архитектора и архитектурно-планировочных службах областей в качестве документов, которые должны в обязательном порядке учитываться при проведении любых работ на соответствующей территории.

Предлагаем примерную схему перехода от зон охраны как системы градостроительного контроля к зонам охраны как реальной организационной структуре, обеспечивающей стабильное функционирование культурных ландшафтов.

Для правильного подхода к этой проблеме немаловажное значение имеет ландшафтное планирование, которое позволяет разрабатывать проекты градостроительных систем расселения, включающие в себя историко-культурный и природный ландшафты с дворцово-парковыми ансамблями, и несущими в себе черты их подлинных функций и эстетики, не разрушая историко-культурной среды (Zavyalova,, Kumachov, 1996, с. 678).

Как показал опыт наблюдения за разработанными автором в 1980-е годы зонами охраны на территории Подмосковья, можно выделить определенный алгоритм действия, который способствует налаживанию мониторинга культурного ландшафта.

После утверждения проекта зон охраны он должен быть опубликован, границы зоны вынесены в красные линии (в условиях Москвы и ближнего Подмосковья) и на картографический материал. Первым опытом в этом плане являются зоны охраны памятников археологии Митино, утвержденные Правительством Москвы в 1986 г. и нанесенные на вышедшие в 1990-е гг. карты ГУГК в масштабе 1:25000.

В процессе проектирования создаются предпосылки для создания Попечительского совета, без которого достаточно трудно проводить в жизнь охранные мероприятия и мониторинг. Председателем совета желательно видеть авторитетное лицо в области культуры, науки. В совет должны входить специалисты, представители администрации и местных жителей, заинтересованные в судьбе памятников культуры и территории зон охраны. Такими специалистами могут быть: ландшафтный архитектор (руководитель проекта зон охраны), эколог, историк, искусствовед, археолог, архитектор-реставратор, архитектор-проектировщик, социолог, правовед. Из местных жителей предпочтительны старожилы, краеведы, представители местной интеллигенции, духовенства, в ряде случаев — потомки бывших владельцев имения. Ключевые фигуры в Попечительском совете — представители местной администрации: председатель администрации сельского округа и представители областного Комитета по культуре, районного отдела культуры, ЦС или облсовета ВООПИиК, отдела районного архитектора, отдела землеустройства, районного отдела Госкомприроды.

При условии делегирования Попечительскому совету прав по наблюдению за состоянием окружающей среды и памятников истории и культуры, он в состоянии наблюдать все планировочные процессы на данной территории, анализировать их, давать оценку, принимать решения, подготавливая документы для последующего их утверждения органами охраны памятников. В перспективе Попечительский совет может, в значительной мере, участвовать в формировании состава Дирекции зон охраны. Однако Совет должен функционировать и после формирования Дирекции. В состав Дирекции зон охраны могут входить, в зависимости, от особенностей той или иной зоны охраны такие сектора как: Музейный (создание музея), Реставрационный (реставрация памятников истории и культуры в границах зон охраны, и инспекторские права наряду с органами охраны памятников), Ландшафтной архитектуры (мониторинг территорий зон охраны), Экологии (охрана природы), Архитектуры исторических поселений (мониторинг застройки), Социоло-

гии (сохранение традиций в условиях развития), Правовой (вопросы земельного регулирования в границах зон охраны), а также сектор Общественных связей.

При подобной схеме распределения обязанностей по сохранению историко-культурного наследия, обеспечивающей комплексный метод охраны, создаются условия проведения нормального полноценного и всеобъемлющего мониторинга, включающего в себя и археологический мониторинг. Сегодня мы можем констатировать построение подобной деятельности лишь на единичных памятниках - Ясная Поляна, Хмелита, Пушкинские Горы. На остальных территориях мониторинг осуществляется лишь на общественной безвозмездной основе отдельными инициативными архитекторами, археологами, местными жителями, краеведами и т.д.

Проблемы, которые встают на пути охраны культурных ландшафтов, яснее можно представить на конкретных примерах. Ниже кратко охарактеризована ситуация, которая сложилась в 1990-е годы на территориях зон охраны ряда известных Подмосковных усадеб.

УСАДЬБА СЕРЕДНИКОВО (СОЛНЕЧНОГОРСКИЙ РАЙОН). Памятник истории и культуры XVIII -XIX вв. усадьба Середниково является ядром одной из особо охраняемых территорий ближнего Подмосковья — “Лермонтовские места”. Формирование историко-культурного ландшафта и системы расселения происходило здесь в эпоху Средневековья. На территории Середниковского парка располагалась селище XII века (*Станюкович*, 1988). Селения Лигачёво, Лугинино, Середниково на своей территории сохраняют культурный слой XIV-XV вв. По заданию медицинского учреждения, находящегося в усадьбе, разработан проект зон охраны (1988), который был утверждён Администрацией Московской области (1992). Это произошло стараниями руководства Национального Лермонтовского Центра (НЛЦ), частично арендующего усадьбу. С 1988 г. ведётся активная охранная деятельность с участием местных жителей (наблюдение за территорией и фиксация всех родов нарушений, о чём оповещались органы охраны памятников и служба районного архитектора). Проводилась работа с местной администрацией. На месте рассматривались проекты застройки. Постепенно сложилась группа специалистов, активно защищающих территорию. Имеются публикации.

В значительной степени сохранена центральная часть зон охраны. В частности, удалось избежать прокладки трассы автодороги Зеленоград-Тушино; водовода, который должен был пройти возле

Середниковской церкви; трассы дублирующей Пятницкое шоссе, которую предполагалось провести южнее парка, в районе д. Благовещенка.

Серьезным припятствием стала активная коттеджная застройка в 1990-е годы территории, прилегающей к Середникову. Статус зон охраны позволил избежать сплошной коттеджной застройки между Лигачёвым и Лугининым. Темпы же роста дачного строительства на южной территории за Пятницким шоссе сдержать не удалось, несмотря на охранный статус данной территории. Здесь имело место гипертрофированное увеличение застройки от разрешенного в рамках зоны регулирования застройки одного ряда (параллельного старинной двухрядной застройке) до сплошной застройки всего свободного от лесных массивов пространства. Экономическая эффективность создания на одной системе коммуникаций большого массива застройки оказалась сильнее, чем утвержденные режимы территории, имеющие юридический статус.

Местная и районная администрации предпринимали даже попытки оспорить этот статус. Попечительский совет всё более отстранялся администрацией от участия в деятельности по контролю за землепользованием.

Вместе с тем были продолжены научные исследования, проводились подробные палеоландшафтные, экологические, социологические, дендрологические наблюдения. Социо-экономические исследования включали в себя демографию, изучение занятости населения и условия его проживания. Это позволило выявить на территории предпосылки туристско-экскурсионной деятельности. Подробно изучались обнаруженные планы дач генерального межевания 1770-х гг., проводились археологические исследования ряда исторических поселений, топосъемка поселений в масштабе 1:2000 и сплошное обследование застройки исторических поселений с фотофиксацией. Разработаны границы заповедной территории, схема транспортных коммуникаций и экскурсионных маршрутов. Можно констатировать, что данный объект сегодня имеет достаточно полный объём научных исследований и проектной документации, определяющей основные природные и историко-культурные параметры территории и намечающей дальнейшие направления научно-проектной и охранный деятельности.

Более четко удалось решить градостроительные проблемы на пограничье охранный зоны с территорией города Зеленограда. В 1995 г. здесь, близ д. Рожки, было намечено разместить кладбище. Ар-

хеологические исследования, проведенные в связи с этим проектом по заказу МГП “Зеленоград-проект”, выявили на территории этой деревни селище XIV-XV вв. (Чернов, 1995). Это потребовало корректировку границ зон охраны, а также детализации режимов использования. Охранный статус д. Рожки и прилегающего участка долины р.Горетовки был повышен. Однако вызывает беспокойство судьба кварталов гослесфонда севернее деревни Рожки, которые не входят в охранную зону. Здесь во второй половине 1990-х годов проведены рубки расширение кладбища.

К сожалению, Попечительский совет не вмешался в процесс, заповедная территория не была установлена. Многие территории утратили свою мемориальность по причине диссонирующей застройки, которая в некоторых местах перекрыла исторические направления дорог.

УСАДЬБА АЛЕКСЕЕВЫХ “ЛЮБИМОВКА” (Пушкинский район). Памятник истории и культуры XIX в. усадьба Алексеевых (родителей К.С.Станиславского) Любимовка — место, где создавался Художественный театр. Расположена она на высоком левом берегу р. Клязьмы, рядом с Ярославским шоссе. Ещё в эпоху Средневековья здесь существовало поселение. Усадьба находится в пользовании Международного фонда К.С. Станиславского. Проект зон охраны был разработан по заданию Союза театральных деятелей в 1989 г. (Проект зон охраны..., 1989) и согласован с органами охраны памятников. Администрация Пушкинского района без какой-либо мотивации не согласовала проект. Результатом этого стала тотальная деформация окружающего ландшафта дисгармонирующей коттеджной застройкой. Большая часть Любимовской рощи, входившей в территорию дачи сельца Любимовки снесена, поле между рощей и старинной деревней Комаровка, где сохранились дома Алексеевых, перешедшие потомкам, обезображено. Пойма реки Клязьмы, южнее усадьбы, используется под картофельные поля, а напротив усадьбы, в излучине реки разместилась автобаза. В 1998 г. Председатель Совета Международного фонда К.С. Станиславского О.Н. Ефремов обратился по Центральному телевидению к научной общественности с призывом сохранить мемориальный ландшафт имения, в котором А.П.Чеховым был написан “Вишневый сад”. Центральный совет ВООПИК откликнулся на эту инициативу и предложил Международному фонду К.С. Станиславского план сохранения оставшейся части рощи, построенный на активном сотрудничестве Международного

фонда К.С. Станиславского с Администрацией Пушкинского района при условии передачи Фонду ведущей роли в градостроительной организации деятельности на территории зон охраны. Однако нежелание сторон осуществить конструктивную работу в этом направлении в сочетании с прессингом со стороны организаций, ведущих коттеджную застройку привело к тому, что ситуацию не удалось переломить. В 2000 г. в соответствии с поручением Министерства культуры РФ Комитет по культуре Московской области утвердил границы территории памятника на стадии генерального плана. Однако расположенные за пределами усадьбы культурные ландшафты (Алексеевская роща) продолжают застраиваться.

ПОГОСТ ПОКРОВА НА КРЕМИЧНЕ (Рузский район). Погост Покрова на Кремичне — памятник археологии. С начала XIV века это были вотчинные владения Московских князей. По преданию великий московский князь Иван Данилович Калита был крещён в Покровской церкви (*Бетин, 1989, с.6*). В конце XIV в. Кремична была не менее значимым административным центром, чем Руза. По своему значению Кремична стоит второй после Звенигорода в уделе младшего сына московского великого князя. Эти факты делают Кремичну необычайно интересной для исторической науки. Городище Кремична — остатки волостного центра Московского княжества. Ландшафты здесь очень живописны — крутой берег р. Москвы, овраги, леса, поля, родники. Ко времени исследования и составления проекта сохранились старинные пропорции пашен, лугов, соответствующих картам 1770-х гг. До сих пор от старинной планировочной структуры сохранились два участка с домами, один из которых принадлежал дочери священника Покровской церкви. Начало разрушения церкви относится ко времени Великой Отечественной войны, а завершение к 80-м годам. Сохранились лишь руины храма и древний некрополь. Проект был согласован органами охраны памятников, но на уровне администрации района он не был утвержден.

С начала 1990-гг. древний центр Кремиченской волости был окончательно разрушен дачным строительством. Все пахотные угодья, лесные поляны (места древних пашен) застроены. Гибнет окружающий лес, перекрыты направления старых полевых и лесных дорог, изуродована традиционная средневековая система расселения с центром в поместье.

ДВОРЦОВАЯ УСАДЬБА ТАЙНИНСКОЕ. Памятник истории и культуры XIV-XVIII вв. Дворцовая усадьба Тайнинское расположена ря-

дом с МКАД в Мытищинском районе (Паспорт на Комплексный... 1997), входила в вотчину Московских князей и царей. Здесь располагался второй путевой дворец по дороге в Троице-Сергиеву лавру. Усадьба, от которой сохранились элементы планировки: рельеф, фрагменты старого сада, малые пруды, размещалась на острове, образованном от запруды рек Сукромки и Яузы в месте их слияния. От зданий сохранились лишь фундаменты. Благовещенская церковь 1677 в. относится к выдающимся произведениям Московской школы зодчества XVII столетия. Археологические исследования последних лет выявили на территории села средневековый культурный слой, а на территории острова-сооружения рубежа XV-XVI вв. и некрополь с древнейшим погребением, датирующимся 1541 г. (Чернов, 1992). К сожалению, по ряду причин памятник до сих пор на охрану не поставлен, существует реальная угроза от созданной на землях охранной зоны ярмарки, а также искажения историко-культурной среды в результате беспорядочной застройки села, не взятого под охрану. Планируемое строительство линии наземного миниметрополитена должно затронуть северную часть охранной зоны. Включение в 1999 г. в черту г.Мытищи Северной ТЭЦ грозит тем, что зоны охраны Тайнинского будут зажаты между промзоной и зоной новой жилой застройки города.

УСАДЬБА НИКОЛЬСКОЕ-ГАГАРИНО (Рузский район). Памятник истории и культуры XVIII-XIX вв. усадьба Никольское-Гагарино создана выдающимся зодчим второй половины XVIII века И.Е.Старовым (Завьялова, 1999). Усадьба расположена в 80 км от Москвы на берегу реки Озерны, вытекающей из ледникового Тростенского озера. Вид на него открывается с холма, на котором расположена Никольская церковь. Живописный величественный ландшафт образован сочетанием мощных холмов с долинами исчезнувших ледниковых озёр, в которые врезались реки Озерна, Тростня и Рассоха. Территория богата памятниками археологии, которые исследуются на протяжении последних 30 лет. (Сидоров, 1992). Надо отметить, что в этом отдалённом районе планировочная структура достаточно стабильна и не подвергалась натиску коттеджного строительства. Реальной проблемой является лишь появление садовых товариществ, которые возникли здесь в 1990-е годы. То же относится к окрестностям усадьбы Уваровых Поречье Можайского района.

Анализ трансформаций нескольких типов историко-культурных и природных ландшафтов ближнего и дальнего Подмоскovie позволяет

сделать некоторые выводы относительно отрицательных явлений и выявить их наиболее характерные стороны.

Главной из проблем являются трансформации, происходящие с различными категориями историко-культурного и природного ландшафтов ближнего и дальнего Подмосквья. Одна из основных причин нарушения исторической среды ближнего Подмосквья — дачное строительство. Интенсивный рост мегаполиса Москвы создаёт массу неудобств экологического и морального характера, препятствующих нормальной жизни в нем. В результате складывается гипертрофированная тенденция второго жилища. Безудержное увеличение транспорта загрязняет всё живое. К тому же столица привлекает к себе массы населения, вынужденного в поисках работы покидать родные места. Утрачивая базовые признаки города, Москва приобретает свойства системы расселения, постепенно включая в себя пригород. Ценнейшие национальные историко-культурные ландшафты ближнего Подмосквья разрушаются под натиском строительной индустрии, которая становится всё более свободной от принципов соразмерности и гармоничности с окружающим ландшафтом.

В соответствии с Законом об охране памятников истории и культуры (1978) и Инструкцией по организации зон охраны (1986) новый облик застройки в границах зон охраны должен быть согласован с органами охраны памятников. В реальности дело обстоит не так. В практике 1990-х годов наблюдалась полная свобода архитектурного самовыражения, без учета возможного изменения качества исторической среды. Получив участок, его владелец обращается в отдел районного архитектора и его направляют в органы охраны памятников, куда он приходит с готовым проектом, в который уже вложены средства. Органы охраны памятников поставлены в затруднительное положение. В проекте зон охраны указан регламент строительства, но его требования недостаточно детально разработаны (высотность в 1-2 этажа, материал стен — дерево и кирпич, скатная кровля). Во-первых, мало кто из застройщиков следует этим рекомендациям, во-вторых, их легко обойти. В результате в зонах регулирования застройки возникают 3-4 этажные безвкусные сооружения, уродующие живописный ландшафт Подмосквья. Классическим примером может служить строительство коттеджей на берегу р.Москвы рядом со Спасской церковью в селе Уборы Одинцовского района.

К отрицательным явлениям того же ряда относятся вывод (отчуждение) земель из хозяйственного оборота и продажа их под дачное

строительство в ситуации, когда земли культурного назначения как категория еще не заявлена органами охраны и не внесена в Единый государственный реестр земель (ЕГРЗ). В завершение необходимо констатировать полную незащищенность ландшафтов, не обладающих охранным статусом, но имеющих все признаки национального ландшафта.

Пути решения проблем охраны культурных ландшафтов Подмосковья:

1. Разработка системы мероприятий, включающих сферу охраны наследия, архитектурно-планировочную и землеустроительную деятельность, а также создание специальных структур по охране культурного ландшафта в системе местного самоуправления

2. Скорейшее принятие Федерального Закона Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) Российской Федерации.

3. Восстановление управленческой вертикали органов охраны памятников истории и культуры: районные органы, областные органы, ЦС ВООПИиК, Министерство культуры РФ. Созданию Государственного комитета по охране недвижимого историко-культурного наследия.

4. Активизация процесса утверждения ранее спроектированных зон охраны с их корректировкой, упрощение процесса согласования, сократив количество инстанций до 5-6 (органы охраны памятников, архитектурно-планировочные службы областного и районного уровней, местная администрация). Продолжить разработку зон охраны, предваряющих любые планировочные мероприятия на историко-культурных территориях. Обязательная публикация проектов зон охраны для обеспечения широкой информацией о них землепользователей и научной общественности. Утверждение программы по незамедлительному проектированию схем зон охраны всех памятников истории и культуры Московской области и других, активно развивающихся регионов, в масштабе 1:10000.

5. Предусмотреть для территорий, вошедших в зоны охраны памятников истории и культуры, необходимость разработки системы генеральных планов и схем застройки всех входящих в них зон регулирования застройки (населенных пунктов), с утверждением типов жилых домов, выполненных в стилистике, близкой к эпохе, на которую осуществляется мемориализация ландшафтов охранной зоны, и с учетом исторически сложившихся традиций данной территории.

6. Создание Национального Регистра культурных ландшафтов с распространением на них положения об обязательности разработки зон охраны и земель историко-культурного назначения до начала осуществления гражданского оборота земельных участков с тем, чтобы обеспечить выдачу органами земельного кадастра четких “обременений” на земельный участок, которые соответствовали бы режимам, утвержденным в проектах зон охраны.

7. Признание целесообразным создание Попечительских советов и Дирекций всех видов охраняемых территорий для обеспечения устойчивого традиционного земле- и природопользования. Рекомендовать органам местного самоуправления поддерживать инициативы местного населения в работе по охране памятников в качестве эффективного средства борьбы с правонарушениями и незаменимого в условиях тотального неисполнения положений Закона об охране памятников истории и культуры РФ.

8. Повышение приоритета ландшафтного планирования в ходе архитектурно-планировочной деятельности.

Литература

Бетин, 1989 — Бетин Л.В. Историческая справка к проекту зон охраны Погоста Покрова на Кремичне. Арх. Завьялова Н.И. М. 1989 (Архив треста “Мособлстройреставрация”)

Веденин, 1995 — Веденин Ю.А. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию России // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия / РНИИ наследия МК. М. 1995 г. С. 17.

Веденин, 1997 — Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. - СПб., 1997

Гарушьянц — Гарушьянц К.Ю. Природные истоки русской народной культуры. Этнически значимые элементы и символы природного окружения. В печати.

Завьялова, 1996 — Завьялова Н.И. Территория усадьбы в контексте окружающего её историко-культурного ландшафта. // Русская усадьба. №2 (18). - М. 1996 г. С. 231 - 232.

Завьялова, 1999 — Завьялова Н.И. Никольское-Гагарино // Наше наследие. N48, 1999, с.41-48

Максаковский, 1997 — Максаковский Н.В. Национальные парки в урбанизированных районах России. М., Рязань. 1997.

Паспорт на Комплексный памятник...1997 — Паспорт на Комплексный памятник истории и культуры 14-19 вв. Дворцовую усадьбу Тайнинское Мытищинского района Московской области. Арх. Завьялова Н.И. М. 1997 г.

Проект зон охраны..., 1989 — Проект зон охраны памятника истории и культуры 19 в. усадьбы Любимовка Алексеевых (К. С. Станиславского) Пушкинского района Московской области. Арх. Завьялова Н. И., искусствовед Бетин Л. В. С. М., 1989 (Архив треста "Мособлстройреставрация").

Родоман, 1995 — *Родоман Б.Б.* Эстетика ландшафта // Наука о культуре. Итоги и перспективы. - М. 1995.

Розенфельдт, 1980 — *Розенфельдт Р.Л.* Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 8116.

Сидоров, 1989 — *Сидоров В.В.* Археологические исследования окрестностей усадьбы Никольское-Гагарино // Проект зон охраны усадьбы Никольское-Гагарино Рузского района Московской области. Арх. Завьялова Н. И. М. 1989 (Архив треста "Мособлстройреставрация").

Станюкович, 1988 — *Станюкович А.К.* Отчёт об археологических исследованиях на территории усадебного парка в Середникове // Проект зон охраны памятника истории и культуры 18 - 19 вв. усадьбы Середниково. М., 1988 (Архив треста "Мособлстройреставрация").

Станюкович, 1989 — *Станюкович А.К.* Об археологических исследованиях Погоста Покрова на Кремичне 1989 г. // Проект зон охраны памятника истории и культуры усадьбы Погоста Покрова на Кремичне. М., 1989 (Архив треста "Мособлстройреставрация").

Чернов, 1992 — *Чернов С.З.* Научно-исследовательские работы по памятникам археологии села Тайнинского Мытищинского района Московской области в 1992 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1, не оприходован

Чернов, 1995 — *Чернов С.З.* Предпроектные историко-ландшафтные и археологические изыскания и разработка предложений по традиционной организации некрополя для проектирования кладбища г. Зеленоград у д. Рожки. 1995 // Архив Института археологии РАН. Р-1. не оприходован.

Шпенглер, 1993 — *Шпенглер О.* Закат Европы. - М. 1993 г.

Zavyalova, Kumachov, 1996 — *N.Zavyalova, Y.Kumachov.* The cultural-historical and natural landscape of Russia in its past, present and future. 33 IFLA WORD CONGRESS / International federation of landscape architects. Pr 2. - Florence - Italy. October 1996 P.678.

О.А. Новоселова

Экологический мониторинг: проблемы и перспективы, опыт работ территориальных подсистем Единой государственной системы Экологического мониторинга (ЕГСЭМ)

Современный подход к охране окружающей среды, к проблемам обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития территорий и страны в целом сформировал цели управления, которые ориентированы на комплексное управление природной средой.

Системно организованный мониторинг, ориентированный на информационное обеспечение комплексного управления окружающей природной средой (экологический мониторинг), призван:

— обеспечить постоянную оценку экологических условий среды обитания человека и живых организмов, а также выявить текущее состояние природных сред, биологических объектов (растений, животных, микроорганизмов и т.д.) и установить функциональную целостность экосистем;

— определить корректирующее действие в тех случаях, когда целевые экологические условия не достигаются;

— установить причины негативного воздействия на природные среды, и объекты геоэкосистемы, выявить антропогенные источники их возникновения до того, как будет нанесен значительный ущерб.

Одной из основных проблем России, препятствующих планомерному и скоординированному сбору и оценке экологической информации, является ведомственная разобщенность, разнородность, информационная несовместимость ведомственных систем наблюдения и сбора информации о состоянии окружающей среды.

С целью интеграции существующих в России ведомственных служб наблюдения за состоянием окружающей среды (включая службы наблюдения Росгидромета, Роскомвода, Роскомзема, Роскомнедра, ряда других министерств и ведомств), а также методологического, метрологического и информационного сопряжения Правительством РФ в ноябре 1993 г. принято Постановление "О создании Единой государственной системы экологического мониторинга".

В настоящее время более чем в 48 субъектах РФ развернуты работы по созданию территориальных подсистем ЕГСЭМ. В 20 регионах созданы и функционируют региональные информационно-аналитические центры, оснащенные современными компьютерными технологиями, включая ГИС-технологии обработки данных, формируется комплексная система мониторинга окружающей среды (включающей как абиотическую, так и биотическую компоненту).

Территориальные подсистемы экологического мониторинга должны учесть воздействие экологических факторов на памятники истории и культуры и предусмотреть создание подсистемы экологического мониторинга объектов культурного наследия.

Без комплексной, систематизированной информации о состоянии окружающей среды невозможно решение задач по сохранению и рациональному использованию уникальных историко-культурных территорий.

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразной координация действий Госкомэкологии России в организации работ по экологическому мониторингу объектов природного и культурного наследия.

*А.М.Амирханов,
В.Б.Степаницкий,
А.К.Благовидов*

Принципы и методы организации мониторинга биоразнообразия на особо охраняемых территориях

Управление природно-заповедным фондом страны является сложной многофункциональной задачей. Оно должно обеспечивать эффективную деятельность по сохранению особо охраняемых природных территорий (ООПТ), адекватную их состоянию и динамике, а также планомерное опережающее расширение территорий для заповедания по отношению к хозяйственному освоению регионов.

Сеть ООПТ продолжает развиваться с 1930-х гг. на них ведутся постоянные наблюдения за состоянием биотических компонентов природных экосистем. Эти исследования позволяют сделать вывод о ключевой роли ООПТ в сохранении биоразнообразия России. В настоящее время только в заповедниках в целом охраняется до 80% видового богатства высших растений, встречающихся на территории РФ, ок. 70% всего видового разнообразия млекопитающих и земноводных, более 80% видов птиц и почти все виды рептилий.

Для ООПТ высокого уровня, имеющих постоянно действующие научные отделы, задачи мониторинга биоразнообразия решаются в процессе выполнения комплекса постоянных наблюдений по унифицированным и стандартизированным методикам (для заповедников - на основе программы Летописи природы). В первую очередь при этом должны фиксироваться эффекты факторов, определяющих динамику природных комплексов.

Результатом анализа непрерывно получаемых данных являются рекомендации по поддержанию ООПТ в удовлетворительном состоянии. Эти рекомендации в свою очередь становятся основой для планирования режимных, хозяйственных и научных мероприятий. Благодаря такой схеме, деятельность персонала становится адекватной состоянию природных комплексов заповедников и его изменению.

Организация и ведение мониторинга ООПТ регионального и местного значения, не имеющих постоянного штата сотрудников, является неотъемлемой частью региональной стратегии заповедного дела и выполняется территориальными органами Госкомэкологии России. Его целью является обеспечение всех функций ООПТ таким образом, чтобы путем введения минимально необходимых ограничений, обеспечить сохранение природных территорий в условиях развития хозяйственной деятельности, а не в противодействии ей.

С.В.Чистов

Мониторинг территории на основе дешифрирования аэрокосмических снимков

Важным звеном в деле сохранения культурного наследия выступает разработка методических приемов определения и картографирования участков с наличием объектов археологического наследия. Наряду с традиционными методами исследования для этих целей предлагается использовать компьютерное дешифрирование материалов аэро- и космической съемки.

К настоящему моменту накоплен огромный опыт интерпретации аэрокосмических снимков на предмет определения объектов, в том числе расположенных в недрах земли. Особо это относится к серии многозональных снимков, выполненных в видимой части спектра и в инфракрасном диапазоне.

Наличие подобной информации различного масштаба и территориального охвата создает предпосылки для мониторинга археологических ресурсов на разных уровнях: от федерального до регионального и муниципального.

Такой контроль наряду с другими методами позволит стать основой управления, предупреждения возможного ущерба, разработки регламента природопользования, экспертиз проектов и, наконец, разработки государственной концепции (стратегии, программы) и правовых документов по культурному наследию.

О.В.Софеев

О некоторых принципах организации системы мониторинга за состоянием археологических объектов

Исходя из опыта работы по охране археологических объектов Новосибирской области и накопленного областным Комитетом по землеустройству опыта мониторинга за состоянием земельного фонда, представляется целесообразным при организации системы мониторинга археологических объектов придерживаться следующих принципов.

1. Мониторинг археологических объектов (МАО) является составной частью мониторинга за состоянием земель (МЗ) и окружающей природной среды (ЕГСЭМ) и строится на принципах совместности с системой МЗ России с учетом структуры, методики картографического обеспечения МЗ и наличия смежных тематических задач МЗ и МАО (водная и ветровая эрозия почв, заболачивание, береговая абразия, изменение границ землепользований и землеуладений и т.д.).

2. Объектом наблюдений МАО являются археологические объекты, зоны их охраны и занимаемые ими земельные участки. Система МАО строится на принципе выборочного базового (исходного), периодического (раз в 1-3 года) и экстренного (аварийного) мониторинга объектов. Базовый мониторинг проводится на основе первичного районного по типу, концентрации и топографии расположения археологических объектов, по составу и интенсивности разрушающих антропогенных и природных факторов (по уже имеющимся данным мониторинга земель и наблюдений за изменениями археологических объектов). Непременное условие проведения базового мониторинга — макси-

мально точное (в идеале — лицензированная геодезическая съемка) определение и нанесение на топооснову местоположения, плана и границ археологического объекта, закладка реперов для последующих периодических и экстренных (аварийных) наблюдений.

В.Ю.Соболев

Мониторинг памятников культуры и “детская археология”

1. **П**очти 30 лет, с 1970-х гг., в Петербурге, в Центральном Дворце пионеров и школьников (ныне Дворец творчества юных — ДТЮ) в Отделе краеведения и туризма существует кружок археологии. В его занятиях и выездах принимали участие несколько сот ребят, часть из них связали свою жизнь с гуманитарными науками. В 1980-е гг. возникли кружки при районных Дворцах пионеров, Центральной станции Юных туристов. Расширилась география работ экспедиций, накоплен опыт участия в раскопках и обследованиях. В последние годы многие кружки переживают тяжелые времена. В 1990-1995 гг. вместе с общим снижением числа экспедиций резко сократилось количество детских групп.

2. С 1996 г. наметился новый подъем “детской” археологии. Появляются кружки при районных Домах творчества юных, школах и гимназиях. ДТЮ, ИИМК, ГЭ проводят олимпиады по археологии. С 1996 г. СПбФ Института Наследия совместно с Гатчинским Комитетом по делам молодежи проводит детские археологические лагеря.

3. Участие в экспедициях. Активный отдых в сочетании с познавательными занятиями имеют огромное значение для воспитания подростков, всестороннего их развития. Формирование чувства сопричастности истории происходит не только на основе чтения научно-популярной литературы и пассивного участия в экскурсиях, а в результате трудовой и игровой деятельности.

4. Одно- и многодневные выезды. Во время выездов с целью ознакомления с памятниками истории и культуры осуществляется мониторинг памятников. Так в начале 1998 г. были зафиксированы разрушения курганной группы у дер.Естомичи Лужского района Ленинградской области и составлен Акт о разрушении памятника.

5. Сеть кружков и археологических лагерей способна выполнять научные задачи при соответствующей обеспеченности штатом археологов-профессионалов. На части территории Ленинградской области име-

ется сеть кружков, укомплектованных археологами-профессионалами, работающими в тесном контакте с органами охраны памятников, готовых для проведения мониторинга культурного наследия. Работы последних лет показали высокую эффективность “детской” археологии, которая может и должна стать одной из структур, непосредственно участвующих в охране археологического наследия.

А.С.Смирнов

О принципах и критериях археологического мониторинга

При определении целей и задач археологического мониторинга необходимо определить несколько принципиальных моментов.

1. Что является объектом археологического мониторинга — памятники, земли историко-культурного назначения или территория в целом.
2. Как разнятся приемы мониторинга в зависимости от характера воздействия окружающей среды на археологические памятники (естественное, антропогенное: механическое, химическое, радиационное и т.п.).
3. Принципы и критерии оценки воздействия окружающей среды на археологические объекты.
4. Принципы экологической безопасности археологических объектов и пути ее осуществления.

А.В.Энговатова

Информационно-справочные системы археологических памятников и возможности их применения в мониторинге (на примере памятников Павлово-Посадского р-на Московской области)

Информационные картографические системы активно используются в современной практике археологами. Возможно их эффективное применение для мониторинга археологических объектов. ГИСы стали, своеобразными базами данных, содержащих информацию о географии, геологии, растительности и других параметрах.

Наша работа дает пример создания электронных карт информационно-справочной системы археологического наследия Павлово-Посадского р-на Московской области.

Электронная карта обеспечивает локализацию археологических объектов различных типов: места древних поселений и могильников на территории района; зоны проведенных полевых разведочных изысканий, а также зоны для перспективных археологических исследований. Проанализирована пространственная локализация памятников: установлено плотное скопление мест раскопок относительно тех или иных географических пунктов, а также важность определения, в том числе и картографического, местонахождения конкретных (особенно точечных) объектов относительно микроформ рельефа, малых урочищ и других микроландшафтных образований.

Анализ исходных данных со стороны специалистов-археологов и картографов обусловил выводы о масштабе и принципах оформления электронной карты. В качестве базового выбран масштаб 1:50 000. Отобраны элементы общегеографического содержания: а) населенные пункты (с подразделением на города, поселки, дачные участки и др.); б) дороги (автомобильные, грунтовые проселки и др. шоссе); в) гидрография (с подразделением на естественную и антропогенную.); г) рельеф; д) растительный покров; е) административные границы областного и районного деления. Добавлены специфические археологические элементы: ж) памятники археологии; з) территории, обследованные археологическими разведками; и) особо перспективные территории для нахождения археологических объектов.

Созданная база данных предназначена для использования в районном Управлении культуры и список признаков ориентирован для этих целей. Информация о памятнике разделена на 6 блоков, внутри которых информация конкретизируется.

Пункт "состояние археологического памятника" дает возможность составлять карты сохранности археологических памятников района в разные годы и наглядно демонстрировать изменения, происходящие в настоящий момент в районе. т.е. осуществлять мониторинг.

Фактор, ликвидация памятника

наличие значительных повреждений памятника
е из них, которые являются объектами археологических исследований, со временем становятся объектами культурного наследия; решение поставленной задачи зависит от конкретных обстоятельств;

каждый год количество объектов

1. Несмотря на более чем столетнюю историю изучения памятников региона и значительное количество научных центров, территория области исследована неравномерно и в целом недостаточно.

2. Географическое положение области предопределяет наличие в ней различных ландшафтно-климатических зон как в меридиональном (таежно-лесная, лесостепная и степная зоны), так и в широтном направлениях (горная, предгорная, равнинная зоны); определяет значительное типологическое (поселения, стоянки, городища, селища, наскальные изображения, грунтовые и курганные могильники, места древних металлургических и металлообрабатывающих производств, святилища) и культурно-хронологическое (от верхнего палеолита до русской колонизации Урала) разнообразие объектов археологического наследия.

3. Общее число памятников — 281, объектов археологического наследия более 2200, большая часть из них выявлена исследованиями последних лет, раскопками изучено не более 5%. Инвентаризация объектов из-за недостатка финансирования была проведена в 1996 г. главным образом “кабинетным” способом.

4. Усилиями Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области и отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН НАЦ “Наследие” активизированы археологические исследования, в области создан Научно-методический Совет по сохранению археологического наследия, реализована база данных (в среде Microsoft Access) по объектам археологического наследия, готовятся пакет региональных нормативно-правовых актов и законов, регулирующих вопросы выявления, сохранения и использования историко-культурного (археологического) наследия области.

В.И.Гордеев,
Ю.А.Зеленев,
А.И.Мухеева

Мониторинг археологического наследия в Республике Марий Эл

Обобщение опыта отслеживания состояния археологических памятников на республиканском уровне позволяет сделать вывод о первичности информации как главного составляющего звена мониторинга.

В первую очередь — это составление банков данных и на их основе — археологических карт региона. После решения этой задачи выявляется необходимость доведения этих данных до конкретных пользователей земель и выработки механизмов, позволяющих влиять на их деятельность, касающуюся сохранности археологического наследия.

И то, и другое в большинстве случаев возможно только через промежуточное звено, каковым является аппарат районных администраций.

Во всех случаях желательно установление прямых контактов республиканских органов охраны памятников истории и культуры с местными отделениями Министерства культуры, ВООПИК, музеями.

Желательно также установление контактов с планирующими организациями, т.е. районными и городскими архитекторами, организациями, занимающимися проектными работами. Установление с ними стабильных отношений позволило бы решить большую часть проблем, касающихся согласования земляных работ с органами охраны памятников. В первую очередь это характерно для исторических городов, имеющих обширный по площади средневековый культурный слой, расположенный как правило в центре города.

Среди антропогенно обусловленных, разрушающих археологические памятники факторов, на первом месте стоят водохранилища (Чебоксарское, Куйбышевское и др.). Это длительно действующий фактор, ликвидация нарушающих последствий которого предполагает наличие значительных денежных средств. Опыт показывает, что те из них, которые закладываются при проектировании подобных сооружений, со временем оказываются недостаточными для удовлетворительного решения поставленных задач. Здесь выделяются три обстоятельства:

— каждый год количество открытых памятников увеличивается;

— если ложе водохранилища более-менее хорошо исследуется, то памятники, расположенные на его реальной береговой линии, чаще всего не принимаются проектировщиками в расчет как разрушающиеся;

— реальные затраты на исследование памятника могут превысить заложенные в первоначальную смету (глубина раскопов, возможные конструкции, особенности грунта, погодные условия и т.д.).

Для согласования археологических исследований с органами охраны памятников и предотвращения бесконтрольных раскопов целесообразно на республиканском уровне составление списков памятников с их разделением на группы по принципу разрушаемости (“группы риска”). В первую группу входили бы памятники, исследование которых необходимо в ближайшие 2 года, во вторую — 5 лет и т.д. От этого можно было бы отталкиваться и принимать во внимание при выдаче открытых листов и согласовании работ с органами охраны памятников, а также при финансировании программ и использовании средств, находящихся в распоряжении НПЦ, НПУ и других подобных организаций.

В свете этого выявляется проблема мониторинга в уже утвержденных охранных зонах городов, музеев-заповедников, охраняемых природных территориях. Археологические исследования целесообразно проводить только при создании прямой угрозы существованию памятника и за счет заказчика (т.е. организации-собственника стройки и т.п.). Часто складывается ситуация, когда исследуется памятник, состояние которого не будет вызывать опасений еще в ближайшие 50-70 лет. В то же время нет средств для исследования памятника, находящегося в аварийном состоянии.

Исправить эту ситуацию можно только в результате согласованных действий Отдела полевых исследований ИА РАН, органов охраны памятников и научно-исследовательских организаций, занимающихся археологическими исследованиями.

Археология Петербурга и региона и мониторинг культурно-исторического наследия Северо-Запада России

Санкт-Петербург — мегаполис России в Балтийском пространстве Европы в течение последних трехсот лет развивается как высшее проявление европейского и евразийского урбанизма, объект Всемирного наследия. В ходе этого развития разворачивается культурный потенциал историко-культурной зоны российского Северо-Запада. Его актуализация закреплена последними решениями Совета Федерации (26.01.1998), определившими авангардную роль Санкт-Петербурга и Ленинградской области в перспективе развития реформируемой России.

Потенциал историко-культурной зоны (ИКЗ) Северо-Запада — итог его тысячелетнего освоения с древнейших времен, в последнем тысячелетии в интенсивном этнокультурном взаимодействии славян (русских) с финнами, балтами, скандинавами. Базовый фактор этого взаимодействия — процесс урбанизации (“городская революция” в терминах первобытной археологии и ранней истории), определивший тысячелетнюю преемственность ее ведущих центров: Старая Ладога (с сер. VIII в.) — Новгород Великий (с сер. IX в.) — Санкт-Петербург (с 1703 г.).

Раннесредневековая урбанизация Руси — закономерный итог хозяйственного, аграрного освоения ландшафта, истории заселения (Siedlungsgeschichte, settlement archaeology, демогенез) и формирования локальной историко-культурной общности, с IX в. опознаваемой как “Русь Рюрика” (РР), чьи раннегородские центры, контролируя водный “Путь из Варяг в Греки” (ПВГ), сыграли ведущую роль в формировании “Балтийской цивилизации эпохи викингов” (БЦ). Культурные объекты РР-ПВГ-БЦ составляют основу всех последующих трансформаций вплоть до современного и будущего состояния ИКЗ Северо-Западной России и Балтийского региона Северной Европы. Археологическое изучение этих двух объектов проводится на взаимосвязанных уровнях: *Peterburgica* - *Regionalistica* - *Fenno-Slavica* - *Scandobaltica*.

Те же уровни определяют мониторинг всех видов культурно-исторического наследия (от архитектурного до лингво-ментального), объединяемых в междисциплинарном синтезе регионалистики. Мониторинг должен обеспечить решение задач: 1) фундаментального

исследования и сохранения, 2) актуализации и эффективного использования, 3) педагогики и формирования социокультурного самосознания (ментальности) следующих поколений россиян, по всей иерархии центров (от мегаполиса до сельских полисов), определяющих место России в мире.

*А.Г.Векслер,
Л.В.Кондрашев*

Система мониторинга памятников археологии в г.Москве

В Москве основная доля разрушительных для памятников археологии факторов относится к антропогенным. Активная жизнедеятельность современного мегаполиса ставит под угрозу сохранение уникального культурного слоя столицы. Для обеспечения установленной законодательством защиты археологических памятников в структуре УГК ОИП г.Москвы с 1989 г. действует Центр археологических исследований (ЦАИ). Основной упор в регламентации разнообразной хозяйственной (в основном строительной) деятельности делается на предварительную и подготовительную стадии, т.е. проектирование. Опираясь на нормативно-правовую документацию Правительства Москвы, ЦАИ проводит согласование на всех стадиях проектов, предусматривающих любые земляные работы в зоне памятников археологии. Как правило, проектным организациям на основе историко-археологического опорного плана (стадии ТЭО) рекомендуется планировать земляные работы таким образом, чтобы вред, наносимый культурному слою, был сведен к минимуму. В дальнейшем ЦАИ разрабатываются специальные Проекты охранных археологических мероприятий. Контрольной стадией является согласование “Ордеров на право ведения земляных работ”. Важной частью мониторинга является комплекс охранных натуральных работ и исследование стратиграфических данных. В ЦАИ действует инспекторская служба, в задачи которой входит постоянный контроль за состоянием известных памятников археологии. В процессе разработки находится Информационно-поисковая система “Архео-Москва”, содержащая блок машиночитаемых данных по состоянию памятников и проблемам охранной археологии в столице.

Археологический мониторинг — необходимое условие в системе охраны памятников

Современное состояние археологического наследия плачевно и нет ни малейшей уверенности в том, что в ближайшем будущем оно может существенно улучшиться. Мой личный тридцатилетний опыт полевой работы на памятниках верхнего палеолита в Ростовской области, расположенных на охраняемых современными законами землях археологического заповедника “Танаис”, показывает что только активное личное вмешательство археолога-исследователя в любые процессы современного хозяйственного землепользования помогает на протяжении многих лет сохранять относительное равновесие в степени сохранности памятников.

Многолетние наблюдения за степенью сохранности культурного слоя палеолита степной зоны, находящегося на глубине около 1,5-2 м от современной дневной поверхности, показывают, что основными сберегающими факторами являются здесь целостность верхнего почвенного горизонта и стабильного сохранения тех растительных сообществ, которые характерны для этого района. Глубокая вспашка, снятие чернозема вызывают различные эрозийные процессы, приводят к резкому изменению химизма почвенных процессов, изменению деятельности роющих животных и биоты, что вызывает существенные нарушения в сохранности органических компонентов культурного слоя и в частности особенно губительны для фаунистических остатков, которые зачастую несут значительную часть археологической информации о палеоэкологии. Мне представляется, что эти наблюдения справедливы и для культурных слоев других эпох, особенно если они богаты органическими культурными остатками. Не менее пагубны и резкие нарушения привычного водного режима, которые происходят в основном из-за хозяйственной деятельности человека, так как они вызывают все те же изменения растительного покрова и все последующие изменения в жизни почвенного слоя, и, кроме того, сильно влияют на структуру более глубоких литологических пластов, вмещающих и подстилающих культурные слои. Разрушения памятников, происходящие вследствие чисто механических процессов (строительные котлованы, прокладка дорог и т.п.), более очевидны и хорошо известны — их легче заметить и легче предотвратить. Мне же хотелось обратить внимание на более скрытые глубинные процессы, которые необходимо учитывать, разра-

бывшая программы контроля действительной охраны памятников, которая по отношению к памятникам каменного века (например, памятники Костенковско-Боршевского района или памятники каменнобалковской культуры в Нижнем Подонье) должна непременно учитывать охрану целостности микрорельефа и растительных ландшафтов.

М.В.Климов

Археологический мониторинг памятников административного района (Полоцкий район Беларуси)

Общеизвестно, что в археологии Восточной Европы редко используется метод тотального обследования небольших районов. На примере конкретной административной единицы - Полоцкого района Беларуси автор предлагает 3-х этапную схему археологического мониторинга.

1 этап. Всестороннее обследование района.

1.1 Изучение всех письменных источников и картографических материалов по данному району.

1.2 Сплошное обследование методом пеших разведок всех водоемов, населенных пунктов возвышенностей.

1.3 Фиксация всех легенд, преданий, микротопонимов.

1.4 Составление карты всех “заповедных мест”.

2 этап. Проведение охранных мероприятий наследия.

2.1 Взаимодействие с районным отделом по землеустройству с введением обязательной археологической экспертизы проектов.

2.2 Проведение лекционно-просветительской работы в строительных организациях.

2.3 Постановка в известность обо всех памятниках микрорегионов сельсоветы и руководство колхозов, совхозов, фермерских хоз-в.

3 этап. Популяризация знаний об археологическом наследии.

3.1 Осуществление лектория в школах города и района.

3.2 Реконструкция памятников археологии.

3.3 Разработка туристических историко-познавательных маршрутов по древним местам с использованием методики ролевых игр.

3.4. По итогам периодических наблюдений корректируется схема районирования археологических объектов, классификация разрушающих факторов, проводится (при необходимости) дополнительный базовый мониторинг, разрабатываются прогнозы изменения со-

стояния разрушающихся объектов, вносятся коррективы в режим их охраны и использования.

А.М.Илюшин

О разрушении археологических памятников на территории Кемеровской области

По результатам полевых исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККЭЭ) в 1993-1998 годах на территории Кемеровской области были открыты и картографированы более 100 археологических памятников. На момент исследования состояние памятников оценивалось по трем позициям: хорошее, удовлетворительное и аварийное. Последняя категория, в количественном отношении, составляет подавляющее большинство — приблизительно 85 процентов от всего числа картографированных археологических памятников. Кроме этого, необходимо отметить, что ККАЭЭ проводились поиски и картографирование археологических памятников, открытых ранее другими исследователями и вошедшими в “Свод археологических памятников Кемеровской области” (*Кулемзин, Бородкин 1989*). В результате этой работы были установлены многочисленные факты полного уничтожения археологических памятников в целом, или отдельных объектов, расположенных на его площади (*Илюшин 1996*). По отдельным, особенно урбанизированным и освоенным промышленностью районам, зафиксированы факты уничтожения до 70 процентов известных ранее и поставленных на государственный учет археологических памятников.

Такое плачевное состояние археологической части историко-культурного наследия Кузбаса напрямую связано с разрушением историко-археологических ландшафтов. К этому привело:

— массивное хозяйственное освоение этих территорий со стороны промышленного и аграрного комплексов в 1930-80-е годы;

— увеличение земельных угодий, задействованных в современной хозяйственной деятельности, и волна земельных переделов начала 1990-х годов;

— отсутствие профессиональной службы по охране и использованию памятников археологии Кемеровской области;

— попустительство, бесконтрольность и игнорирование информации по археологическому наследию районными отделами по землеустройству.

Инвентаризация и проект зон охраны как основа организации мониторинга археологических памятников

С 1993 по 1997 годы, в основном на средства НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, была проведена инвентаризация археологического наследия Новосибирской области. Всего на данный момент проинвентаризировано 25 районов из 30, что позволяет сделать первые выводы о результатах инвентаризации и ее значении для сохранения археологических памятников и перспектив ведения их мониторинга.

1. Инвентаризация показала, что в результате народнохозяйственной деятельности и природных факторов из 1141 памятника разрушено 235. Эти цифры свидетельствуют о значительных разрушениях и поэтому говорят об актуальности мониторинга археологического наследия.

2. Инвентаризация проводилась таким образом, что на каждый археологический памятник и объект составлялся акт технического осмотра, подписываемый Госорганом и пользователем земли. В акте также отражались юридический адрес, местонахождение, площадь, состояние археологического памятника и его зоны охраны на момент обследования. На наш взгляд, такая методика работы может являться основой для составления начальной базы данных для мониторинга памятников археологии.

3. Итоги инвентаризации использовались для разработки проекта зон охраны археологических памятников административного района, без чего также невозможно проведение мониторинга археологических памятников, так как проект зон охраны целого административного района позволит принимать решения о сохранении археологического наследия не по каждому конкретному памятнику отдельно, а комплексно, что значительно сэкономит и без того скудные средства, выделяемые на проведение охранных работ.

Вопросы оценки эрозионного риска археологических памятников побережья Юго-Восточной Чукотки

В рамках комплексной программы инвентаризации и оценки современного состояния археологических памятников Восточного побережья Чукотки самостоятельный интерес представляет оценка угрозы эрозионного разрушения объектов археологического наследия под влиянием естественных и антропогеннообусловленных процессов береговой зоны моря. Проблема оценки сохранности археологического наследия прибрежных территорий дополнительно актуализируется в связи с существующими прогнозными оценками глобального изменения климатических условий в результате проявления “парникового эффекта” и связанным с ним ускорением подъема уровня Мирового океана, амплитуда ожидаемого повышения уровня может составить от 0.7-1.5 м к концу XXI столетия.

Вопросы оценки эрозионного риска для археологических памятников береговой зоны в рамках более общей проблемы потенциала сохранности археологического наследия побережий в условиях воздействия естественных и антропогенных факторов рассматривались Д.Хопкинсом (1981) для района м.Крузенштерна (СЗ Аляска), различных участков Средиземноморского побережья (Крафт, 1983, 1985), а так же для различных участков побережья Англии (Лонг, Робертс, 1995). В отечественной литературе оценка сохранности памятников классического периода на Таманском побережье Черного моря проведена в работе Я.Паромова (1997). В данном сообщении в порядке постановки проблемы рассматриваются вопросы оценки современного состояния и перспектив сохранности комплекса древнеэскимосских памятников на побережье Восточной Чукотки. В частности, первостепенный интерес представляют вопросы прогнозных оценок морфодинамического развития берегов под влиянием природных и антропогенных факторов, выделение социокультурных зон риска, в которых ожидаются существенные нарушения современного ландшафтного облика побережья, а также разработки методических вопросов комплексной оценки условий сохранности объектов археологического наследия в современных условиях развития береговой зоны побережья Чукотки и ее волюции в будущем.

К проблеме сохранения археологических памятников Азовского побережья Таманского полуострова

Археологические памятники побережья Тамани разрушаются под воздействием антропогенных и природных факторов. В меньшей степени это касается антропогенного воздействия, хотя перестройка земельных отношений в стране требует осторожного подхода к использованию Азовского побережья.

Более опасны по своему воздействию природные процессы. Продолжается абразия участка берега от основания косы Чушка до мыса Пеклы. По подсчетам специалистов, в послеледниковый период она уничтожила участок побережья шириной от 2,5 до 3 км. Установлено, что до 40-х гг. участок побережья продолжал отступать со скоростью 1-2 м в год, а начиная с 50-х гг. скорость абразии и оползней снизилась. Еще один крупный выступ берега находился на месте современной Темрюкской банки, восточнее его тянулась песчаная коса, но когда уровень моря достиг отметки — 2-3 м от современного, мыс и коса были разрушены, образовались открытые морские заливы, куда стала впадать Кубань. С выдвиганием дельты стала формироваться Голубицкая терраса. Новое ускорение новочерноморской трансгрессии вызвало резкую активизацию абразии коренного берега Тамани, которая разрушила частично или полностью археологические памятники в береговой зоне.

В настоящее время береговая абразия на участке от дельты Кубани до основания косы Чушка незначительна, т.к. процесс перестройки таманского берега сейчас в стадии затухания, что связано с выравниванием берегового контура. Для сохранения археологических памятников на побережье требуется координация работ по проведению берегозащитных мероприятий и охранных археологических исследований.

К.Ю.Ефимов

Охрана археологических памятников в Воронежской области

В Воронежской области учтено 1647 археологических объектов, из них поставлено на госохрану 1342. Известно еще более 500 памятников археологии, на которые отсутствует первичная учетная документация. В Земельном кадастре зарегистриро-

ваны земли историко-культурного назначения (археологические) 17-ти административно-территориальных районов области общей площадью 2319,15 га. Ориентировочная площадь таких земель остальных 15-ти районов составляет ок. 2000 га. В настоящее время работа по регистрации остановлена из-за отказа в финансировании этих работ. Общая площадь историко-культурных земель (археологических) Воронежской области после проведения дополнительных исследований может превысить 6000 га.

Наибольший ущерб археологическому наследию области традиционно наносится дорожным, газопроводным и мелиоративным строительством. В последние годы ущерб памятникам археологии наносит дачное строительство. Особо следует отметить появление профессиональных грабителей курганов. Во всех случаях работа по сохранению археологического наследия осложнена отсутствием прочной законодательной базы и сложностями в процессе привлечения нарушителей к ответственности.

Исходя из сложившейся ситуации Госинспекция ОИKN Воронежской области ведет работу в следующих направлениях:

1. Обследование зон различных строителств.
2. Картографирование археологических объектов на картах масштабом 1:10000.
3. Заключение охранных обязательств на памятники археологии с пользователями земель при помощи системы региональных инспекторов.
4. Контактная работа с землеустроителями и правоохранительными органами.

Для упорядочения работы в области охраны археологического наследия необходимо включение специально уполномоченных органов охраны памятников в перечень организаций, с которыми обязательно согласование передачи земель в пользование или владение.

В.Н.Ковалевский

Мониторинг памятников археологии на примере Семилукского района Воронежской области

3 а всю историю археологических исследований в Семилукском р-не (Донское правобережье) выявлено около 100 памятников, на некоторых проводились раскопочные работы.

Тем не менее, на охрану поставлены лишь 1 городище и 4 поселения. Следовательно, создается парадоксальная ситуация: в регионе с богатейшим археологическим наследием (разведками обследована едва ли четвертая часть территории) под охранные мероприятия могут попасть лишь пять объектов.

2. Исходя из сегодняшних реалий, надо признать, что система действенных мер по мониторингу, должна включать в себя тесное сотрудничество с органами местного самоуправления и, прежде всего, с комитетами по земельным ресурсам. Она подразумевает представление комитету первичной информации о всех известных археологических объектах в виде карты памятников Госинспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области с 1993 года. Через определенный временной промежуток станет возможным более продуктивно подходить к разработке контролирующих программ — следующей ступени мониторинга.

*Л.В.Лбова,
Ю.А.Анисимова*

Перспективы и возможности создания системы археологического мониторинга в Бурятии

Археологическое наследие Бурятии, отражающее развитие культур древности в различных биогеоландшафтах Забайкалья, является значительной частью историко-культурного наследия республики в целом. Потребность в разработке методологии и методики археологического мониторинга продиктована современной ситуацией в природопользовании региона и изменением статуса озера Байкал как участка мирового наследия. Задачами мониторинговой системы предполагаются зонирование по археологическим микрорайонам (на основании электронной версии Археологической карты Бурятии (проект РГНФ 96-01-000529)), создание Кадастра земель историко-культурного назначения побережья оз.Байкал, типологии и ранжированию территорий по приоритетному наблюдению, выявление закономерностей проявления природных и антропогенных процессов и использование данных для управления такими территориями. Особое внимание предполагается уделить формированию баз данных в текстовом, цифровом и графических режимах с использованием возможностей современных геоинформационных технологий.

*А.Д.Пряхин,
Ю.Д.Разубаев,
М.В.Цыбин*

Микрорегион археологических памятников “Вантит” на северной окраине г.Воронежа

Экспедиция Воронежского госуниверситета в течение пяти полевых сезонов провела сплошное обследование микрорегиона правого берега р.Воронеж протяженностью 11 км. Микрорегион входит в черту города и занят Воронежской нагорной дубравой, представляющей собой памятник природы. Здесь расположены памятники боршевского типа последних веков I тыс. н.э. (Кузнецовское и 1-е Белогорское городища, Лысогорский, 1-й и 2-й Белогорские курганные могильники) и средневековое городище “Михайловский кордон”, связываемое с г.Вантит арабских авторов.

Сплошная шурфовка берега реки и устьевых участков балок позволила составить подробную археологическую карту микрорегиона. Наряду с городищами и курганными могильниками зафиксирована серия селищ, что позволило связать все памятники древнерусского времени в единый комплекс и тем самым выйти на новый уровень осмысления проблемы Вантита. Проведенные работы позволили выйти на постановку вопроса о придании микрорегиону статуса уникальной археологической территории.

Б.Е.Янишевский

Археологические карты и мониторинг памятников

Опыт работы над археологической картой многих областей России и, в частности, Московской области показал, что до сих пор многие памятники археологии не имеют точного местоположения, а вся документация по ним не дает полной информации о памятнике, в том числе и о его точном местонахождении. Поэтому, говорить о контроле за всеми памятниками любого региона в полном объеме не приходится. Отсутствие “точки на карте” приводит к тому, что строительные и проектные организации, привыкшие работать с топографическими картами, не учитывают расположения памятников археологии. В последние годы появилось много археологов, работающих с хорошими картами и даже приборами определения координат. Однако в этом деле нет унификации. Не выбран формат карт, на котором должны быть представлены

памятники района, области. Не решено, как должны быть отображены памятники (в масштабе, вне масштаба). Необходимо на государственном уровне решить эти вопросы, в том числе и централизованное обеспечение археологических и охранных организаций картами. На современном уровне только “бумажное” представление археологических карт уже невозможно. Неудобно также постоянно вносить изменения на археологические бумажные карты. Необходимо создавать археологические электронные карты, постоянно внося в них изменения по мере открытия новых памятников или уточнения данных по старым. Однако электронные карты с векторным представлением топоосновы неточны (особенно при увеличении), а растровый вариант карт занимает очень много места на диске, поэтому электронная карта не должна (или почти не должна) содержать топоосновы. Памятники могут быть описаны как точки с определенными координатами (сейчас имеются соответствующие приборы, координаты снимаются и с карт системы 1942 г.). При распечатывании на пленку любого куска карты ее можно масштабировать до нужного формата и накладывать на чистую подоснову. При этом не портится подоснова и не накапливаются устаревшие археологические карты. Кроме того, можно получать археологические карты любого масштаба очень быстро. С каждой точкой памятника можно связать стандартную таблицу описания памятника, которую можно было бы представлять параллельно в печатном и в электронном виде, обновляя ее при каждом новом обследовании. Примером такой таблицы может служить бланк описания памятника археологии, разработанный коллективом авторов при участии Б.Е.Янишевского, С.З.Чернова и Н.А.Кренке в 1992 году. Сейчас база данных о памятниках археологии только г.Москвы и центральной части Московской области содержит более 1000 описаний, что составляет около трети всех известных памятников области.

Н.А.Кренке

Наблюдение за памятниками железного века и древнерусского времени на территории Москвы за 200 лет

Фиксация археологических объектов на территории Москвы была начата в середине XVIII в. (карты Генерального межевания). Серия более поздних карт масштаба 200

саженей - 1 верста в дюйме 1816, 1826 гг. и, особенно, карта съемки 1838-1839 гг. являются уникальными источниками информации о десятках древнерусских курганных группах. До недавнего времени археологами почти не использовались по причине секретности топографические карты города масштабов 1:2000-1:25000, основанные на съемках 1930-1970-х гг., которые также несут информацию о десятках археологических объектов.

Описания памятников археологии Москвы, выполненные специалистами-археологами или любителями (примерно половина паспортов 1940-х гг. подготовлена школьниками), как правило, превосходят топографические карты по детальности описаний самих объектов, но обычно весьма приблизительны при локализации памятников на местности.

Сравнительное изучение всего массива порой противоречивой документации об археологических памятниках Москвы позволило с достаточно высокой точностью локализовать около 40 объектов железного века (сохранилось около 20) и 180 древнерусского времени (сохранилось ок. 60), проследить их "жизнь" на протяжении последних 50-200 лет. Результаты длительного мониторинга позволяют сделать вывод, что основным фактором, способствовавшим сохранению памятников, являлось их нахождение на охраняемых, заповедных территориях (парки, лесопарки, заповедники, территории воинских частей). Другой вывод заключается в том, что даже хорошо исследованные объекты (городища Дьяково или Кунцево) продолжают преподносить научные "сюрпризы" при их рекогносцировочных повторных обследованиях. Новые находки и наблюдения вносят коррективы даже в результаты многолетних раскопок.

В.Л.Ивченков

Ретроспективный мониторинг как метод охраны археологических памятников в Волоколамском районе Московской области

Мониторинг археологических памятников северной части Волоколамского района Московской области охватывает период последних 20 лет. Большой частью мониторинг проводился автором доклада в связи с инвентаризацией археологических памятников, которую Комитет по культуре Московской области намечал провести в 1993-1997 гг. Влияние человека, его хозяйственная

деятельность частично либо полностью лишают археологические памятники их главного содержимого — культурного слоя. Для охраны памятников важно знание ландшафтной ситуации, плотности заселения территории, специфики хозяйственной деятельности.

Мониторинг на территории Волоколамского района осуществлялся на 47 памятниках: 33 позднесредневековых селищах, 7 городищах железного века, 1 могильнике бронзового века, 1 курганной группе XI-XIII вв., на 5 древнерусских памятниках.

Оценивая ситуацию с промежутками в 10 лет (конец 1970-х, конец 1980-х, конец 1990-х гг.), отметим полностью уничтоженные песчаными карьерами: в конце 1970-х гг. — грунтовый могильник у деревни Новлянское, в 1980-е гг. — городище железного века у д.Мушино и почти полностью — курганный могильник XI-XIII вв. у д.Никита Великий. В 1990-е гг. под угрозой уничтожения находится селище Лама-1 — генетический предшественник древнейшего города Московской области Волока Ламского. Селище расположено на северо-западной окраине г.Волоколамска. В конце 1980-х гг. часть селища разрушена строительством дороги к гаражам, а в настоящее время его территория попала в зону самозахвата и разрушается возведением сараев с погребями. Практически все позднесредневековые селища находятся на территории современных сел и деревень и имеют повреждения верхней части культурного слоя. Не подвержены антропогенному воздействию находящиеся в стороне от населенных пунктов городища железного века. Сохранности памятников археологии помогает и достаточно строгое соблюдение правил использования природоохранных зон, в которых встречаются памятники.

Ретроспективный анализ позволяет оценить негативное воздействие человека на состояние памятников археологии.

М.И.Гоняный

Предварительные результаты мониторинга археологических памятников в Подольском районе Московской области

В 1997 г. по заданию Комитета по культуре Администрации Московской области начата инвентаризация памятников археологии в Подольском районе в междуречье рр.Пахра и Моча на площади ок. 110 км². Ряд памятников претерпел различные изменения и разрушения в результате строительного-хозяйственной деятель-

ности. Из 100 обследованных памятников археологии при строительных работах уничтожено 7 памятников; 16-ти объектам грозит гибель в результате заполнения чаши строящегося Пахринского гидроузла. Природные факторы негативно влияют на сохранность 6 поселений.

Дальнейший контроль за состоянием памятников археологии целесообразно проводить по следующей схеме: во-первых, распределить памятники по "группам риска" по разрушающим факторам; во-вторых, установить периодичность мониторинга памятников в зависимости от скорости и активности разрушающих процессов; в-третьих, наладить процесс отслеживания и проведения экспресс-мероприятий охранного характера в отношении памятников, которым грозят разрушения антропогенного характера.

*В.Я.Конечный,
Е.В.Торопова*

Формирование информационной базы для системы охраны памятников археологии Новгородской области

Особенность формирования системы охраны памятников Новгородской области обусловлена выделением в качестве самостоятельной административной единицы только в 1944 г. Это обстоятельство, а также общие негативные тенденции в деле охраны памятников в предвоенный период фактически обусловили разрыв традиций в данной сфере. Формирование источниковой базы (паспортизация памятников) началось, фактически, заново. В этом процессе выделяется несколько этапов.

Р у б е ж 1 9 4 0 - 1 9 5 0 - х г г. К паспортизации был привлечен широкий спектр лиц от сотрудников областного отдела культуры до заведующих избами-читальнями на местах. При этом, вследствие недостаточного профессионализма, не были востребованы существовавшие наработки. Полученный комплект документации отражал не истинную картину археологического наследия, а народные представления о памятниках.

С е р е д и н а 1 9 6 0 - х г г. К паспортизации привлекаются местные научные кадры и краеведы. Особый вклад внес преподаватель НГПИ С.Н.Орлов. Было выявлено значительное количество памятников и уточнены данные по известным объектам. Недостатком явилось отсутствие единой системы в документации и нередкие факты формального подхода в связи с широким привлечением студентов.

Вторая половина 70-х - начало 1980-х гг. Паспортизация проводилась в связи с попыткой создания областных сводов памятников истории и культуры. Координация и выполнение основного объема работ были возложены на сектор сводов ИА АН СССР. При всех положительных сторонах этой паспортизации основными недостатками являются: стремление к увеличению количества паспортов путем искусственного дробления крупных комплексов, некачественное оформление документации, слабая проработка библиографического материала и т.п. Работа так и не была закончена. Отчасти недостатки были устранены в ходе инвентаризации памятников археологии в начале 1990-х гг.

Состояние информационной базы области нельзя считать удовлетворительной для нормального функционирования системы охраны памятников. Выходом из создавшейся ситуации может стать создание электронной информационной базы, которая могла бы быть выполнена на базе лаборатории археологии Новгородского государственного университета.

*Г.А.Зайцева,
А.В.Есенин*

Комплексный мониторинг культурного и природного наследия в музеях-заповедниках

Сохранение и восстановление уникальных культурно-природных комплексов, связанных с отечественной историей и культурой — важнейшее направление деятельности музея-заповедника. Это означает расширение экспозиционного пространства за счет использования всех возможностей и особенностей уникальной территории музея-заповедника, включающей антропогенные и природные экосистемы: леса, реки, озера, луга, парки, сады и др. Условие нормального существования объектов культурного наследия в полноценной природной среде требует выполнения музеем-заповедником функций обеспечения сохранности всего природно-территориального комплекса. В качестве первоочередных мер на историко-культурных территориях предполагается разработка и осуществление следующих крупных блоков мероприятий:

— оценка природно- и культурно-ресурсного потенциала территории и разработка экологического паспорта уникальной историко-культурной территории;

— передача дирекции музея-заповедника прав контроля за культурным наследием и природной средой;

— организация и внедрение системы экологического мониторинга на территории музея-заповедника и его охранной зоны;

— восстановление и поддержание исторических природных комплексов, включая лесные и агроценозы, систему прудов и т.д.

Специального научного подхода требует проблема комплексного мониторинга, постоянного слежения за состоянием объектов наследия. Его задачей является:

— историко-культурный мониторинг — слежение за состоянием памятников истории, культуры, археологии, искусства, традиционной культуры и т.д.

— экологический мониторинг — слежение за состоянием окружающей среды, за природными и техногенными факторами, определяющими внешние воздействия на объекты культурного наследия.

— социокультурный мониторинг — слежение за жизнедеятельностью местного населения и его отношением к разработке и реализации проектов на охраняемой территории. В настоящее время Центром экологических проблем сохранения наследия разработан проект Экологического паспорта музея-заповедника, что является первым шагом к организации и внедрению комплексного мониторинга в музеях-заповедниках.

*М.И.Гоняный,
В.П.Гриценко,
А.К.Зайцев*

Специфика контроля за состоянием и использованием памятников археологии на территории военно-исторического и природного музея-заповедника “Куликово поле”

В связи с созданием военно-исторического и природного музея-заповедника “Куликово поле” актуально проведение систематического мониторинга археологических памятников, т.к. на охраняемой территории их выявлено 104. Система контроля археологического наследия Куликова поля в стадии разработки. Можно предложить два уровня его проведения.

Первый предполагает натурное обследование и инвентаризацию объектов. Второй уровень направлен на разработку и осуществление

программ контроля за состоянием памятников. Это, в первую очередь, выделение 13 урочищ, включающих исторические, археологические, архитектурные и природные памятники. Важной является группировка памятников по естественным разрушающим факторам. Необходима разработка критериев, допускающих возможность их использования в научно-исследовательской, музейной, экскурсионной деятельности.

В рамках второго уровня мониторинга намечены основные виды контроля за памятниками археологии. Отмечается важность разработки методики изучения сельских памятников района Куликова поля для выработки приемов и программ мониторинга археологического наследия.

Г.С.Мартынова

Опыт музеефикации археологических памятников на примере “Томской писаницы”

Наиболее эффективным средством сохранения археологического наследия является музеефикация археологических памятников, комплексов, природно-исторических ландшафтов. Такая система охраны археологического наследия открывает возможность создания целой системы современного использования археологического объекта или целого природно-археологического комплекса.

2. К сожалению, Россия, обладая уникальными археологическими памятниками, стоит на одном из последних мест в мире по музеефикации археологических объектов в природной среде.

3. На территории Сибири за последние годы музеефицирован уникальный памятник наскального искусства — древнее святилище Томская писаница, которая стала объектом сохранения, показа, организованного туризма, центром необычного комплекса музея-заповедника.

4. В комплексном музее осуществляется идея музеефикации природы, истории и культуры, заложенная в его концепции. В его составе функционируют зона мифологии и эпоса, археодром, первый в России музей наскального искусства, музейная зона естественной истории и архитектурно-этнографический комплекс.

Сохранение и мониторинг уникальных археологических ландшафтов

Составной частью круга проблем, связанных с охраной археологического наследия, является проблема сохранения уникальных исторических ландшафтов, сформировавшихся в течении тысячелетий в результате взаимодействия антропогенного и природного факторов. В настоящее время в условиях отсутствия действенного Федерального законодательства об охране памятников истории и культуры, а также закона о земле, многие вопросы сохранения наследия могут и должны решаться на уровне субъектов РФ. В первую очередь это разработка местных законов и контроль за их выполнением; включение в Земельный кадастр субъектов федерации территорий археологических памятников в качестве зон историко-культурного назначения с соответствующими ограничениями хозяйственной деятельности; выделение особо охраняемых территорий; создание специализированных государственных структур управления и мониторинга уникальными территориями. Определенный опыт в этом направлении уже накоплен в регионах. В 1996 г. принят “Закон Омской области об охране и использовании памятников истории и культуры”. Подобный закон принят в Алтайском крае. В целях сохранения уникального комплекса памятников археологии и природы в урочище “Батаково”, в пойме Иртыша, в 1995 г. постановлением главы администрации Омской области создано государственное учреждение “Дирекция национального археологического и природного парка “Батаково”, которое наряду с решением других проблем проводит и мониторинг.

О концепции современного отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири

1. **Р**оссия обладает уникальными природно-археологическими комплексами в Горном Алтае, Туве, Хакасии и на юге Красноярского края. Основным их содержанием являются расположенные в природной среде и с учетом ее особенностей курганные комплексы, памятники наскального искусства и другие археологические объекты.

2. В условиях России при наличии формального законодательства об охране памятников истории и культуры во второй половине XX века произошло уничтожение огромного количества археологических памятников природно-исторических ландшафтов. Основные причины: промышленный детерминизм, историческая безграмотность народа, идеологизация общества, однообразие музейной сети и безразличное отношение к культурно-историческому наследию.

3. Необходима новая, отвечающая современности, концепция отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири.

В статье рассматривается идея музеефикации ландшафта как одной из составляющих в его концепции. В его основе лежат историческое прошлое и эпоса, археологический и этнографический музей, музейная зона естественной истории и архитектурно-ландшафтный комплекс.

Раздел II. Земельный кадастр и археологическое наследие

Проблема, которая стоит сегодня очень остро: каким образом учитывать и регистрировать объекты археологического наследия в Земельном кадастре, чтобы не потерять эти объекты из-за неправильного использования земельных угодий.

В Земельном кодексе земли историко-культурного назначения отнесены к **территориальным зонам**, режимы которых должны учитываться при создании Земельного кадастра. Проблема состоит в том, что не разработан механизм, определяющий, каким образом режимы использования территории, разработанные в составе проектов зон охраны памятников истории и культуры будут наложены на то или иное землепользование или на группу землепользований в качестве территориальных историко-культурных зон.

В этой ситуации даже по тем территориям, по которым разработаны и утверждены проекты зон охраны, документы о правах на землю продолжают выдаваться без ограничений, необходимых для обеспечения сохранности памятников и их окружения.

Рассмотрим, что сегодня предполагается предпринять Государственным Земельным Комитетом в этом направлении. Необходимо обсудить, как лучше воздействовать на этот процесс, чтобы те режимные зоны, которые проектируются на базе историко-культурного наследия, учитывались при выдаче документов о правах на землю.

Сегодня юридическая сторона вопроса закреплена за органами юстиции, то есть за **Регистрационными палатами**. В Московской области, в частности, Регистрационная палата развернула достаточно активные работы по регистрации прав на объекты недвижимости, то есть на сами объекты и на земельные участки. Однако в процессе выдачи и подготовки документов выясняется, что большой блок вопросов, касающихся историко-культурного наследия, плохо отображается в этих документах. Кроме того, отсутствует механизм, обеспечивающий в безусловном порядке необходимость вносить в

документы ограничения и обременения, налагаемые на земельный участок от различных режимных объектов, к каковым отнесены памятники истории и культуры и их зоны охраны.

Как отмечалось выше, ключевым понятием Земельного кадастра, которое позволяет адаптировать культурное наследие к задачам, стоящим перед кадастром, является понятие **территориальная зона**. По предложениям Государственного Земельного Комитета в число территориальных зон вошли административные границы, зоны особого режима использования земель, водоохраные зоны — всего 44 территориальные зоны. В территориальные зоны включены территории памятников архитектуры, градостроительства, археологии, истории, садово-паркового искусства и зоны их охраны — всего около десятка. Имеются и иные территориальные зоны, такие, например, как природные (национальные парки, резерваты, природоохранные территории, природные заповедники, заказники).

Теоретически все территориальные зоны и их режимы должны учитываться при проведении Земельного кадастра. Однако на практике сегодня масса свидетельств о правах на земельный участок выдана и продолжает выдаваться Регистрационными палатами просто без учета этих территориальных зон. Это происходит главным образом потому, что не установлено кто будет готовить документы по территориальным зонам и их режимам для органов юстиции, с тем, чтобы они могли корректно их отображать в выдаваемых документах.

Исторически система Государственного Земельного кадастра стала развиваться по образцу немецкой. В немецкой системе правовой стороной вопроса занимаются органы юстиции, то есть суды. У нас — это наши органы юстиции — **Регистрационные палаты**. А подготовкой документации по земельным участкам с их обременением и учетом различных проектов и перспектив развития для Регистрационной палата на основе выписок из **Единого Государственного реестра земель (ЕГРЗ)** занимаются **Государственные Комитеты по Земле**. Планируется образование **органов кадастрового учета**. В перспективе органы кадастрового учета будут заниматься подготовкой выписок из ЕГРЗ для Регистрационной палаты.

Имеется мнение специалистов, что в ЕГРЗ должны попадать территориальные зоны. Если разрабатывается проект зон охраны памятников истории и культуры, ведутся исследования, то на данную территорию нужно уже с осторожностью готовить документы о земле. Но неясно, как будет осуществляться механизм получения

этой информации? Каким образом Земельный Комитет должен получать информацию о зонах, в которых начались исследования? Какие документы на эти объекты имеются? Каким образом они будут поступать в Земельный комитет, или может быть, наоборот, они не будут поступать, а будут находиться в органах охраны памятников? Как организовать взаимодействие по доступу Комитета по культуре к документам Комитета по земле, единой картографической основе?

Земли историко-культурного назначения — это одна из категорий земель наряду с землями сельскохозяйственного, природоохранного назначения и другими. Когда эта категория накладывается на земельный участок, то в рамках земельного участка, особенно большого, может быть несколько категорий земель. В этом случае **категория земель работает как режим**, ограничение в использовании определенных территорий.

Остается определить, каким образом они должны заноситься в ЕГРЗ. В принципе эту задачу должна решать **инвентаризация земель историко-культурного назначения**, то есть выделение границ памятников архитектуры, градостроительства, истории, археологии и садово-паркового искусства и их зон охраны со своими режимами. Важно также определить **механизм поступления этой информации в ЕГРЗ**, поскольку категория есть и эту категорию следует описать. А описанием, безусловно, должны заниматься органы охраны памятников, поскольку они являются специалистами в этой области. Очевидно, что без предложений со стороны органов охраны памятников и специализированных организаций, занимающихся проблемами историко-культурного наследия, решить эту проблему крайне тяжело.

По Московской области разработано около 150 проектов зон охраны, утверждено 25 из них. Имеются списки памятников и их паспорта. Это уже весьма весомый материал, на основании которого органы охраны могут разработать свой кадастр земель историко-культурного назначения и заявить о том, что целесообразно внести в ЕГРЗ. На этой основе должен происходить обмен информацией между органами охраны памятников и органами Государственного Земельного Комитета. Когда эти заявки поступают, то они регистрируются в ЕГРЗ и эти территории становятся территориальными зонами со своими режимами и ограничениями землепользования. Поскольку они попали в ЕГРЗ, то выписка с теми зонами, которые

внесены в ЕГРЗ, идет в Регистрационную палату, где уже автоматически регистрирует все, что содержится в выписке. Аналогично Земельный Комитет работает и с теми структурами, которые занимаются коммуникациями (охранные зоны газопроводов, водоводов, заборных сооружений, очистных сооружений и так далее). Вся эта информация учитывается для того, чтобы выделить режимы, в рамках которых земельные участки должны эксплуатироваться собственниками.

Совместно с НИИПИ градостроительства мы попытались сформировать карту по памятникам археологии с их зонами в качестве пилотного проекта. Но, к сожалению, эта работа не получила отклика на местном уровне, так как без официальной заявки со стороны органов охраны памятников у Регистрационной палаты нет оснований для формирования на базе данной работы территориальных зон. То есть не достает механизмов, обеспечивающих учет этих территорий в Земельном Кадастре. Поэтому одна из серьезнейших проблем состоит в том, чтобы два ведомства нашли форму взаимодействия. Специалисты понимают необходимость взаимодействия. Но технология подобного взаимодействия пока не разработана. Мы можем на своем уровне выработать предложения, которые должны быть одобрены Министерством Культуры РФ и Государственным Земельным Комитетом.

Необходимо учитывать и **взаимосвязь Земельного кадастра и налогообложения**. У нас налогообложение на объекты недвижимости. Когда мы накладываем режимы, или общественные сервитуты, мы ограничиваем использование земельного участка и, тем самым, ущемляем некоторым образом интересы собственника. При налогообложении нужно учитывать этот фактор. В случае серьезного ущемления собственника, следует предусмотреть снижение налогооблагаемой базы. Иначе собственник не сможет нормально поддерживать и нормально эксплуатировать земельный участок.

Земельный кадастр предполагает три основных компонента: отображение правового состояния, количественный и качественный учет земельных участков и оценка земель. В качественный учет попадают объекты историко-культурного наследия. Налоговая инспекция, если будет знать обременения, может выработать налогооблагаемую базу. Во многих странах Европы — Англии, Франции, Швеции (США в меньшей степени) достаточно четко оговорен регламент эксплуатации земельных участков, за которые собственник не мо-

жет выйти. В Англии вообще очень жестко прописано, что “я должен”, что “я могу” строить, и только таким образом.

За нарушение регламентов использования земельных участков будут взиматься штрафы. При этом контроль и управление остается за земельными комитетами, а ведение Государственного Земельного Кадастра — за органами кадастрового учета.

В Земельном кадастре существует понятие **кадастровый номер**. К кадастровому номеру должна “подвешиваться” информация от БТИ, от органов охраны памятников. У органов охраны может быть свой номер объекта. А затем в эту классификацию просто добавляется еще одна колонка — “кадастровый номер объекта недвижимости”. Это — уникальный номер, единый по всей Российской Федерации и он объединяет всю информацию. В результате база органа охраны памятников будет связана с федеральной базой по проведению государственного земельного кадастра. Таким образом, в формирующейся системе земельного кадастра имеется четкая ниша для сведений о памятниках истории и культуры

Необходимо коснуться и **вопроса о перспективах компьютеризации** данных Земельного кадастра. В пилотном проекте по одному району Московской области нами отрабатывается взаимодействие между Регистрационной палатой, Налоговой инспекцией и Бюро технической инвентаризации в этой сфере. Это обеспечит дальнейший нормальный плавный ход и внедрение по другим регионам. Нельзя не учитывать, что автоматизированные системы по базам данных у всех разные, у БТИ, и у Налоговой инспекции, и у Регистрационной палаты. Особенно это касается территории Московской области. Но на муниципальном уровне для развития и формирования системы управления территорией необходимо иметь систему, которая обеспечит взаимодействие между различными структурами. В настоящее время Регистрационная палата Московской области хорошо обеспечена аппаратными и программными средствами. Это дает возможность Комитету по культуре Московской области входить через сервер в эту систему и без больших инвестиций работать в единой информационной системе с Регистрационной палатой, обмениваясь необходимой информацией. Федеральный кадастровый центр “Земля” мог бы отработать механизм подобного взаимодействия на примере одного района Московской области в рамках пилотного проекта.

Необходимо предусмотреть, каким образом описывать объекты археологического наследия. Безусловно, масса объектов паспорти-

зирована. Еще в начале 1990-х годов в рамках Схемы охраны памятников истории и культуры Московской области (НИИПИ градостроительства по заказу Комитета по культуре Московской области с участием Московской областной археологической экспедиции ИА РАН под руководством С.З.Чернова) была создана электронная база данных по более чем 3 000 памятников археологии на территории Московской области, но вне поселений. С учетом позднесредневековых памятников археологии на территории поселений число объектов удвоится. Как показало сплошное изучение микрорайонов (Сергиев-Посадский и Балашихинский районы), всего археологических памятников и объектов в Московской области насчитывается около 100 000. Таким образом, ситуация известна.

Но как задействовать механизм с тем, чтобы информация о памятниках археологии и других памятниках истории и культуры поступала в ЕГРЗ — это задача Министерства культуры и Госкомзема. Органы охраны памятников должны заявить, о памятниках и зонах их охраны. После этого они регистрируются как территориальные зоны и при подготовке кадастровой документации отображаются в качестве режима подучастка, который является основанием для обременения и подтверждения органами юстиции. Тогда эта система заработает.

Руководство Министерства культуры и Госкомзема (руководитель кадастрового управления) могли бы договориться о разработке пилотного проекта и на этой основе отработать занесение территорий памятников и их зон охраны в ЕГРЗ как территориальных зон. На основании того, что записано в проекте зон охраны, мы должны подготовить базу данных для введения в ЕГРЗ.

В связи с составлением Земельного кадастра России (Лойко, 1997; Южанов, 1998) необходимым условием сохранения археологического наследия является включение в него земель историко-культурного назначения.

В настоящее время Государственный комитет по земельной политике РФ (Госкомзем) и его специализированное подразделение — Федеральный Кадастровый Центр «Земля» разработали программу и методику подготовки Земельного кадастра России (Единая система технологической документации Государственного Земельного кадастра Российской Федерации. Состав и классификация документов. 1999; Единая система технологической документации Государственного Земельного кадастра Российской Федерации. Порядок ведения Государственного реестра земель. Раздел «Земельные участки». Кадастровый район. 1999; Единая система технологической документации Государственного Земельного кадастра Российской Федерации. Формы Государственного реестра земель. Раздел «Земельные участки». Кадастровый район. 1999; Единая система технологической документации Государственного Земельного кадастра Российской Федерации. Состав и структура документов ГЗК. Кадастровый район). Предпринимаются реальные шаги по составлению Земельного кадастра на отдельных территориях в субъектах Федерации. Работы эти ведутся в контексте приватизации земли. Земля должна обрести своих хозяев. В то же время, необходимо учитывать фактор наследия — археологическое наследие требует защиты со стороны государства в рамках любых форм собственности.

Составление Кадастра земель историко-культурного назначения является самостоятельной задачей, имеющей фундаментальное значение для развития всей сферы культуры. Первоочередной задачей на современном этапе становится разработка методических принципов по составлению Кадастра земель историко-культурного назначе-

ния. Необходимо выработать взаимоприемлемые решения, которые устраивали бы Госкомзем, органы охраны памятников всех уровней и специалистов археологов.

В настоящее время очень жестко стоит вопрос о включении археологов в работу по составлению единого Кадастра земель РФ. Это связано, прежде всего, с активной работой Госкомзема по составлению Земельного кадастра. Работа проведена большая и ведомство, по существу, готово к проведению широкомасштабной работы по государственному учету объектов недвижимости, прежде всего, собственно земельных участков. Кроме того, Госстрой России активно разрабатывает Градостроительный кадастр и также ведет учет недвижимости.

Какое же место в этой работе отводится археологам? Оказывается, практически никакого.

В предлагаемых Госкомземом схемах процессов формирования правового режима объектов недвижимости (земельных участков со строениями и без них) роль органов по охране памятников истории и культуры ограничивается уровнем оценки объектов и внесения их в банк данных. На всех последующих уровнях представительство органов по охране памятников и специалистов-археологов не предусмотрено (Рис 1).

С нашей точки зрения, представители органов охраны памятников в лице экспертов — специалистов, в том числе и археологов, должны присутствовать на всех уровнях, включая оценку объектов недвижимости, архитектурно-градостроительное планирование, землеустройство, техническую инвентаризацию и формирование правового режима объектов недвижимости.

Не учитываются земли археологических памятников и как отдельный ресурс. Не запланирован реестр для археологии. Более того, среди привлекаемых к процессу сбора данных, учета, регулирования и контроля ведомств Минкультуры отсутствует вообще. Это недопустимо в любой цивилизованной стране. С нашей точки зрения, это — наиболее уязвимое звено предлагаемой схемы составления Земельного кадастра России. Именно на этом процесс, несомненно, застопорится. Земельный кадастр России нельзя разрабатывать без учета фактора археологического наследия. Это направление должно быть доработано Минкультуры и Госкомземом совместно с привлечением специалистов. Только в этом случае возможно создание по-настоящему единой государственной системы Кадастра.

При проведении оценки археологических земель обязательно должны присутствовать два уровня: научный, максимально широкий, и уровень оценки в рамках Земельного кадастра. При общей генеральной задаче — пространственно-территориальная привязка, уникальная идентификация ресурсов как объектов недвижимости, регулирование их правового статуса и использования археологических земель в целях выбора оптимальных путей сохранения и форм использования историко-культурного наследия — в рамках Земельного кадастра решается задача более узкая с точки зрения сохранения археологического наследия и в то же время категории земель различного назначения часто территориально накладываются друг на друга. Этим и определяется место земель историко-культурного назначения в системе Государственного Земельного кадастра (Рис 2).

Для сохранения историко-культурного наследия в Земельный кадастр следует включить Кадастр земель историко-культурного назначения. В связи с этим необходимо определить единые параметры учета и единые классификаторы, разработать порядок отнесения земельных участков к категории земель историко-культурного назначения, установить порядок наложения ограничений на землепользование. В этом случае значительный объем информации можно будет легко упаковывать в электронную оболочку и совмещать создаваемую базу данных с электронными картами. Выполнение указанных мероприятий позволит включить в Единый Государственный Реестр Земель (ЕГРЗ) РФ Единый Государственный Реестр Земель историко-культурного назначения (ЕГРЗИКН).

Для кадастрирования земель историко-культурного назначения необходимо установить тесное взаимодействие Госкомзема РФ и Минкультуры РФ по следующим направлениям.

1. Формирование сведений о землях, на которые распространяется законодательство об охране памятников истории и культуры РФ.
2. Обеспечение контроля за использованием земель историко-культурного назначения.

Для реализации вышеуказанных задач необходимо заключение межведомственного Соглашения о взаимодействии территориальных органов Госкомзема РФ и Минкультуры РФ на всех уровнях административно-территориального деления Российской Федерации с целью определения земельных участков, на которые должны быть наложены соответствующие ограничения на землепользование, для обеспечения контроля сохранности земель историко-культурного

назначения. В соглашении должна также предусматриваться разработка нормативно-правовой базы и методической документации для обеспечения взаимодействия Минкультуры РФ и Госкомзема РФ, для чего необходимо создание межведомственной комиссии по организации учета сведений о землях историко-культурного назначения и порядке их включения в Земельный кадастр РФ.

Порядок отнесения земельных участков к категории земель историко-культурного назначения определяется ст.93 Земельного Кодекса РФ. Памятники истории и культуры федерального значения вносятся в состав земель историко-культурного назначения Федеральным органом по охране памятников истории и культуры. Памятники истории и культуры, не имеющие федерального статуса, вносятся в состав земель историко-культурного назначения по решению органов по охране памятников истории и культуры субъектов Федерации. Для реализации этих действий необходимо определить процедуру отнесения земельных участков в разряд земель историко-культурного назначения и зон их охраны.

В номинальный состав земель историко-культурного назначения необходимо включать земли, на которых непосредственно находятся памятники истории и культуры, археологические территории и культурные ландшафты, на которых установлены зоны охраны с соответствующим регламентом обременения.

Система контроля и управления землями историко-культурного назначения осуществляется госорганами по охране памятников истории и культуры всех уровней в соответствии с их полномочиями через Госкомзем РФ и Комитеты по земельным ресурсам субъектов федерации.

Для разработки и реализации программы по кадастрированию земель историко-культурного назначения необходимо при Минкультуры России создать Центр по кадастрированию земель историко-культурного назначения, возможно, на базе Управления охраны памятников и Института Наследия. В задачи Центра должны входить методическое руководство, контроль за проведением кадастрирования в регионах, сбор информации и систематизация ее на федеральном уровне. Вопрос о техническом оснащении и финансировании кадастрирования земель историко-культурного назначения, по нашему мнению, может решаться в рамках программы Земельного кадастра России.

Для проведения кадастрирования земель историко-культурного назначения необходимо внести соответствующие дополнения в ныне

действующее Законодательство об охране памятников и в готовящееся к принятию законодательство «О сохранении и использовании культурного наследия», а также принять подзаконный Акт — Приказ Министра культуры России «О кадастрировании земель историко-культурного назначения».

Литература

Единая система технологической документации Государственного Земельного кадастра Российской Федерации. Состав и классификация документов. Государственный комитет Российской Федерации по земельной политике. - М.: Госкомзем России. 1999.

Единая система технологической документации Государственного Земельного кадастра Российской Федерации. Порядок ведения Государственного реестра земель. Раздел «Земельные участки». Кадастровый район. Государственный комитет Российской Федерации по земельной политике. - М.: Госкомзем России. 1999.

Единая система технологической документации Государственного Земельного кадастра Российской Федерации. Формы Государственного реестра земель. Раздел «Земельные участки». Кадастровый район. Государственный комитет Российской Федерации по земельной политике. - М.: Госкомзем России. 1999.

Единая система технологической документации Государственного Земельного кадастра Российской Федерации. Состав и структура документов ГЗК. Кадастровый район. Государственный комитет Российской Федерации по земельной политике. - М.: Госкомзем России. 1999.

Лойко, 1997. — Лойко П.Ф. Российская единая система создания (формирования) кадастровых дел, государственного учета и государственной регистрации прав на земельные участки и прочно связанное с ними недвижимое имущество // «Информационный бюллетень» ГИС-Ассоциации. М. 1997. № 1 (8). С.5.

Южанов, 1998. — Южанов И.А. Внедрение геоинформационных технологий может оказать определяющее воздействие, в том числе на принятие управленческих решений // «Информационный бюллетень» ГИС-Ассоциации. М. 1998. № 1 (13). С.6-8.

Процессы формирования

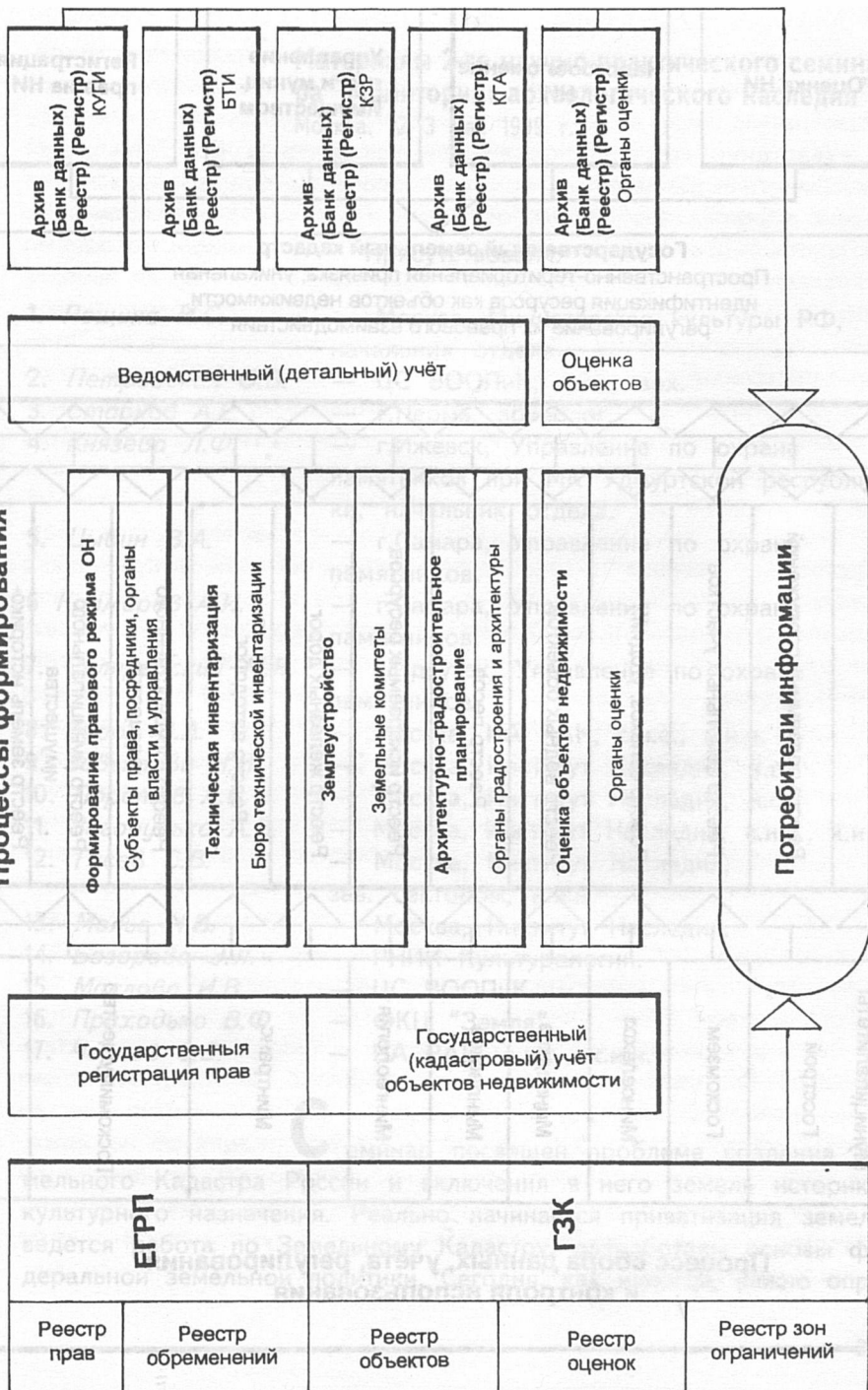

Рис. 1.

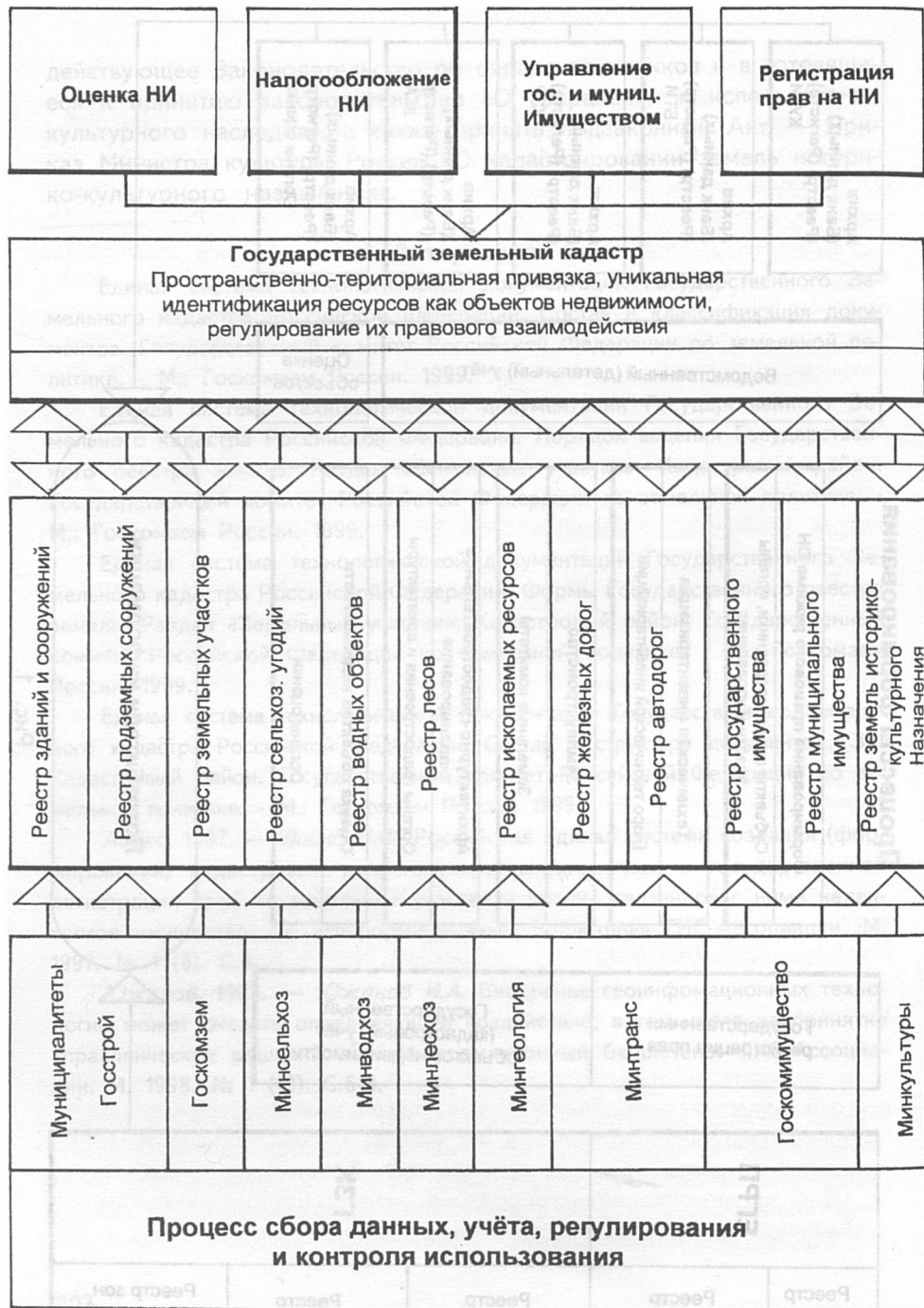

Рис. 2.

Материалы 2-го научно-практического семинара "Мониторинг археологического наследия"

Москва. 12-13 мая 1999 г.

Присутствовали:

1. *Рощина И.С.* — Москва, Министерство культуры РФ, начальник отдела.
2. *Петровская О.В.* — ЦС ВООПиК, канд. арх.
3. *Старков А.Е.* — г.Пермь, археолог.
4. *Князева Л.Ф.* — г.Ижевск, Управление по охране памятников при МК Удмуртской республики, начальник отдела.
5. *Цыбин В.А.* — г.Самара, Управление по охране памятников.
6. *Крамарев А.И.* — г.Самара, Управление по охране памятников.
7. *Скляревский М.Я.* — г.Иркутск, Управление по охране памятников.
8. *Буров В.А.* — Москва, ИА РАН, с.н.с., к.и.н.
9. *Завьялова Н.И.* — Москва, Институт Наследия, н.с.
10. *Поротов А.В.* — Москва, Институт Наследия, н.с.
11. *Загорулько А.В.* — Москва, Институт Наследия, с.н.с., к.и.н.
12. *Гусев С.В.* — Москва, Институт Наследия, зав. сектором, к.и.н.
13. *Мольс Н.В.* — Москва, Институт Наследия.
14. *Базарова Э.Л.* — РНИИ Культурологии.
15. *Маслова И.В.* — ЦС ВООПиК.
16. *Приходько В.Ф.* — ФКЦ "Земля".
17. *Чернов С.З.* — ИА РАН, с.н.с., к.и.н.

Семинар посвящен проблеме создания Земельного Кадастра России и включения в него земель историко-культурного назначения. Реально начинается приватизация земель, ведется работа по Земельному Кадастру, разработаны основы федеральной земельной политики. Сегодня, как никогда, важно опре-

делить место и роль земель историко-культурного назначения и конкретно памятников археологии в проведении программы Земельного кадастра.

Участники семинара заслушали выступление В.Ф.Приходько, представителя Федерального кадастрового Центра «Земля». Докладчик изложил требования, выполнение которых необходимо при составлении Земельного кадастра, всей документации, основные направления, основные управленческие решения, которые необходимы для ведения этой работы с точки зрения Государственного комитета по земельной политике РФ (Госкомзем). Участники семинара поставили себе задачу определить место и роль археологов (представителей органов по охране памятников истории и культуры и исследователей) в работе по составлению Земельного кадастра России, найти точки соприкосновения и выработать взаимоприемлемые решения с органами Госкомзема.

Участники семинара обсудили проблемы взаимодействия государственных органов по охране памятников истории и культуры с органами Госкомзема РФ на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном. Выявилась безотлагательная потребность для археологов иметь четкую структуру базы данных для памятников с учетом задач Земельного кадастра. Наиболее оптимальным решением видится нанесение памятников археологии на разработанную Госкомземом единую картографическую основу. Задача археологов, и в более широком смысле — специалистов по охране памятников истории и культуры, подготовить такую стандартную форму для занесения в банк данных информации, чтобы максимально упростить задачу широкому кругу пользователей.

Участники семинара пришли к единодушному мнению, что крайне необходимо заключить соглашение о взаимодействии при составлении Земельного Кадастра и его ведению между Минкультуры РФ и Госкомземом РФ.

Информация об историко-культурном наследии должна стать обязательной частью информационного блока, используемого для управления территориями. В этом, видимо, основная задача Реестра земель историко-культурного назначения. Информация об историко-культурном наследии (землях историко-культурного назначения) в отличие от других составных частей Земельного кадастра, имеет идеологическую направленность, формирует национальное самосознание.

К сожалению, до настоящего времени во многих регионах России комитеты по земельным ресурсам не согласовывают документы при выделении земельных участков под те или иные виды деятельности. Иногда согласуют только в охранных зонах. С другой стороны, в органах по охране памятников истории и культуры нет четкого видения, как вести себя в области землеустройства. В связи с этим необходимо отработать технологию взаимодействия госорганов по охране памятников и земельных комитетов и создать для этого законодательную и нормативную базу.

Сегодня, когда различные категории земель накладываются на одни и те же территории, единственным выходом для создания режимов охраны для земель историко-культурного назначения остается наложение сервитутных режимов (охраны). При этом мы получим в общем-то механизм, аналогичный тому, который работает 30 лет в области охраны памятников археологии. Перед археологами стоит задача несколько иного плана — как этот механизм запустить в рамках Земельного кадастра.

Острая дискуссия возникла при обсуждении проблемы согласования землеотводов под проекты, связанные с землепреобразованием — строительство, мелиоративные работы, лесотехнические мероприятия. Участники семинара пришли к единодушному мнению, что подлинно государственный подход требует археологического обследования территории при решении вопроса о землеотводе. Особое внимание должно уделяться территориям, не подвергавшимся ранее археологическому обследованию.

Представитель Управления по охране памятников истории и культуры Иркутской области М.Я.Скляревский поделился опытом историко-культурного зонирования на территории субъекта федерации. Он предложил при зонировании территории исходить из того, что отсутствие информации, доказывающей отсутствие памятника на данной территории, не является основанием для строительства. То есть, любой заказчик должен доказать отсутствие памятника на территории землеотвода. Без экспертного заключения об отсутствии объекта никакого строительства, отвода участка производиться не должно. Участники семинара отметили, что перспективное зонирование может иметь место, но при общем зонировании территории региона необходимо отталкиваться от зон охраны памятников. Зоны охраны памятников позволяют увязывать огромный блок хозяйственных вопросов на традиционно освоенных территориях.

Особое внимание было уделено обсуждению концепции археологической экспертизы. Участники семинара склонны считать, что только государственный статус экспертных работ в области охраны памятников истории и культуры позволит избежать серьезных потерь культурного наследия, а открытость (гласность) археологической экспертизы позволит защититься от злоупотреблений чиновников и волонтаристских решений. При этом в основе должна лежать экспертиза территории, а не памятника. Экспертиза памятника — это частный случай, вызванный особыми обстоятельствами.

Участники семинара обсудили проблему принятия Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Многолетнее затягивание принятия этого Закона ведет к утере национального культурного достояния, а в ряде случаев и созданию дестабилизирующей ситуации в регионах России, усиливает социальную напряженность в обществе.

В настоящее время, когда активно идет процесс изменения характера землепользования, смены владельцев земельных участков, особенно важно иметь адекватное современному социально-экономическому и политическому состоянию общества Законодательство в области охраны памятников истории и культуры. В качестве первоочередной меры необходимо предусмотреть присутствие археолога как представителя органов по охране памятников истории и культуры на всех этапах работ по Земельному кадастру. Это позволит избежать ошибок при отводе земель для различных видов деятельности.

Обращение

Государственных органов по охране историко-культурного наследия субъектов Федерации и специалистов по охране и изучению историко-культурного наследия

Тема: О неотложных мерах по охране историко-культурного наследия в связи с созданием Земельного кадастра РФ

На территории Российской Федерации на первое января 1999 г. находится более 100 тыс. памятников археологии. Ежегодно по официальным сведениям уничтожается около 600 объектов, под угрозой разрушения находится более 18 тыс. объектов. В то же время современная система управления и контроля по охране и использованию памятников археологии не позволяет эффективно предотвращать указанные факты. Специфика охраны археологических памятников требует присутствия в составе управления по охране памятников истории и культуры Минкультуры РФ профессионалов-археологов. Объем работ требует выделения в рамках управления по охране памятников истории и культуры Минкультуры РФ самостоятельного подразделения, занимающегося вопросами охраны археологического наследия.

Вопросы сохранения археологического наследия тесно связаны с землепользованием и охраной природных ресурсов и могут быть решены только при условии тесного взаимодействия между органами по охране наследия и органами контроля за землями. Вместе с тем комитеты по земельным ресурсам в регионах не ведут работ по мониторингу памятников истории и культуры, не обеспечивают ведения кадастра земель историко-культурного назначения. В настоящее время отсутствуют юридические документы о взаимодействии органов по охране историко-культурного наследия, органов по контролю за землепользованием и охране окружающей среды. При составлении Земельного кадастра Российской Федерации необходимым условием сохранения культурного наследия народов России является включение в него земель историко-культурного назначения.

Как показал опыт последнего десятилетия, важнейшими проблемами, препятствующими ведению Земельного кадастра с учетом историко-культурного наследия и земель историко-культурного назначения, являются:

- отсутствие структуры, организующей совместные мероприятия Госкомзема и Министерства культуры РФ по реализации данного направления работы;
- неполное включение в Земельный кадастр памятников археологии, составляющих самую крупную по площади группу памятников;

— недостаточный учет разработанных и утвержденных проектов зон охраны памятников.

Для включения в систему Земельного кадастра земель историко-культурного назначения необходима разработка и утверждение основных параметров учета и единых классификаторов. В этом случае значительный объем информации можно будет легко упаковывать в электронную оболочку и совмещать создаваемую базу данных с электронными картами.

Необходимо создание базы данных и соответствующих определений по системе учета археологических земель Министерством культуры РФ и согласование этой системы с Госкомземом в рамках Земельного кадастра РФ.

Для реализации программы по Кадастру земель историко-культурного назначения в составе Земельного кадастра РФ необходимо:

1. Создать Кадастровый Центр земель историко-культурного назначения. В задачи Центра должно входить методическое руководство, мониторинг за составлением Кадастра земель историко-культурного назначения в регионах, сбор информации и систематизация ее на федеральном уровне.

Центр определяет параметры учета памятников археологии в рамках Земельного кадастра РФ и проводит согласование этих параметров с Госкомземом РФ.

Центр проводит работу по двум направлениям:

— составление Кадастра земель археологических памятников в регионах силами региональных кадастровых групп археологических земель. Непосредственно в регионах работа по Кадастру археологических земель проводится региональными группами в составе органов по охране памятников на основе единой системы Земельного кадастра РФ с учетом местной специфики;

— составление общего Кадастра земель историко-культурного назначения (включая памятники архитектуры, истории, садово-паркового искусства, градостроительства).

Для проработки вопроса о создании Кадастрового Центра создать рабочую группу при Минкультуры РФ. Обратиться в Госкомэкологии РФ и в Госкомзем РФ о включении в состав рабочей группы их представителей.

2. Для составления Кадастра земель памятников истории и культуры необходима отработка системы ведения Кадастра земель историко-культурного назначения в составе Земельного кадастра РФ.

Техническое оснащение Центра и финансирование его работ может решаться в рамках программы создания Земельного кадастра РФ.

Для организации работ по составлению Земельного кадастра считаем целесообразным издать совместный Приказ Минкультуры РФ и Госкомзема РФ.

Раздел III. Российский и зарубежный опыт охраны памятников археологии

Эволюция государственной политики сохранения и изучения археологического наследия в США

На сохранение исторического и археологического наследия были направлены одни из старейших законов США (среди охранного законодательства). Со временем законодательная база разрасталась, включая в себя дополнительные законы, поправки и инструкции. Со стороны исполнительных органов финансирование и поддержка археологии осуществлялась как на федеральном, так и на местном уровне (штата, графства, округа и т.д.). Основными ведомствами, осуществляющими поддержку археологии и надзор за археологическими памятниками, являются: Министерство внутренних территорий, Служба Национальных парков, Служба леса, Корпус Военных Инженеров, Ведомство зданий и городского строительства, Министерство транспорта, Министерство энергетики и др. (Federal archaeological programs..., 1993, с.5). Они организуют и курируют программы по спасательной археологии на землях федерального подчинения. Помимо федеральных ведомств, археологическим наследием занимаются местные организации и ведомства, наиболее крупные: Археологическое обследование Арканзаса, Институт археологии и антропологии Южной Каролины.

Поддержка государства за период существования охранного законодательства была неравномерна, что связано с историческими и экономическими причинами. Условно, процесс федеральной поддержки археологии можно разделить на 4 этапа, связанных между собой. Деятельность федеральных ведомств каждого предыдущего этапа создавала законодательные и научные базы для последующего. Этими этапами были:

- 1) Период Национального Музея (1880-1930 гг.),
- 2) Период Великой Депрессии (1930-1940 гг.),
- 3) Период гидротехнических проектов (1940-1960 гг.),
- 4) Период управления культурными ресурсами (с 1970 г. до наших дней).

Период Национального Музея

Начало поддержки федеральным правительством археологии обычно датируют 1881 г. В этот год Конгресс поручил СмитсоНИЕвскому Бюро этнологии выполнить все исследовательские работы, связанные с изучением доисторических курганов. С этой целью было субсидировано 5 тыс. долларов. В течение следующих 10 лет Отдел курганов, возглавляемый С.Томасом, провел около 2 тыс. разного рода полевых работ в восточной части США. Большинство исследовательских работ было проведено за 4 года (1882-1886 гг.) небольшой группой специалистов, осуществлявших, в основном, разведочные работы (сбор подъемного материала, картографирование и проверка курганных памятников). Археологические экспедиции состояли из местных рабочих.

Работы Отдела Курганов рассматриваются сейчас как начало современной археологии в США. Хотя СмитсоНИЕвский Музей Естественной Истории, к которому относилось Бюро этнологии, с самого основания был заинтересован в сборе археологических коллекций, но только с 80-х гг. XIX в. археологические исследования и экспедиции стали постоянной частью исследовательской программы музея. С этого периода археологи музея представляли собой основную силу, формирующую археологию в США.

Результаты исследований Отдела курганов были опубликованы в 1894 г. — «Отчет Бюро этнологии об исследованиях курганов» (автор С.Томас). Эта работа заложила солидный научный фундамент для дальнейших археологических исследований и содержала факты и аргументацию, касающиеся основного вопроса, обсуждавшегося в те годы — *Были ли курганы построены индейцами?* Также была предложена методика сбора и сохранения археологических материалов, предусматривающая их использование для будущих поколений археологов. Хотя к тому времени такого рода работы уже выполнялись коллективами археологов частных университетов, программа исследования курганов была первым примером крупномасштабных экспедиций, финансируемых государством. Бюро этнологии (переименованное в 1894 г. в Бюро Американской этнологии (БАЭ)) продолжало играть руководящую роль в американской археологии и в начале XX в. Оно продолжало финансировать другие археологические программы по всей стране, хотя уже не в тех объемах, как в 1881 г. Когда во время Великой Депрессии 30-х годов в археологические работы вкладывались большие федеральные деньги, Бюро

принимало непосредственное участие в составлении этой самой большой федеральной программы (Willey, Sabloff, 1980, с.70-80).

Период Великой Депрессии

Великая Депрессия 30-х годов, являясь катастрофой для страны, тем не менее была причиной больших федеральных инвестиций в археологию. Государство стремилось трудоустроить как можно больше безработных, потерявших работу в результате кризиса, и, поскольку количество государственных вакансий было ограничено, то основным местом трудоустройства были общественные работы. Археологические раскопки и камеральная обработка материалов являлись частью такого рода общественных работ. Из-за большого привлечения массовой рабочей силы экспедиционные и лабораторные коллективы достигли невиданных размеров. Такая крупномасштабная государственная поддержка продолжалась почти десятилетие через различного рода программы и федеральные ведомства: Works Progress Administration, Civilian Conservation Corps, Civil Works Administration, Tennessee Valley Authority и Federal Emergency Relief Administration. Археологические программы периода Великой Депрессии закончились только тогда, когда внимание государства переключилось на Вторую мировую войну.

Поскольку привлекалось большое число рабочих, были исследованы значительные площади археологических памятников и обработано большое количество материалов. На некоторых памятниках были вскрыты целые комплексы курганов и доисторических поселений, длина раскопочных траншей исчислялась сотнями футов, а вес собранных материалов — тоннами. На первом этапе, основное внимание уделялось сооружениям и комплексам, а не артефактам. Детально были зафиксированы планы жилищ, поселений и рассмотрены стадии сооружения курганов. В таких условиях большое значение имела компетентность отдельных ученых-археологов, ответственных за такие крупномасштабные работы. Многие известные американские археологи следующего поколения начинали работать в составе рабочих групп, осуществлявших федеральные проекты 30-х годов. Таким образом, одним из последствий эпохи Великой Депрессии было появление поколения археологов, умеющих осуществлять проекты, предполагающие вскрытие больших площадей и обработку значительного объема материалов. Этот опыт они применяли в других районах США и обучали этому студентов.

С этим периодом также связано появление нескольких крупных региональных конференций и начало археологических программ в ряде колледжей, университетов и музеев. Анализ, обработка и интерпретация коллекций были занятием следующего поколения археологов, даже когда археологические проекты были завершены. Классическая схема древней истории Северной Америки, созданная в 1940-50 гг. такими авторами как Джеймс А.Форд, Джеймс Б.Гриффин и Гордон Р.Уилли основана на выводах и фактологической основе, появившихся в результате раскопок 30-х гг. Потребовалось большое количество времени, чтобы осмыслить весь этот материал. Даже в настоящее время появляются исследования активно использующие артефакты того времени (*Lyon, 1996*).

Период гидротехнических проектов

Сразу после Второй мировой войны в США начался большой строительный бум, связанный с сооружением больших дамб и водохранилищ вдоль основных рек. Благодаря активному участию археологов и поддержке Конгресса в 1945 г. была создана программа “Обследование Бассейна Рек”, централизованное управление которой было поручено Бюро Американской Археологии (*Walthall, Farnsworth, Emerson, 1997, с.26*). Последующие 20 лет археологи, работавшие в рамках этой программы, проводили разведки и стационарные раскопки почти по всей территории США. Хотя финансирование археологических работ было не такое значительное, как в предыдущий и последующие периоды, высокое качество проводимых работ достигалось привлечением специалистов, участвовавших в археологических программах 30-х годов. Поскольку “Обследование Бассейнов Рек” было общенациональной программой, при её осуществлении удалось достичь большей эффективности и единообразия, нежели при реализации археологических программ 30-х годов, которые были децентрализованы из-за большого количества федеральных ведомств отвечающих за массовое трудоустройство.

За период 1940-60 гг. как в среде профессионалов, так и у общественности в целом появилось осознание необходимости специального законодательства, которое охраняло бы памятники истории и археологии и предполагало стабильное финансирование охранных раскопок. Подобные настроения стимулировали законотворческую деятельность, результатами которой явилась серия законов, основными из которых стали — “Национальный закон об историческом

сохранении” от 1966 г. (National Historic Preservation Act), “Закон о национальной политике в отношении окружающей Среды” от 1969 г. (National Environmental Policy Act), на основании которых составляются современные археологические федеральные программы. Примерно в то же время Национальный научный фонд начал финансировать археологические проекты. Большинство грантов предназначались отдельным ученым или институтам для работы на территории США и за границей. До последнего времени Фонд являлся основным источником для финансирования археологических полевых работ, проводимых на основе охранного законодательства. Однако вначале финансирование больших полевых проектов было возможно только для нескольких ученых, работающих в известных музеях и филантропических институтах или федеральных ведомствах (Bense, 1997).

Период Управления Культурными Ресурсами

За последние 30 лет федеральное правительство вкладывало в охранные мероприятия средства, несравнимые по размеру с предыдущими периодами. Национальный закон об историческом сохранении и сопутствующее ему законодательство (Archaeological and Historical Preservation Act от 1974 г., Archaeological Resource Protection Act от 1979 г.) привели к созданию целой сети систем управления культурными ресурсами, которая поддерживалась на самом высшем уровне федеральным правительством и вылилась в беспрецедентное развитие научных и образовательных программ. С середины 1960-х годов правительственными инструкциями предписывалась фиксация, экспертная оценка и сохранение известных археологических памятников на федеральных землях. Такие требования предъявлялись также при осуществлении любых проектов, в которых участвовало правительство или привлекалось государственное лицензирование. Благодаря таким мерам только на Юго-Востоке США количество зарегистрированных памятников археологии от 10 тыс. в 1970 г. возросло до 200 тыс. в 1997 г.

Тысячи памятников стали примером интенсивных разведочных исследований, на сотнях из них были проведены крупномасштабные стационарные раскопки. Хотя величина экспедиционных отрядов только немного приблизились к археологическим отрядам 30-х гг., качество работ и количество данных далеко превосходят показатели предыдущих периодов. Исследованиям подвергались археологические памятники всех периодов — исторические и доисторические,

поскольку под культурными ресурсами сейчас понимается широкий круг недвижимых объектов: строения, ландшафты, культовые места и районы традиционного природопользования.

К раскопкам привлекается широкий круг специалистов — палеоботаников, палеозоологов, антропологов, которые реконструируют древнюю окружающую среду, системы жизнеобеспечения. Окончательные научные отчеты и тщательно обработанные коллекции гарантируют возможность использования их как фактологическую базу последующими поколениями археологов. Современные крупномасштабные раскопки сильно отличаются от раскопок 30-х годов, когда большие площади вскрывались вручную силами рабочих. Использование тяжелой техники для раскопок разрушающихся или подлежащих разрушению памятников, хотя и требует квалифицированных специалистов для такого рода работ, но при минимальных затратах позволяет достичь результатов в обнаружении памятников, картографировании и раскопках, сравнимых с археологическими исследованиями предыдущих периодов, когда привлекалось большое количество рабочей силы.

Эта новая государственная политика в отношении археологического наследия привела к значительному сдвигу в создании рабочих мест в университетах и правительственных структурах для возросшего количества археологов. В среднем на каждого руководителя археологического проекта или преподавателя, руководящего подобным проектом, приходится от 10 и более технических специалистов или студентов, имеющих степень бакалавра и выполняющих те же функции (т.н. “грязные археологи”). Если 25 лет назад такой профессии не существовало, то ныне тысячи людей, переходя из одного проекта в другой, работают на этих местах. Опытные технические специалисты составляют основу каждого проекта и успешное его завершение во многом зависит от подбора кадров исполнителей.

Учитывая огромное количество археологических работ, принимаемых по всей территории США, основной проблемой является интерпретация и генерализация уже имеющегося материала. Такой процесс уже начался, поскольку археологи, которые начинали свою карьеру в системе управления культурными ресурсами в 70-80-е гг., достигли среднего возраста и больше внимания уделяют осмыслению уже имеющегося материала, нежели сбору нового. В этом отношении современный период похож на два десятилетия, последовавших за бумом археологии 30-х годов, когда проис-

ходила массовая обработка полевых отчетов, на основе которых и делались обобщения о древней истории США.

Однако если в 30-е годы с прекращением федеральных программ сильно сократился приток информации, что позволило спокойно заниматься теоретическими вопросами, то сейчас количество федеральных программ по археологии только увеличивается. Таким образом, поток информации приобретает поистине лавинообразный характер. Поэтому оперативная обработка, централизация информации и обеспечение доступа к ней стали одной из самых важных задач для археологов, задействованных в системе управления археологическим наследием.

Создание Общенациональной археологической базы данных началось в 1984 г. по инициативе Конгресса США и было одной из основных задач федеральных ведомств, соприкасающихся с археологической деятельностью. С 1984 по 1985 гг. в рамках Археологической программы Службы Национальных Парков были выработаны системные спецификации, подготовлен пилотный проект базы данных и началось общенациональное создание археологической базы данных (его части, посвященной полевым отчетам). В 1986 г. система базы данных была полностью смонтирована и начался сбор данных пока только в четырех региональных офисах Службы Национальных Парков, затем система сбора данных для базы данных распространилась на всю территорию США. Основу базы данных, в особенности той части, которая посвящена археологическим отчетам, составила т.н. “серая литература” — неопубликованные или изданные малыми тиражами отчеты Службы государственной охраны памятников. Часть полевых отчетов составила около 200 тыс. единиц. Кроме полевых отчетов в базу данных входила информация об археологических проектах и другие сведения по историческим и археологическим памятникам.

Телекоммуникации в археологии США

В настоящее время проблема доступа к информации решена введением Национальной археологической базы данных в Интернет. В интернетовском варианте она состоит из трёх модулей: Отчеты, Карты и информация по возвращению археологических материалов из погребений индейцев, эскимосов и гавайцев. Доступ к перечню необходимых отчетов возможен через географические показатели — штат, графство, реперы на местности, а также через показатель культурной принадлежности, имя автора, название организации осу-

ществляющей археологические работы. Информация включает в себя: официальное название отчета, имя автора, местонахождение самого отчета (библиотека или региональная база данных), краткое описание отчета, состоящее из описания места расположения памятника, типа проведенных работ; федеральное агентство, проводившее работы; ключевые слова по содержанию работ.

Другой проблемой является обзор всех полевых археологических проектов прошлых и настоящих, центральных, региональных и местных. Такой обзор позволит выработать конкретные меры по улучшению системы управления и охраны археологического наследия. Кроме того, генерализация всех данных по археологическим памятникам поможет понять влияние природных и климатических изменений на человеческое сообщество и использовать эти выводы для прогнозирования состояния окружающей среды (*Ehrenhard, Smith, 1991*).

Изменения в охране археологического наследия за последние годы

Несмотря на столь значительные государственные вложения в управление культурными ресурсами США, состояние археологического наследия далеко от идеального, памятники продолжают разрушаться с возрастающей интенсивностью. Рост населения и развитие капитального строительства создают новые проблемы для работы соответствующих ведомств.

В условиях развития туризма большое внимание уделяется активной позиции общественности в охране археологического наследия. На больших незаселенных территориях со слабой инфраструктурой небольшой штат региональных отделений службы охраны памятников не справляется с мониторингом, ремонтом и уходом за всеми подведомственными ему памятниками. Потому из местного населения набирается группа смотрителей, которые после небольшой подготовки занимаются периодическими обходами исторических и археологических памятников и информируют местную службу охраны памятников о состоянии объектов. Такая сеть смотрителей существует в Аризоне, Техасе и Нью-Мексико. На территории, подчиненной различным федеральным ведомствам, надзор за памятниками осуществляется в зависимости от характера деятельности. На территориях Служб Леса и Национальных Парков лесники, егеря и сторожа во время обходов отслеживают не только состояние флоры и фауны, но и ведут мониторинг археологических и исторических объектов. Активная позиция общественности

выражается также в создании различных местных археологических, исторических и генеалогических обществ, ставящих своей целью изучение и надзор либо за отдельным памятником, либо за целой территорией с комплексами разновременных памятников.

Приспосабливаясь к новым условиям, федеральные чиновники стараются действовать в рамках уже существующего законодательства, изменяя и модифицируя инструкции и циркуляры. К одному из таких изменений относится решение правительства о сокращении процедуры согласования по проектам капитального строительства в которых участвуют федеральные структуры.

Бюро управления федеральными землями решило изменить систему охраны объектов археологического наследия, которой оно должно было заниматься на подведомственных ему землях по Закону об охране памятников, имеющих национальное значения. Бюро подведомственны почти 320 млн. акров федеральных земель, которые находятся в основном на территории западных штатов. По соглашению между Национальной конференцией уполномоченных штатов по охране исторических памятников, президентским консультативным советом по сохранению исторических памятников, Бюро в большинстве случаев будет иметь единоличное право определять необходимость археологического обследования и раскопок археологических памятников в процессе подготовки проектов связанных со строительством топливных комплексов, скотоводческих хозяйств, и вырубкой и транспортировкой леса. Также Бюро имеет единоличное право определять, подходит ли тот или иной памятник для внесения в Национальный список исторических мест.

Структура национальной программы по охране памятников имеющих национальное значение, осуществляемой по соответствующему закону, предполагает взаимозависимую связь между тремя участниками: федеральными ведомствами, уполномоченными штатов по охране и консультативным советом, который только в 1996 г. рассмотрел 3 тыс. проектов по охране исторических и археологических памятников. Чиновники Бюро по управлению землями считают, что соглашение позволит их ведомству посвятить больше времени более активной работе — анализу информации, накопленной за десятилетия осуществления охранных законов, и выделению районов, где такая информация более необходима, нежели оформление многочисленных документов для ежегодных охранных проектов. Таким образом, деятельность Бюро была переориентирована с контроля над процессом осуществления

охранных проектов на достижение конечного результата — сохранение археологических памятников в том или ином виде. Чиновники Бюро вместо наблюдения за процессом прохождения проектной документации более непосредственно займутся управлением археологическими ресурсами. По мнению представителей Бюро, 95% времени охранные службы штатов и Консультативный совет тратят на согласования проектов археологических раскопок и обследований, подготовленных Бюро. По их мнению, это ведомство накопило достаточно опыта для самостоятельного осуществления охранных мероприятий. По новому соглашению службы штатов и Совет будут привлекаться только в случае неординарных проектов, таких как — межведомственные и межправительственные (имеется в виду правительства штатов) проекты, мероприятия, которые могут влиять на памятники федерального значения, а также спорные проекты, по которым Бюро управления землями необходимо иметь заключение службы охраны памятников штата или представителей индейского племени.

Конференция уполномоченных штатов по охране памятников истории и культуры хотя в целом поддержала изменение структуры охраны памятников, однако в выступлениях представителей прозвучали предостережения о том, что это соглашение разрушит устоявшиеся процедуры и сложившиеся взаимозависимые отношения между участниками охранной деятельности. Если не принять необходимые меры предосторожности, то внедрение нового проекта откроет лазейку для тех строительных фирм, которые не хотят тратить деньги на археологическое обследование территории. Дело в том, что если раньше Бюро по управлению землями должно было совещаться с местной службой охраны памятников на каждой стадии осуществления какого-либо строительного проекта, то сейчас после принятия соглашения, Бюро будет контактировать с охранным ведомством только в случае разрушения какого-либо значительного памятника в ходе строительных работ. Кроме того, возникало опасение, что при определении, подходит ли какой-либо памятник для внесения его в список охраняемых государством, Бюро будет пользоваться преимуществом, и службы охраны памятников штатов не смогут равноправно участвовать в этом процессе.

Бюро по управлению федеральными землями не единственное федеральное агентство, от которого требуется гибкость в отношении охраны памятников. Служба Национальных парков имеет право по специальному соглашению единолично давать заключение по неко-

торым видам проектов, в основном — по содержанию и ремонту памятников культуры, однако в некоторых случаях содержание рассматривается как основная работа.

На местах службы охраны памятников постарались проконтролировать процесс принятия и осуществления данного соглашения, например, в Айдахо после принятия соглашения на федеральном уровне местное управление постаралось достичь соглашений на уровне штатов со всеми заинтересованными сторонами, уточняя детали, отражающие региональную специфику. В целом степень местного контроля за введением в жизнь данного соглашения отличается в разных штатах.

Процесс принятия соглашения и введения его в жизнь был не простым. Хотя проводились обсуждения с представителями Невады, Нью-Мексико, Орегона, Вайоминга и племени Навахо, а другим участникам в конференции штатов были разосланы проекты соглашения, в финальном документе всё равно не были отражены все требования служб охраны памятников штатов. Предполагалось, что как только Бюро по управлению землями выработает соглашения с каждым конкретным штатом, то будут пересмотрены процессы принятия решений в связи с новым соглашением. В результате возникло новое противоречие, касающееся правомочности заинтересованных сторон участвовать в этом процессе. Например, когда Археологический Совет Нью-Мексико, неправительственная организация, насчитывающая около 200 членов, попыталась принять участие в выработке соглашения между Бюро управления и службой охраны памятников Нью-Мексико, ему было отказано. Это дало повод для обвинения служащих Бюро в том, что они отвергают мнение общественных организаций, и спровоцировало целую бурю критики на WWW. Проект соглашения на федеральном уровне был обнародован в “Federal Register” в декабре 1996 г. и на странице Ассоциации американских культурных ресурсов в Интернете. Кроме того, по словам представителей Бюро, сотням адресатов были разосланы два информационных письма, первое о проекте соглашения, второе — о том, как Бюро собирается пересматривать процесс принятия решений по охраняемым проектам. Все заинтересованные стороны просили высказаться по поводу координации действий и консультаций. Реакция на письма была довольно слабой. Хотя, как отмечали некоторые специалисты, небольшое количество ответов не означает отсутствие заинтересованности всех участвующих в обсуждении организаций (*Rethinking Preservation*, с.7)

В соглашении предусматривалось, что Бюро будет обеспечивать соответствующее широкое участие всех заинтересованных сторон в пересмотре политики и процедур охраны культурного наследия. Привлечение общественности и индейских племен к принятию решений вытекает из Закона об охране памятников истории, имеющих национальное значение, и Закона об охране окружающей среды. Однако представители Бюро считали, что соглашения со штатами и пересмотр процесса управления являются “внутренними административными мероприятиями” и касаются только служб охраны памятников штатов и Бюро управления землями, а привлечение общественности неприемлемо из-за федерального закона о консультативных комитетах, который предусматривает защиту правительственных действий от излишнего влияния заинтересованных сторон. В результате администрации штатов сами проконтролировали процесс вовлечения в обсуждение процедур охраны памятников, ограничивая и расширяя число участников.

В свою очередь Бюро приложило все усилия для того, чтобы соглашение заработало, кроме пересмотра процесса принятия решений по охранным проектам, был создан специальный совет по охране, который будет определять политику в отношении культурных ресурсов, обеспечивать и отслеживать подготовку персонала по охране культурных ресурсов. Также Бюро составляет более подробную базу всех памятников, приемлемую для осуществления соответствующих экспертиз территорий.

Часть уполномоченных по охране памятников штатов рассматривают это соглашение как дальнейшее развитие концепции охраны исторического наследия, заложенное в 1966 г. принятием Закона об охране исторических памятников, имеющих национальное значение. В ст.106 этого закона федеральные агентства обязываются учитывать воздействие своих мероприятий на все объекты собственности, имеющие историческое значение, а по ст. 110 им рекомендуется предварительно идентифицировать и защищать такие виды собственности. На практике агентства, которые рассматривали объекты культурного наследия как помеху в осуществлении мероприятий, принимали во внимание эти объекты только в случае обсуждения какого-либо проекта, основываясь исключительно на ст.106. Другие, более серьезно относясь к управлению культурными ресурсами, полностью основываясь на ст. 110, вводили все объекты культурного наследия в систему долговременного планирования.

Как отмечают многие специалисты по охране исторических памятников, пока трудно сказать, какие конкретные результаты принесет воплощение в жизнь данного соглашения. Однако уже первые шаги в этом направлении выявили некоторые плюсы и минусы. Например, в Аризоне, где было подписано первое в США соглашение на местном уровне между Службой охраны исторических памятников штата и отделением Бюро по управлению федеральными землями. В соглашении помимо того, что были определены те мероприятия, которые требуют заключения службы охраны памятников, основной упор был сделан на рабочем взаимодействии со служащими Бюро. По этому соглашению представители Бюро и Службы охраны исторических памятников должны встречаться раз в год для рассмотрения рабочих планов, обсуждения отчета Бюро по охране памятников. На практике эти встречи проходили чаще для выработки стратегии в некоторых мероприятиях, которые формально не требовали заключения Службы охраны памятников, но оно было необходимо. В ежегодном отчете Бюро сообщает всю информацию, затребованную Службой охраны памятников.

Для сотрудников Службы такое соглашение дает возможность поучаствовать в работе Бюро по управлению землями, лучше понять специфику их деятельности. Прежде всего, узнать больше о самих федеральных землях и землепользователях, которые очень сильно различаются. Кроме того, участие в совместных встречах способствовало более эффективному сотрудничеству между работниками Службы и землеустроителями на местах.

Таким образом, благодаря соглашению сорудники региональных ведомств по охране памятников получили возможность более активно участвовать в процессе управления федеральными землями, работая рядом с землеустроителями и рассматривая не только отдельные археологические памятники, которые попадают в зону разрушения, но и весь регион в целом.

Тем не менее, несмотря на соглашение, многие проекты, особенно те, в которых участвуют несколько ведомств, требуют заключения службы охраны памятников, также как и проекты, созданные на гранты администрации штатов. Кроме того, избегая прямого разрушения археологических памятников, Бюро не всегда обращает внимание на косвенные причины разрушений, в частности, в ходе природоохранных, восстановительных мероприятий. Усиление охранной деятельности в рамках Бюро по управлению землями чревато

еще и тем, что его чиновникам не будет хватать времени на решение всех, находящихся в их компетенции вопросов. Уже первый год деятельности в рамках соглашения свидетельствовал о полной загруженности землеустроителей. По мере введения в жизнь соглашения количество вопросов будет расти (*Heathington*, 1999, с.34-37).

Литература

Bense, 1997 — *Bense J.A.* The Southeastern jump start of national archaeology. *Common Ground* № 1, 1997, С.20-26

Champion, 1997 — *Champion T.* Alternative approaches to the legal protection of ancient monuments. Personal communication on TAG Conference 1997.

Ehrenhard, Smith, 1991 — *Ehrenhard J., Smith G.* Protecting the Past. Boca Raton, 1991

Heathington, 1999 — *Heathington C.* Rethinking Preservation. *Common ground*, 1999, С. 32 -37

Federal archaeological programs...1993 — Federal archaeological programs and activities. Washington, 1993

Lyon, 1996 — *Lyon E.A.* A New Deal for Southeastern Archaeology. Tuscaloosa, 1996

Rethinking Preservation, 1997 — Rethinking Preservation. *Common ground*, vol 2, N ..., 1997

Walthall, Farnsworth, Emerson, 1997 — *Walthall J., Farnsworth K., Emerson T.E.* Constructing the Past. *Common Ground* , vol.2, N 1, С. 26-33

Willey, Sabloff, 1980 — *Willey G.R., Sabloff J.A.* A History of American Archaeology. San Francisco.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Амирханов* — Госкомитет РФ по охране окружающей
Амирхан среды, заместитель министра, Москва
Магомедович
- Анисимова Ю.А.* — Музей “Тальцы”, н.с., Иркутск
Юлия
Александровна
- Благовидов* — Госкомитет РФ по охране окружающей
Алексей среды, Москва
Константинович
- Бочкарева* — Институт Наследия, н.с., Москва
Ольга
Владимировна
- Буров* — Институт археологии РАН,
Владимир с.н.с., к.и.н., Москва
Андронович
- Векслер* — Центр археологических исследований УГК ОИП,
Александр главный археолог г.Москвы, Москва
Григорьевич
- Волков* — Институт Наследия, зав.сектором комплек-
Игорь сного исследования культурного и природ-
Викторович ного наследия Юга России, к.и.н., Москва
- Гоняный* — Государственный исторический музей,
Михаил заведующий отделом комплексных
Иванович археологических исследований, Москва

- Гордеев Вячеслав Иванович* — НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры, н.с., Йошкар-Ола
- Горлов Юрий Викторович* — Институт археологии РАН, с.н.с., к.и.н., Москва
- Гриценко Владимир Петрович* — Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник “Куликово поле”, директор, к.и.н., Москва
- Гусев Сергей Валентинович* — Институт Наследия, зав.сектором охраны и использования археологического наследия, к.и.н., Москва
- Ефимов Константин Юрьевич* — Госинспекция ОИКН ВО, эксперт-археолог, Воронеж
- Есенин Алексей Васильевич* — Институт Наследия, с.н.с., Москва
- Завьялова Надежда Иосифовна* — Институт Наследия, н.с., Москва
- Загорулько Андрей Владиславович* — Институт Наследия, с.н.с., к.и.н., Москва
- Зеленеев Юрий Анатольевич* — Марийский государственный университет, заведующий Центром археолого-этнографических исследований, д.и.н., Йошкар-Ола
- Зайцева Галина Алексеевна* — Институт Наследия, заведующая центром экологических проблем культурного наследия, к.б.н., Москва

- Ивченков Виктор Леонидович* — Туристическая компания “Galaxy”, старший менеджер, Волоколамск
- Илюшин Андрей Михайлович* — Научно-производственное предприятие “Памятник”, к.и.н., Кемерово
- Климов Марат Васильевич* — Институт истории НАН, м.н.с., Минск
- Ковалевский Виктор Николаевич* — Госинспекция ОИКН ВО, региональный инспектор, Воронеж
- Колонцов Сергей Владимирович* — НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, главный специалист-археолог, Новосибирск
- Кондрашев Леонид Викторович* — Центр археологических исследований УГК ОИП, заместитель генерального директора, Москва
- Конецкий Владимир Яковлевич* — Новгородский государственный университет, доц., к.и.н., Новгород
- Кренке Николай Александрович* — Институт археологии РАН, с.н.с., к.и.н., Москва
- Кудрявцев Александр Абакарович* — Ставропольский государственный университет, зав.кафедрой археологии, проф., д.и.н., Ставрополь
- Лбова Людмила Валентиновна* — Восточно-Сибирская государственная Академия культуры и искусства БНЦ СО РАН, доцент, к.и.н., Улан-Уде

- Лебедев Глеб Сергеевич* — Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра археологии, профессор, д.и.н., С.-Петербург
- Леонова Наталья Борисовна* — Московский государственный университет, кафедра археологии, профессор, д.и.н., Москва
- Мартынов Анатолий Иванович* — Томский государственный университет, заведующий кафедрой археологии, профессор, д.и.н., Томск
- Мартынова Галина Семеновна* — музей-заповедник “Томская писаница”, директор, к.и.н., Томск
- Михеева Аурика Ивановна* — НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры, главный специалист-археолог, Йошкар-Ола
- Новоселова Ольга Алексеевна* — Госкомитет РФ по охране окружающей среды, начальник отдела экологического мониторинга, Москва
- Погодин Леонид Иванович* — Дирекция национального археологического и природного парка “Батаково”, Омск
- Поротов Алексей Васильевич* — Московский государственный институт, географический факультет, Москва
- Приходько Владимир Федорович* — ФКЦ “Земля”, Член градостроительной комиссии при Президиуме САР, Москва
- Пряхин Анатолий Дмитриевич* — Воронежский государственный университет, заведующий кафедры археологии, профессор, д.и.н., Воронеж

Разуваев Юрий Дмитриевич — Воронежский государственный университет, заведующий музеем археологии ВГУ, к.и.н., Воронеж

Смирнов Александр Сергеевич — Институт археологии РАН, заведующий отделом охранных раскопок, к.и.н., Москва

Соболев Вячеслав Юрьевич — Дом пионеров, руководитель кружка, к.и.н., С.-Петербург

Софеев Олег Валерианович — НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, ведущий специалист-археолог, Новосибирск

Старков Андрей Владимирович — Лаборатория археологических исследований НПЦ, заведующий, Екатеринбург

Степаницкий Всеволод Борисович — Госкомитет РФ по охране окружающей среды, Москва

Субботин Андрей Викторович — Институт истории материальной культуры РАН, н.с., к.и.н., С.-Петербург

Торопова Елена Владимировна — Новгородский государственный университет, н.с., Новгород

Цыбин Михаил Владимирович — Воронежский государственный университет, кафедра археологии, доц., к.и.н., Воронеж

Чаиркин Сергей Евгениевич — Лаборатория археологических исследований НПЦ, Екатеринбург

- Чернов Сергей Заремович* — Институт археологии РАН, с.н.с., к.и.н., Москва
- Чернышев Александр Викторович* — МГУ, Географический факультет, доц., к.г.н., Москва
- Чистов Сергей Владимирович* — МГУ, географический факультет, доц., к.г.н., Москва
- Шорин Александр Федорович* — Институт истории и археологии УрО РАН, зам.директора, д.и.н., Екатеринбург
- Шумкин Владимир Яковлевич* — Институт материальной культуры РАН, с.н.с., С.-Петербург
- Энговатова Ася Викторовна* — Институт археологии РАН, с.н.с., к.и.н., Москва
- Янишевский Борис Евгеньевич* — Институт археологии РАН, н.с., к.и.н., Москва

Список сокращений

- АО — Археологические открытия
- ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ЕГСЭМ — Единая Государственная система экологического мониторинга
- ИА РАН — Институт археологии Российской Академии Наук
- ИИМК — Институт истории материальной культуры
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- СА — Советская археология

**Мониторинг археологического наследия
и Земельный кадастр**

Научные редакторы: *Ю.А.Веденин, С.В.Гусев*

Составители: *С.В.Гусев,
А.В.Загорулько,
С.З.Чернов*

Утверждено к печати редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

Редактор *Н.В.Яркина*
Обложка и дизайн *Н.В.Мольс*
Компьютерная верстка *Д.С.Захарьин*

Подписано в печать 06.07.2000

Формат 60x84 1/16. Гарнитура букварная.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,7. Тираж 1000 экз.
Заказ № 198. Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»
Тула, ул. Свободы, 38

ПЛР № 060231 от 20.10.97

